Магнус Миллз

Схема полной занятости

КОЛЛЕКЦИОНЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Схема полной занятости

Магнус Миллз

Аннотация
Магнус Милз. Схема полной занятости
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13

Аннотация

«– Хотя вот еще что, – сказал он, пошелестев бумажками в папке. – Я тут просматривал ваш ежедневный пробег за декабрь. Судя по этим записям, в среду, четвертого, вы сделали шестьдесят три мили, в четверг, пятого, – шестьдесят три мили, а в пятницу, шестого, – один миллион двенадцать тысяч двадцать две мили. Куда вы ездили в тот день?..»

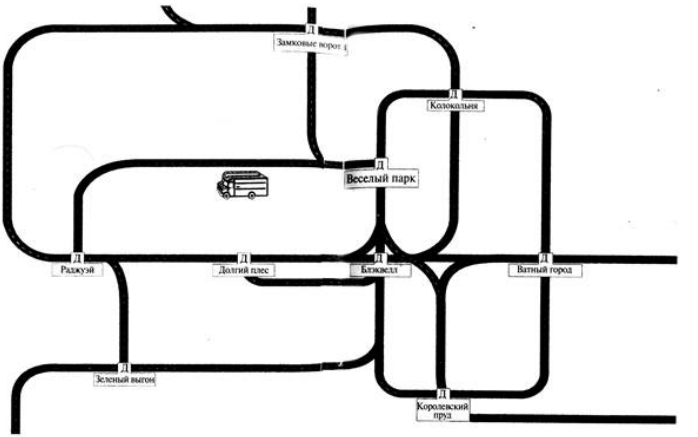
Один из самых ярких представителей современной британской литературы «черный юморист» Магнус Милл ззнает, о чем пишет. Восемь лет он строил ограды, двенадцать лет– водил автобус.

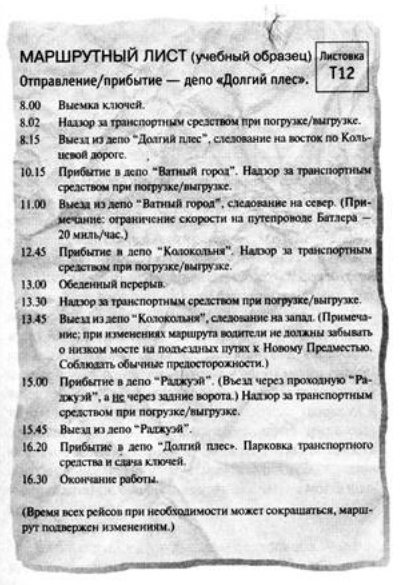
«Схема полной занятости» – месть прекрасному будущему, на которое мы все возлагали большие надежды.

Роман публикуется на русском языке впервые.

Магнус Милз
Схема полной занятости

Моему отцу


Замковые ворота
Колокольня
Веселый парк
Раджузэй
Долгий плес
Блэквелл
Ватный город
Зеленый выгон
Королевский пруд



МАРШРУТНЫЙ ЛИСТ (учебный образец) Листовка T12

Отправление/прибытие — депо «Долгий плес».

8.00 Выемка ключей.

8.02 Надзор за транспортным средством при погрузке/выгрузке.

8.15 Выезд из депо "Долгий плес", следование на восток по Кольцевой дороге.

10.15 Прибытие в депо "Ватный город". Надзор за транспортным средством при погрузке/выгрузке.

11.00 Выезд из депо "Ватный город", следование на север. (Примечание: ограничение скорости на путепроводе Батлера — 20 миль/час.)

12.45 Прибытие в депо "Колокольня". Надзор за транспортным средством при погрузке/выгрузке.

13.00 Обеденный перерыв.

13.30 Надзор за транспортным средством при погрузке/выгрузке.

13.45 Выезд из депо "Колокольня", следование на запад. (Примечание: при изменениях маршрута водители не должны забывать о низком мосте на подъездных путях к Новому Предместью. Соблюдать обычные предосторожности.)

15.00 Прибытие в депо "Раджуэй". (Въезд через проходную "Раджуэй", а не через задние ворота.) Надзор за транспортным средством при погрузке/выгрузке.

15.45 Выезд из депо "Раджуэй".

16.20 Прибытие в депо "Долгий плес». Парковка транспортного средства и сдача ключей.

16.30 Окончание работы.

(Время всех рейсов при необходимости может сокращаться, маршрут подвержен изменениям.)

Конечно, в любой другой стране Схема и сегодня бы работала. В любой другой стране ее берегли бы как национальное достояние и все трудовые ресурсы изо всех сил поддерживали бы те высокие стандарты и принципы, на которых она покоилась. Собственно говоря, многие наши

соседи с континента стали пользоваться вариантами Схемы сами и достигли в этом безмерных успехов. Однако не возникает вопроса, кто ее придумал. Схема — наша. Ее придумали мы. Схеме Полной Занятости завидовал весь мир: величайшее предприятие, когда-либо зародившееся в людских головах. Одним махом она решала проблему, не дававшую покоя многим поколениям человечества. Участникам лишь следовало привести в движение колеса — и можно предвкушать яркие солнечные высоты, где никогда не будет места праздности и неуверенности. Провидцы разработали Схему до мельчайших деталей, она была сверхнадежна и не могла подвести.

Только не в этой стране.

В этой стране мы умудрились ее испоганить. Мы разрушили последнее, что могло бы спасти нас от забвения и краха. К тому же уничтожили ее собственными руками, а не по воле заблудшего вождя, которому можно подчиняться, а потом свалить на него всю вину. Нет, винить здесь некого, кроме нас. Схему создали для нас, и мы же в конце концов ее погубили.

1

Лен Уокер заметил опасность гораздо раньше всех. Помню наш разговор однажды утром, когда мы стояли на погрузочной площадке депо «Блэквелл» и смотрели, как въезжают и выезжают «УниФуры». Прекрасный день начинался — первый после долгой слякоти, — и некоторые водители баловали свои транспортные средства проездом через автомойку. Грузы тем временем разлетались с площадки так же быстро, как поступали на нее, никаких заторов. Просто муравейник активности, и я заметил, что всё, похоже, тикает гладко, как часы.

— Ну да, — сказал Лен. — Смотрится радужно, но ты ведь понимаешь, все так же легко может и закончиться, правда?

— Закончиться? — переспросил я. — С чего бы?

— Все может случиться в одночасье.

— Но ты же сам говоришь, что мы живем в славное время.

— Еще бы! Славное, славное время!

— Ну и вот.

— Что — ну и вот? — Лен понизил голос. — Вре-

мя-то, может, и славное, но если мы его потеряем, оно больше не вернется.

— А чего ради нам его терять?

— А того ради, что некоторые тут слишком много стали принимать как должное. Слишком много вольностей, если ты меня понимаешь. Я не хочу тыкать ни в кого пальцем, но тут у нас есть кое-кто, и они грозятся подорвать все, что строилось годами. Не осознают, что все может рухнуть, как карточный домик, если они не будут осторожны.

— Вот как?

— Ну, не сразу, конечно, — я уверен, что мы еще какое-то время продержимся. Тем не менее, при излишнем самодовольстве и если мы не будем дорожить тем, что имеем, я тебе точно говорю — однажды мы проснемся и увидим, что ничего не осталось.

— А ты кому-нибудь еще про это говорил?

— Только тем, кто слышит. Нас тут мало, но мы есть — мы, так сказать, несем слово. Ясно, что дело небыстрое — достучаться до каждого, заставить осознать ситуацию. Не все же такие сознательные, как мы с тобой.

— Ну, про себя я бы не сказал, что я уж очень сознательный. Напрягаться мне, как и любому

другому, не нравится.

— Может, оно и так, — ответил Лен, — но я вижу, что тебе Схема приглянулась больше, чем многим.

— Возможно.

— Хотя за твоего помощника я не ручаюсь.

— За Джорджа-то? Нет, по-моему, он вообще о таком не задумывается. Ему интереснее свои тортики развозить.

— Будь другом, сделай доброе дело? Попробуй как-нибудь вбить это в голову ему и остальным, кто просто плывет по течению и считает, что все это — навечно. А то через десять лет сюда придут, а ворота закрыты, и сквозь бетонку уже растут деревца.

— Ладно. Постараюсь. Слушай, Лен, я лучше пойду — там уже Осгуд выглядывает. В следующий раз увидимся, хорошо?

— Да. До встречи.

Он сделал шаг в сторону и стал смотреть, как я спускаюсь по ступенькам и иду к кабине «УниФура». И когда я в нее взбирался, он все так же на меня смотрел — вроде как наблюдал, хорошо ли я усвоил сказанное.

Я задвинул дверцу кабины. Вокруг Джорджа на откидном сиденье громоздились розовые и

белые коробки.

— Ты что, здесь так и просидел все время? — спросил я. — Я думал, ты к Осгуду пойдешь.

— Не пошел, — ответил он. — Я решил пока не начинать. Тут надо будет все аккуратно настроить.

— Как скажешь. Готов?

— Ну.

— Тогда поехали.

Я завелся, и мы тронулись — по двору и через ворота.

— Вы о чем с Леном говорили? — спросил Джордж, стараясь перекричать гул двигателя. — Целую вечность дискутировали.

— Ты же знаешь, он как начнет…

— Нуда…

— Говорил, что от Схемы в любую минуту может остаться пшик.

— Чего-то он по-новому запел. Когда мы в последний раз говорили, он мне рассказывал, что у нас сейчас всё лучше некуда.

— Да нет, в это он по-прежнему верит. Только считает, что в это не верит больше никто. Кроме немногих избранных.

— Вроде него и Мика Долстона, когда они из игровой часами не вылазят? Чтоб комар носа не

подточил, как они говорят.

— Именно.

— Так в чем его проблема тогда?

— Ну ты же знаешь, Лен всегда завтракает, обедает и пьет чай в один присест?

— Ну да, — сказал Джордж. — И уже много лет так.

— Но, несмотря на это, с работой всегда справляется, правда?

— Допустим.

— А когда ты в последний раз видел, чтобы на площадке в «Блэквелле» была неразбериха?

— Не помню.

— А я помню. Когда Лен ушел в отпуск, и две недели его заменял Чарли Грин.

— А, нуда.

— И Чарли все твердил, что Гослинг все подпишет, когда хочешь, если на него поднажать. Три дня подряд раньше заканчивал работу, а когда Лен вернулся, затовар был такой, что на три рейса хватило.

— И он расстроился, да?

— Мягко сказано. Вообще-то он рассвирепел. Несколько месяцев с Чарли не разговаривал. Я вот о чем: Лен всегда отрабатывает полные восемь часов, если даже полдня просиживает

наверху. С работы пораньше никогда не уходит, потому что не хочет лишиться своих дротиков, карт и снукера, а также прочих радостей. Он в Схеме очень долго, не забывай. И хочет, чтобы все оставалось в точности как было, но боится, что оно развалится к свиньям.

— А чего ради?

— А того ради, что никто из нас не ценит этого по достоинству.

— Да чего он дергается? — возмутился Джордж. — Беда Ленни в том, что он ко всему этому слишком всерьез.

— Ты уверен?

— Еще б не уверен. Смотри, ты сам отлично знаешь, что Схема непотопляема. Эти «УниФуры» сконструировали специально для такой работы, так? Тысячи машин построили, у всех взаимозаменяемые детали, все ржавоустойчивые. Они будут бегать много лет, если за ними ухаживать как полагается, и пока у них есть будущее, нам тоже ничего не грозит. Никто в здравом уме с маршрутов их снимать не станет. Если их уберут, общественность подымет вой, а кроме того, что станет со всеми депо, заводами, станциями обслуживания? Они ведь больше ни на что не годятся. Ты уж мне поверь — нас не закроют из-за того,

что Чарли Грин иногда сачкует.

— Что ж, надеюсь, ты прав, — сказал я. — Хотя бы ради Лена.

За такой беседой мы выехали на Кольцевую дорогу и направлялись теперь на восток. Время от времени навстречу нам попадались другие «УниФуры», и если они были приписаны к «Долгому плесу», мы мигали им фарами. (А если к другим депо — игнорировали.) Таким манером мы уже поздоровались с Дэйвом Уэланом и Миком Кларком, немного погодя — с Джоном Фордом и Колином Регисом. А через минуту въехали в пробку, и пришлось сбросить скорость чуть ли не до пешеходной.

— Сменим тему, — сказал Джордж. — Знаешь, а меня следующие две недели не будет.

— Знаю, — ответил я. — Я видел график отпусков.

— А, ну да. Значит, с тортиками нормально? Я повернулся к нему:

— Чего?

— С тортиками. Вообще — нормально?

— Да, — сказал я. — Что такое «тортики вообще», я знаю. Я не понял, что ты имел в виду под «с тортиками нормально».

— Ты можешь взять их на себя?

— Конечно, нет.

— Почему?

— Потому что это твои тортики, Джордж. Я не возражаю, что ты берешь их с собой, когда ты сам тут. Это одно. А я их таскать не буду, пока ты по отпускам разгуливаешь.

— Их же немного.

— Да хоть сколько. Не буду, и всё.

— Но Трэйс меня убьет.

— Это ваши с Трэйс дела, — сказал я. — Схема не для того придумана, чтобы твоей подружке добряки делать, знаешь ли.

— Это я понимаю, — сказал Джордж. — Но ты что, не можешь друга выручить? Вот я бы тебя всегда прикрыл.

Тут меня осенило.

— Ты поэтому сегодня к Осгуду не пошел, да? Его тоже надо просить.

Джордж вздохнул:

— Ну да. Слушай, старина, мне правда очень нужна твоя помощь. Я знаю, Трэйс иногда слишком далеко заходит, но из нашей с тобой работы нужно все выжимать, разве нет?

— Как скажешь.

— И в среду их не будет.

— А в среду чего?

— 29 февраля.

— И?

— Високосный год, да? Никто не рождался. По крайней мере, в этих местах.

— Да, это стоит отметить, — сказал я. — Эй, что они там затеяли?

Прямо перед нами с развязки готовился выехать «УниФур» с двумя Стивами. На самом деле в таком ракурсе я видел только Стива Мура. Он, как обычно, сидел за рулем, но я знал, что на откидном сиденье пристроился Стив Армстронг. Мое внимание, однако, привлекло другое — как эта машина движется. Необычно. Не прет в поток движения, что типично для большинства водителей Схемы, а вежливо выжидает, пока не образуется просвет. Просвет, разумеется, не образовывался, поскольку никому не хотелось застревать в хвосте «УниФура», если без этого можно обойтись. Пропустить их мог бы я, и подъехав ближе, я помигал фарами, рассчитывая, что они как-то оценят. А вместо этого Стив, даже не глянув в нашу сторону, рванулся в зазор, который мы ему оставили, и пересек развязку наискось, съехав на противоположную дорогу! В этот момент я осознал: он в кабине один. Стива Армстронга нигде не видно.

— Да кем он себя вообразил? — воскликнул я. — Так нас подрезать?

— Фиг знает, — сказал Джордж. — Хитрит он чего-то на неавторизованной, да? Я думал, они по двадцать второй должны.

— Я тоже так думал. Видел, как просквозил, — даже головы не повернул?

Надо признать: меня смутило, что Стив Мур эдак весело проплыл перед нами по неавторизованной дороге, наслаждаясь полнейшей свободой передвижения, да еще и в полном одиночестве. Насколько я знал, это неслыханно. За все время, что я проработал в Схеме, «УниФур» оставался в моем личном распоряжении, лишь когда мы парковались и Джордж сбегал по своим многочисленным личным делам. А ездить без помощника строго воспрещалось, поэтому во мне взыграла зависть. Но как, интересно, ему это сойдет с рук в одиннадцать утра, средь бела дня?

— Его оштрафуют, если он и дальше так будет, — заметил Джордж.

— Да, — согласился я. — Будем надеяться, что он не попадется.

Мы посмотрели, как фургон Стива постепенно исчезает в лабиринте боковых улочек, промышленных предприятий и складов к югу от

Кольцевой. Затем без дальнейших рассуждений двинулись дальше. В депо «Ватный город» нам следовало прибыть в 12.45, но, как обычно по утрам, мы сильно опережали график. Однако нас это не очень беспокоило — нам нужно было еще кое-куда заскочить. Через пару миль я подъехал к веренице лавчонок и Джордж вылез из кабины с пирамидой своих кондитерских коробок.

— Не хочешь выйти поздороваться с Сандро? — спросил он. — Чтобы он знал, что на следующей неделе ждать тебя.

— Значит, ты решил, что я все-таки буду их развозить, да?

— Будет тебе, старина. Мне показалось, мы договорились.

— Ладно, тогда камешков мне привезешь.

— Откуда?

— С моря.

— Я ж не поеду в феврале на море, правда?

— А куда ты поедешь?

— Никуда.

— Но камешков все равно привезешь, — сказал я. — Будет чем заняться в отпуске.

— Спасибо, дружище.

Говоря строго, это нарушение, караемое штрафом, — оставлять транспортное средство без

присмотра, — но в наши дни почти все так поступают, поэтому я выключил зажигание и мы направились в «Пекарню Сандро», лишь закрыв понадежнее дверцу кабины. С без десяти восемь сегодня утром у нас там работала печка, и не хотелось терять с немалым тщанием накопленное тепло. Однако в дверях пекарни нас встретила такая волна жара, что непонятно стало, чего мы вообще переживали.

— Ёшкин дрын, — пробормотал я, заходя внутрь следом за Джорджем. — Как же работать в такой жарище?

На самом деле нас с Сандро уже официально представили друг другу какое-то время назад, когда Трэйс нагрузила Джорджа таким количеством тортиков, что пришлось помогать ему заносить их внутрь. Только Сандро, похоже, об этом забыл, и проще оказалось познакомиться заново. В действительности нам удалось лишь наскоро пожать друг другу руки: Сандро со своими помощниками носились по всей пекарне как угорелые, очевидно делая несколько дел сразу, — так же тут было и в мой прежний визит. Зашли мы единственно для того, чтобы Сандро признал меня на следующей неделе, когда я заявлюсь с тортиками, но через несколько минут мы

с Джорджем вышли, и в руках у меня был целый пакет пончиков — дар доброй воли. Хоть не зря заходили. Мы забрались в кабину, и я решил, что выручать Джорджа, в конечном итоге, будет не такой уж геморрой.

А кроме того, в пекарне мы взяли еще одну коробку. В ней лежал торт, который Джордж надеялся оставить на ночь в конторе Осгуда. Глазурью изделие уже облили, оно теперь дожидалось следующего отрезка своего странствия, а именно, — передачи в руки Пита Гиггса.

— Сколько Питу осталось на седьмом маршруте? — спросил я. Джордж аккуратно утверждал тортик на приборном щитке.

— Заканчивает в конце следующей недели. А потом переходит на четырнадцатый.

— Значит, для тебя какое-то время будет бесполезен.

— Тут дело не в пользе, — возмутился Джордж. — Это взаимовыгодная договоренность. Я помогаю в чем-то ему. Он — мне.

— А с Осгудом так просто не получится.

— Да он ничего отнесся, когда я в последний раз спрашивал. Нормально выйдет — с ним только надо поосторожнее. Наше сотрудничество, наверное, пока стоит расценивать как эксперимент.

К тому времени, как мы снова тронулись в путь, стрелка уютно перевалилась за двенадцать, и мы славно прокатились по Кольцевой и въехали в «Ватный город» точно по расписанию. Вышло очень удачно: Хоскинс стоял возле самых ворот и засекал у каждого время приезда. Мне он как бы кивнул эдак дружелюбно, но я не ответил — просто заехал во двор и задним ходом подогнал фургон прямо к рампе. Следующие четверть часа мы должны провести в ожидании у транспортного средства — в надежде, что кто-нибудь случайно придет и разгрузит его до часу дня. На самом же деле считалось, что утро уже закончилось, поэтому быстренько глянув на Хоскинса, который по-прежнему был занят у ворот, мы слиняли на обед.

— В столовку пойдешь? — спросил Джордж. — В карты перекинемся?

— Нет, — ответил я. — Наверное, схожу в кафе.

— Ладно, тогда увидимся.

— Увидимся.

В половине второго я вернулся на рампу и протер ветровое стекло фургона. Затем откатил дверь и заглянул внутрь. Едва ли можно это назвать полной загрузкой. Ближе ко мне, примерно на середине, лежал одинокий поддон со штабелем

не слишком больших ящиков. За ним были навалены пустые поддоны — они прислонялись еще к одному поддону с пустыми ящиками. С ручной тележкой я бы и сам все это выгрузил минут за десять. Но в Схеме так не полагалось, поэтому я просто сел на бетонный приступок и стал ждать. По правде говоря, сидеть тут в такое время дня, когда все спокойно, мне нравилось. Хоскинса нигде не видать, да и в конторе Уоттса, насколько я мог разглядеть, — ни души. Компанию мне составляла лишь полудюжина «УниФуров», выстроившихся вдоль рампы в ожидании своих дневных разнарядок. За ними лежал пожарный шланг, намотанный на барабан. Я понаслаждался безмолвной паузой еще минут десять, а потом услышал шага.

— В комнате с дротиками видел Стива Андерсона, — доложил Джордж. — Он играл один.

— Выигрывал? — поинтересовался я.

— Фиг знает, но он какой-то чудной, мне показалось.

— Почему?

— Ну, я спросил, почему его со Стивом Муром сегодня не было, а он как-то так глаза к мишени отвел и говорит: «Меня расформировали». Знаешь, отрывисто эдак.

— А почему, не сказал?

— Не-а, потом пришел Джумо Уильямс, они стали тренироваться, и я ушел.

— Наверное, все как-то просто объясняется.

— Надеюсь, — сказал Джордж. — Не нравится мне, когда люди чудят.

2

Честь разгрузки нашего транспортного средства в конечном итоге выпала Кевину Дженнингсу. Он объявился как гром среди ясного неба верхом на вильчатом погрузчике одновременно с Уоттсом, который возник на лестнице. Оба опоздали на пятнадцать минут, но относительно друг друга были пунктуальны. Уоттс зашел к себе в контору и закрыл дверь, но не на защелку, и дверь медленно открылась снова — дюймов на шесть.

Кевин же направился к нам прямиком.

— Так-так, что у нас тут? — вопросил он, въезжая в фургон и подсовывая рога под груженый поддон.

— Двадцать четыре средних, — ответил я.

— У меня в накладной столько же. — Он поднял груз и вывез его на свет. — Четырежды шесть — двадцать четыре. Ну, все правильно.

— Одну минуточку! — Из конторы неожиданно вынырнул Уоттс и надвинулся на нас. — Дайте-ка поглядеть на этикетки.

Кевин, Джордж и я стояли и смотрели, как он обходит штабель ящиков, вглядываясь в каждый

по очереди. Потом он вгляделся в меня:

— Что это такое?

— Должны быть правые задние мигалки.

— Должны быть, — произнес он. — Но это не они. Судя по этикеткам, все они — задние левые.

— А есть разница?

— Конечно, есть. Они мигают по-разному. Кто вас загружал?

— Э-э… а в путевом листе кто написан?

— Имя неразборчиво. Как обычно.

— А, ну да, — сказал я, поглядев на Джорджа. — Сейчас… э-э… Мартин, да?

— Нет, — ответил Джордж. — Крис, мне кажется.

— Или другой Крис, наверное.

— Да, возможно. Или, может…

— Ладно, ладно! — перебил Уоттс. — За это смертная казнь не полагается. Вешать никого не будут. Но уже второй раз за последние две недели нам с «Долгого плеса» поступают не те ящики. На прошлой неделе были передние левые мигалки.

— Они тоже мигают по-разному? — спросил я.

— Нет, — ответил он, и не моргая уставился на меня. — К счастью, нет.

Трудно сказать, насколько всерьез Уоттс относился к своей работе, но мне он вопросов больше

не задавал, да и я ему тоже нет. Тут зазвонил городской телефон.

— Ладненько, — сказал Уоттс, бросив взгляд на Кевина. — Пометь их и определи на место. Похоже, мне с этой публикой придется серьезно поговорить, чтоб у них мыслишки немного зашевелились.

— О чем это он? Мигают по-разному? — спросил Джордж, едва Уоттс скрылся в конторе.

— О, не обращайте на него внимания, — ответил Кевин. — Ему просто заняться больше нечем, вот и все.

Из кармана он вытащил огрызок воскового желтого карандаша и пометил каждый ящик буквами ЛЗ. И проставил сегодняшнее число. Потом уселся на свой погрузчик и поволок груз в складские глубины. А немного погодя вынырнул снова — с полноформатным ящиком.

— Это для «Блэквелла»? — спросил я.

— Ну. Роликовые Направляющие. Четыре Дюжины.

— Ах, вот что я люблю в этой работе, — заметил Джордж. — Разнообразие.

— Для «Веселого парка» что-нибудь есть?

— Сегодня нет, — ответил Кевин.

— Очень кстати, — сказал я.

Но я поторопился, потому что в следующий же миг из своего укрытия показался Уоттс.

— Одну минуточку, — сказал он, подходя к нам. — Похоже, у нас для вас еще кое-что будет. Мне только что позвонил Боб Литтл из «Долгого плеса». «Веселый парк» попросил у него ручную тележку с поддоном. У него ничего свободного нет, поэтому он спросил, не можем ли мы выделить одну свою.

— Надеюсь, вы сказали ему нет?

— Вообще-то не сказал, — ответил Уоттс. — У нас на заднем дворе одна простаивает, не так ли, Кевин?

— Ну, — поступил ответ. — Хотя ею давненько не пользовались.

— Это ничего, — сказал Уоттс. — Там, наверное, только подмазать чуть-чуть. Сгоняй-ка за ней, а?

— Иду.

Кевин побрел на мрачные задворки здания, а я повернулся к Уоттсу.

— Это значит, что мы должны заехать в «Веселый парк»?

— Конечно, вы должны заехать в «Веселый парк», — объявил он, извлекая из кармана рейсовое расписание и отыскивая нужную страницу. — Да, это ваш последний пункт.

— А мы надеялись его сегодня совсем пропустить, — сказал я.

— Совсем пропустить?

— Потому что всю неделю туда ничего не возили.

— И ничего там не забирали, — добавил Джордж. — Последний отрезок мы ездили порожняком.

Краем глаза я заметил какое-то движение, и в тот же миг сообразил, что к нам присоединился Хоскинс. Все утро он провел на погрузочном дворе и теперь был облачен в полный комплект, включая черное пальто и черную фуражку с высокой тульей. Уоттс же был по инструкции одет в черную куртку для ношения в помещении. Ощущая взаимную поддержку, начальники с очевидным недоверием воззрились на меня.

— Сколько ты уже в Схеме? — спросил Уоттс.

— Лет пять, — ответил я.

— Ну так вот, — сказал он. — Тебе отлично должно быть известно, что нельзя пропускать пункты заезда лишь потому, что тебе этого хочется.

— Но я подумал: может, кто-нибудь подпишет нам карточку, раз все спокойно.

— Кого ты имеешь в виду под «кем-нибудь»?

— Да фиг знает.

— Например, мистера Гослинга?

— Нет, разумеется, нет.

— А кого тогда?

— По обстоятельствам.

Повисло долгое молчание: Уоттс стоял, медленно и сокрушенно покачивая головой, словно ему напомнили о некой древней невыносимой трагедии. Хоскинс тем временем как-то отвернулся — очевидно, лишь для того, чтобы со скорбной миной оглядеть погрузочный двор.

— Послушай, — наконец изрек Уоттс. — В «Веселом парке» нужна тележка с поддоном, а вы единственные едете сейчас отсюда туда. Если вам сегодня хотелось свернуться раньше, об этом можно забыть.

— Ну ладно. — Я пожал плечами. — Но попытаться стоило, правда?

— Но не с нами, — ответил Хоскинс, прервав наконец властное молчание. — Совершенно определенно не с нами.

И без дальнейших разговоров парочка подчеркнуто медленно зашагала в свою берлогу. Хоскинс скрылся внутри первым, за ним — Уоттс: перед тем, как закрыть дверь, он окинул нас последним значительным взглядом.

— Иногда им кажется, что они лучше всех, да? — пробурчал Джордж.

— Ну, — согласился я.

— А когда им самим что-нибудь нужно, они, конечно, паиньки.

Последние слова утонули в кошмарном визге, донесшемся изнутри. Кевин возвращался с лишней тележкой.

— Весело им будет с ней в «Парке», — сказал он. — Похоже, ею год не пользовались.

— А зачем им вообще тележка? — спросил я. — У них же много погрузчиков.

— А вдруг авария? — объяснил Кевин. — Всем разослали циркуляр, где говорится, что в каждом депо должна быть по меньшей мере одна ручная тележка, на всякий случай.

— На случай чего?

— Про это не сказано.

— Ладно, — ответил я. — Раз надо, значит, надо. Расписываться нужно?

— Лучше распишись. А то официально она никуда не поедет.

Поэтому я подписал Кевину накладную, мы загрузили тележку в фургон, закрепили ее и задвинули дверь. Через минуту мы с Джорджем уже выезжали из «Ватного города», и в нас кипело

раздражение. Вмешательство Уоттса эффективно преобразовало приятную дневную прогулку в гонку на время, и что хуже всего — этого так легко было избежать. В «Веселом парке», совершенно очевидно, никакой срочности в тележке не наблюдалось. Когда позвонил Боб Литтл, Уоттсу требовалось всего лишь отбрехнуться от него до следующего дня, а то и до следующей недели. Вот надо было вместо этого навязывать тележку нам, да еще и сразу, чтобы все наши тщательно разработанные планы пошли коту под хвост. С самого обеда мы взяли приятный темп — загружали нас не быстро, и с Кевином мило поболтали. Потом мы собирались неспешно заехать в «Блэквелл» — как раз к чаю. А эта непредусмотренная задержка из-за ручной тележки с поддоном теперь означала, что весь день нам придется носиться как подпаленным, лишь бы все успеть по графику!

— Типично, — сказал я, когда, миновав проходную, мы прибавили газу. — Как это паскудно типично!

— Не забывай, мне еще с Осгудом переговорить надо, — сказал Джордж.

— Так быстрее давай. Долго околачиваться мы там не сможем, если хотим все закончить вовремя, правда?

Он, видимо, хотел как-то возмутиться, но вместо этого замолчал и уставился на одинокий тортик, по-прежнему лежавший на приборной доске.

Так и начался у нас последний пробег к депо «Блэквелл». Мне очень не хотелось опаздывать, раз это не планировалось, поэтому я гнал несчастный «УниФур» через полдюжины янтарных огней и на Кольцевую. Оттуда — на запад, в потоке машин, который, по счастью, оказался довольно редким. К тому моменту, как мы снова проехали мимо «Пекарни Сандро», уже закрытой, сбившийся график более-менее восстановился, хотя все равно приходилось жать на газ, примерно как и прежде.

— Никакой мощи у этих штуковин! — пожаловался я, перекрикивая вой агонизирующего двигателя. — Вторая скорость слишком маленькая, а третья — слишком большая!

— И слишком шумные! — крикнул Джордж.

— Чего?!

Когда мы наконец прибыли в «Блэквелл», настроение у меня немного поднялось, и я притормозил в углу погрузочной площадки, чтобы Джордж со своим тортиком выпрыгнул. На рампе Лен разговаривал с Биллом Харпером. Похоже,

они только закончили грузить фургон Билла. Задним ходом я пристроился в очередь за ним, и тут заметил, что у него на откидном сиденье расположился какойто тип и что-то строчит в блокноте. Кинул на меня взгляд, когда я вылез из кабины и направился к ступенькам, но писать не перестал. Я подошел к Биллу — Лен куда-то пока испарился.

— Здорово, старина, — сказал я. — Кто это у тебя в кабине?

— Да это новый парень, учится, — ответил Билл. — Решил все досконально изучить, все повороты и названия депо записывает. Я ему говорю: через неделю у тебя все от зубов отскакивать будет все равно, а он не слушает.

— Ну так и пусть тогда пишет.

— Ага.

— А где он будет располагаться?

— В «Долгом плесе».

— Повезло.

— Нам всем повезло.

— Да, — согласился я. — Повезло нам всем. Билл улыбнулся и посмотрел на контору:

— Ну да. Ладно, мне пора. Осгуд выглядывает. Это Джордж там с ним?

— Ну. Пошел на поклон.

— Тортики?

— Что ж еще?

Билл ушел, а я откатил дверь и посмотрел на одинокий ящик, который мы привезли из «Ватного города». Тут мне пришло в голову: Лен, должно быть, забыл, что у меня для него кое-что есть. Я уже собирался было подняться наверх и поискать его, когда на рампу вальяжной походочкой вышел Гослинг.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Ну, — ответил я, — мне бы не помешало тут порасторопнее, да только Лена нигде не видать.

— На него не похоже, — заметил Гослинг. — Обычно он весьма добросовестен и спор в разгрузке фургонов. Что ты нам привез?

— Один полноформат.

— Я тебе так скажу, — сказал он. — Я разгружу тебя сам. Немного практики не повредит.

В нескольких ярдах от нас стоял вильчатый погрузчик, и едва Гослинг на него взгромоздился и включил питание, я понял, что он имел в виду под практикой. Очевидно, на такой технике он действительно очень давно не работал — несомненно, Лен установил жесткую монополию на грузовую рампу. Я быстренько отскочил в сторону — погрузчик ринулся было прямо на меня, но

опять остановился.

— Дроссель скачет, — объявил Гослинг, снова двинувшись вперед. На этот раз машина оказалась послушнее. Я посмотрел, как тщательно он маневрирует, заходя нашему «УниФуру» в корму и заезжая внутрь. Потом мотор снова заглох. Через несколько секунд Гослинг вышел из фургона пешком.

— Что случилось? — спросил я.

— Аккумулятор сел.

— Вилы воткнули?

— Точно и безошибочно.

— Вы что делаете, а? — раздался рев с другого конца рампы. Это Лен возвращался верхом на другом погрузчике. Около нас он резко затормозил, и лицо у него было мрачнее тучи. — Это что вы там делаете?!

— Я просто разгружал этот фургон, — ответил Гослинг. — Поскольку ты куда-то подевался.

— Вот не надо мне этого, а? — рявкнул Лен. — Я за другим погрузчиком ходил. У этого аккумулятор барахлит.

— Да, это я уже понял.

— А вы что, сигнальную лампочку не видели?

— Не видел. Извини.

За диалогом интересно было наблюдать, поскольку считалось, что Лен — подчиненный Гослинга, а не наоборот. Начальник извиняется за свои действия, а складской рабочий сидит на погрузчике и орет. В других депо — дело неслыханное. Гослинга жалко — он хотел как лучше. В то же время, я свято верил, что, если все идет гладко, начальству лезть нечего. Сегодня мне уже пришлось смириться со вмешательством Уоттса в вопрос о тележке с поддоном, а теперь вот это. У Лена все явно было под контролем, пока не возник Гослинг и не вставил палку в колеса. В результате я застряну в «Блэквелле» еще на полчаса, пока они тут со всем не разберутся. Заглохший вильчатый погрузчик никак не сдвинуть с места, если нет питания, поэтому с крайним отвращением на физиономии Лен отправился в мастерские за механиком. Тем временем после переговоров с Осгудом вернулся Джордж, с первого взгляда оценил ситуацию и все понял.

— Приду через минуту, — сказал он и направился к лестнице в столовую.

Пока вся эта фигня происходила, я заметил, что Гослинг время от времени поглядывает на контору. Он что, ждет поддержки Осгуда или

просто надеется, что коллега-начальник не заметит его унижения? Ибо это вполне определенно было унижением. Когда Лен, наконец, вернулся с механиком Бобом Смитом, на Гослинга ни тот, ни другой даже не взглянули. Тот лишь стоял и смотрел, как Боб снимает кожух и осматривает аккумулятор. Затем прозвучал вердикт.

— Сел невосстановимо, — объявил Боб. — Придется ставить новый.

Это означало путешествие на склад. Гослинг подписал необходимую накладную, и Боб побрел прочь, сокрушенно качая головой и вопрошая, неужто люди тут считают, что ему больше заняться нечем, только и дел, что подъемники ремонтировать.

Дверь с лестницы распахнулась, и спиной вперед показался Джордж. В руках у него был поднос с пятью чашками.

— Чай подан! — возгласил он. — Боб, тебе я тоже взял! Оставлю на лесенке.

Надо признать — у Джорджа такие штуки очень хорошо получались. Чуткий малый, что там: то, как он вынес всем по чашке чаю, само по себе — урок дипломатии. Сначала подошел к Лену, и тот принял у него посуду с тихой благосклонностью, будучи проинформирован, что две ложечки са-

хару, конечно, уже там. Затем Джордж поставил поднос и только затем приблизился к Гослингу, который с убитым видом озирал погрузочную рампу.

— Пожалуйста, мистер Гослинг. Вы же, наверное, тоже не откажетесь.

Покупать чай начальству у нас не принято, и Гослинг определенно не рассчитывал на такой жест. И тем не менее, когда чашку ему предложили, он выказал пристойное изумление и благодарность.

— Спасибо, Джордж, — сказал он. — Это очень любезно.

3

Минуты шли, росла вероятность, что Осгуду вздумается вдруг выйти и разузнать, отчего такая задержка. Технически они с Гослингом были в одном чине, поскольку оба носили серебряные кокарды, но сомнений не было — в сложившейся иерархии Осгуд его клевал. Если бы он в этот момент появился, дальнейшие события потекли бы в совершенно другом русле. Он же, судя по всему, решил, что Гослинг вполне способен разобраться в чем бы то ни было сам, а потому остался в конторе.

К этому времени на погрузочном дворе объявилась еще пара «УниФуров», и водители стояли и ждали, когда их разгрузят. Гослинг явно вздохнул с облегчением, когда Лен отправился к ним разбираться. Боб Смит между тем вернулся и принялся за починку погрузчика. Мне показалось, что он вокруг установки аккумулятора развел слишком много суеты, — учитывая, что он механик, который может разобрать «УниФур» на части за день. Он сопел, фыркал и возился, подсоединяя клеммы, всем своим видом давая

понять, что лучше бы он в мастерской занимался «настоящим» ремонтом, а не тратил свое драгоценное время на нас. Тем не менее труд свой он наконец завершил.

— Ну все, — сказал он, обернувшись к Гослингу. — В будущем постарайтесь немножко поаккуратнее.

Боб ушел, а я взял погрузчик и разгрузил «УниФур» сам, хотя Гослинг маячил с нами рядом на рампе. Вообще-то водителям не полагается управлять погрузчиками, но я знал, что он ничего не скажет, и он ничего не сказал. Да и чего ради — внутри у него телепалась хорошая чашка горячего чаю.

— Я так понимаю, в «Веселый парк» везти нечего? — поинтересовался я. — Всю неделю ничего не возили.

— Э-э… нет-нет, — ответил Гослинг, поглядев в свои наряды. — Нет, Лен бы сказал, если бы что-то было, не так ли?

— Обычно говорит, да.

— Ну да, значит, вам можно двигаться.

— Вы на часы смотрели? — спросил Джордж. Гослинг вгляделся в циферблат:

— Ох, мамочки, — вздохнул он. — Я не заметил. Вы к четырем в «Веселый парк» никак уже не

успеете. Куда вам нужно доставить эту тележку?

— В «Парк».

— Вряд ли это срочно, — заявил Гослинг. — Я вам так скажу. Давайте мне свой путевой лист, и я подпишу вас прямо в «Долгий плес». Иначе вам придется работать сверхурочно.

Я никогда не видел, чтобы Джордж двигался с такой скоростью. Он слетел по ступенькам, запрыгнул в кабину и вернулся с листом примерно за тридцать секунд. В следующий миг Гослинг уже писал номер своей кокарды и ставил подпись рядом со словами «РАБОТА ПО ИНСТРУКЦИИ».

Что означало одно: мы все-таки получили свою раннюю увольнительную.

Доставлять в тот день больше ничего не требовалось, поэтому осталось только отогнать «УниФур» обратно в депо «Долгий плес». После чего можно идти домой.

— Старайся не показывать виду, — пробормотал я Джорджу, пока мы спускались по ступенькам с рампы. — Ты же знаешь, как Лен реагирует, если кого-то раньше отпускают.

К счастью, Лен был очень занят, когда мы выезжали со двора, и, вероятно, не заметил нас вообще. Подошел тот час рабочего дня, когда Схема со скрипом шестеренок оживала. Когда

мы приехали в середине дня в «Блэквелл», он казался вымершим, но теперь тут шла активная подготовка к сдаче «УниФуров». Перед нашим отъездом из глубин здания материализовались Мик Долстон и Чарли Грин, — вне всяких сомнений, помочь Лену, — а Осгуд зашевелился в своей конторе, готовясь на выход. В других частях депо канцеляристы, управляющие и дамы из столовой наверняка следили за медленным тиканьем стрелок по кругу — равно как механики, вахтеры, охранники и уборщики. Уже когда мы выезжали, в ворота начал бессистемно просачиваться ручеек фургонов, а когда выехали на Кольцевую, «УниФуры», казалось, заполонили всю проезжую часть — все направлялись к своим соответствующим депо. Такой всплеск деятельности случался у всех ежедневно на пути домой. Некоторые транспортные средства могли последний час провести в каком-нибудь незаметном, однако удобном тупичке, выжидая нужный момент. Другие могли отклониться от маршрута ради выполнения собственных задач. Большинство, тем не менее, продолжало выполнять свои легитимные задания, стараясь не отстать от графиков, которые приведут их на базу в двадцать минут пятого или около того. Так, по крайней мере, было задумано.

В действительности же фургоны начинали появляться у ворот начиная с четырех, хотя экипажам их и не дозволялось уходить домой еще полчаса.

А кроме того, они рисковали и могли попасть на карандаш: начальству не нравились люди, приезжающие слишком рано. Когда мы въехали в «Долгий плес», во дворе уже собралось несколько фургонов, и перед ними, всячески разнося водителей, расхаживал Коллис.

— Послушайте, парни, — говорил он. — Мы не возражаем, если вы из восьми часов десять минут берете на парковку. Мы против этого совсем не возражаем, об этом договорились много лет назад, но вы же наглеете в пять минут пятого, а? Попробуйте все-таки отрабатывать полный день, парни? В конце концов, это всего лишь восемь часов.

Никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Хоть сколько-то сносное оправдание имелось только у Билла Харпера, которому удалось закатить свой «УниФур» на мойку раньше всех, — как и в любой другой день недели. Теперь он стоял и смотрел, как вращаются огромные щетки, а по сверкающей краске кузова текут галлоны воды. Маловероятно, что начальство осмелится что-то

вякать человеку, содержащему свой фургон в такой чистоте.

Когда я показал Коллису подписанную путевку, он направил меня прямиком к грузовой рампе. Подпись Гослинга означала, что нам сегодня не нужно дожидаться конца рабочего дня, поэтому я повернулся к Джорджу и сказал:

— Тогда иди, хорошего тебе отпуска и не волнуйся насчет своих тортиков.

— Спасибо, — ответил он, вылезая из кабины. — Увидимся через два понедельника.

— Ну, тогда пока.

У рампы стоял еще один «УниФур». Я глянул на номер и опознал в нем тот фургон, на котором сегодня утром Стив Мур лихо пересекал Кольцевую у нас перед носом. А потом увидел и самого Стива — он поднимался по лестнице к главной конторе.

— Стив! — крикнул я.

Уверен — он меня слышал, но вместо ответа лишь ускорил шаг. Когда я вылез из кабины, его уже не было. Очевидно, он не был настроен разговаривать, поэтому я запер кабину, сдал вахтеру ключи и отправился домой. Это было в пятницу. В понедельник я отметился на проходной без десяти восемь и сразу пошел в диспетчерскую

поговорить с Бобом Литтлом. Он, как обычно, сидел за стойкой, изучая свои графики так, будто в них таился ответ на какую-то вечную загадку.

— Доброе утро, Боб, — сказал я. — Кто у тебя для меня на эту неделю?

— А-а, доброе, — ответил он, покосившись на меня. — Вообще-то нам бы хотелось, чтобы ты взял новобранца, если не возражаешь.

— Новобранца? — переспросил я. — А как насчет Дэйва Парфитта или Пита Фентимана? Никого из них нельзя, что ли?

— Извини, — ответил Боб. — Их уже разобрали.

— И кто мне достался?

— Помощник Водителя Джонатан Фэрли. Нужно, чтобы кто-то показал ему все рычаги и кнопки. Нам показалось, что лучше всех это сделаешь ты.

То, как Боб произнес «нам», заставляло думать, что некий постоянный комитет особо потребовал, чтобы я присматривал за новеньким, а от бесценных советов, которые могу ему предоставить только я, зависит все будущее Схемы. Истина же, разумеется, была гораздо проще: никого другого не осталось.

— Ну ладно, — сказал я. — Но я ожидаю ответной услуги.

— Естественно, — ответил Боб. — О, кстати, кто-нибудь говорил тебе про тележку с поддоном для «Веселого парка»?

— Э-э… ну да. В «Блэквелле» нашлась запасная. Мы забрали ее в пятницу.

— Это хорошо, — сказал Боб. — Может, теперь они прекратят меня с нею доставать.

— И где, стало быть, этот ваш Джонатан?

— Я послал его тебя искать. Наверное, где-то там. Будь с ним поласковей, а?

— Конечно, буду. Увидимся.

— Пока.

Джонатана я нашел в коридоре. Он изучал графики дежурств, и я, едва взглянув на него, сразу понял: новенький. В это время суток вокруг тусовалось множество людей — все отмечались, готовили фургоны к дневным маршрутам. Большинство я знал — если не по имени, то хотя бы здоровался, — и общего в них было одно: униформы. Всем без исключения не помешала бы утюжка. А этот новобранец, напротив, — выглядел, как портновский манекен. Рубашка, брюки и куртка, очевидно, еще сегодня утром были упакованы в пластик, и новобранец в них возле этих графиков смотрелся совершенно деревянным. Как только одежду пропустят через стиральную

машину или химчистку, она будут выглядеть нормально, пока же новобранцу в ней было довольно неловко.

— Эти графики тебе ничего не скажут, пока не поработаешь тут немного, — сказал я вместо приветствия.

— Ну, я просто пытался в них как-то разобраться, — ответил Джонатан. — Я уже не первый раз на них смотрю.

— Не переживай, скоро сообразишь. Сколько ты уже в Схеме?

— Дней десять.

— Значит, курс основной подготовки прошел? -Да.

— Тогда я тебе так скажу: я принесу нам по чашке чаю и пончику, а ты сходи за ключами от фургона. Знаешь, где вахтерская?

— Угу.

— Да, для УФ55. Встретимся на рампе.

Он зашагал не в том направлении, пока не сообразил и не повернул назад. Я же перешел через дорогу в кафе, где чай подавали в три, а то и в четыре раза быстрее, чем в столовой наверху. Потом дошел до погрузочной рампы и стал ждать. Дюжину или чуть больше «УниФуров» подогнали к ней задом, моторы работали, чтобы нагрелись

кабины. Мой стоял рядом с фургоном Билла Харпера, и тот наблюдал, как Крис Пичмент загружает его транспортное средство. По всей длине рампы кипела работа: люди на вильчатых погрузчиках возили взад-вперед полностью загруженные поддоны. А Хорсфолл наблюдал за этой сценой из своей конторы в дальнем конце. И не казал оттуда носа, что давало нам понять: сегодня утром все идет гладко. Билл заметил меня и подошел поболтать.

— Ричард уже вернулся из отпуска? — спросил я.

— Нет, — ответил Билл. — У него еще неделя.

— Чего ж вы с ним вместе никуда не ездите?

— Так не бывает, разве нет? Только потому, что мы братья. Если б даже мы были семейной парой, нам бы, наверное, все равно отпуск давали порознь.

— Наверное.

— А кроме того, — добавил он, — я с ним и так всю неделю. Что ж мне, и в отпуск его с собой таскать?

— И кого тебе дали на эту неделю?

— Того же, кого и на прошлую. Знаешь, того типа, который только учится.

— О, ну да, — сказал я. — У меня тоже новень-

кий.

— И как он?

— Да вроде нормальный. А твой?

— Не уверен, — сказал Билл. — Помнишь, я тебе говорил, что он все записывает?

— Ну.

— Так вот, он еще и вопросы все время задает. Хоть на стенку лезь. Хочет знать, почему мы из одного депо в другое ездим, почему следует выезжать в определенное время и так далее.

— Ты разве не можешь ему сказать, что так заведено, и точка?

— Я и говорю, — ответил Билл. — А он хочет знать, почему.

Тут вернулся Джонатан — с тревогой на лице.

— Ключи взял нормально? — спросил я.

— Э-э… нет, — ответил он. — Этот человек в окошечке мне их не дал.

Услышав такое, Билл улыбнулся и покачал головой.

— Ой, ну да, извини, — сказал я. — Надо было тебя предупредить. С Артуром бы поосторожнее. Ты ему что вообще сказал?

— Просто «Можно ключи от УФ55?».

— И всё?

— Да. Ну… нет.

— А тогда что?

— Понимаешь, когда я туда пришел, он был где-то за углом и меня не видел. Поэтому я сунул голову в окошечко, чтобы он меня заметил. И на самом деле, наверное, сказал: «Извините, можно мне ключи от УФ55?»

— А что он ответил?

— «Нельзя».

— Он все хуже и хуже, — заметил Билл.

— Ну да. Смотри, — объяснил я. — Артур очень трепетно относится к своим ключам и даст их не всякому. А если к нему подступаться не с той стороны, он бывает трудным.

— Что я не так сказал? — спросил Джонатан.

— Может, и ничего, но он мог подумать, что это сарказм.

— Как же мне взять ключи?

— Я тебе так скажу, — сказал я. — Вон Хорсфолл выглядывает. Сегодня их получу я, иначе мы опоздаем. Вот — бери чашку и пончик.

— Спасибо, — сказал Джонатан. — Сколько я тебе должен?

— Нисколько. В первый день платить не нужно.

Я оставил Билла объяснять новенькому, как лучше подступаться к Артуру, а сам отправился

выяснять, не повезет ли мне больше. Когда я подошел к вахте, окошечко было закрыто, а это всегда плохой знак. Но после пары вежливых стуков Артур открыл. За его спиной виднелись ряды ключей, висевших на нумерованных крючках.

— Ну?

— Доброе утро, Артур, — сказал я. — Пятьдесят пять, пожалуйста.

— Пятьдесят пять?

— Да, пожалуйста.

— Похоже, ни с того ни с сего очень популярный номер, — сказал он, поворачиваясь к стойке с ключами и протягивая руку к нужной связке. — У меня только что кто-то про них уже спрашивал.

— Да, — ответил я. — Это я его послал.

— О, ты его послал, вот как? — сказал Артур. — Должно быть, приятно вот так гонять кого-то по собственной прихоти. Очень и очень приятно.

Он по-прежнему не выпускал ключи — связка болталась на его указательном пальце, а Артур стоял и рассматривал меня через окошечко. Я глянул на часы у него над головой. Десять минут девятого.

— Сказать по правде, — заметил я, — я немножко тороплюсь.

— Да, — ответил Артур. — Твой дружок тоже

немножко торопился. Все тут немножко торопятся. Все рассчитывают, что я скакать перед ними буду.

Нарочито медленно он повернулся к журналу, лежавшему перед ним на столе, взял карандаш и прибавил 55 к Длинному списку. Затем наконец отдал мне ключи.

— Спасибо, — сказал я.

— Не за что, — ответил Артур, закрывая окошечко.

Когда я вернулся на рампу, Крис Пичмент уже ждал нас с погрузчиком и несколькими поддонами. Они беседовали с Джонатаном. Похоже, они поладили. Почти все фургоны уже уехали, но некоторые еще загружались тут и там. Я отомкнул грузовую дверь и посмотрел на пятничную тележку с поддоном — она по-прежнему ждала доставки в «Веселый парк». Потом Крис завез внутрь свой груз, и через несколько минут уже можно было отправляться.

— Нормально, — сказал я Джонатану. — Ты знаешь, куда мы едем?

— Да, — ответил он. — Я посмотрел в диспетчерской. Отсюда мы едем в депо «Блэквелл», затем — в «Ватный город». Там обед, затем возвращаемся в «Блэквелл», потом — в «Веселый парк» и

снова сюда.

— Очень хорошо.

— А почему мы заезжаем в «Блэквелл» дважды?

— Так расписаны маршруты, — объяснил я. — Не забывай, мы должны сочетаться с другими фургонами из других депо. Так сделано, чтобы тут у нас все постоянно двигалось.

— А разве не скучно все время ездить в одно и то же место?

— Это ерунда, — сказал я. — Некоторые маршруты еще монотоннее. Возьми, к примеру, номер шестнадцать. Отсюда в «Раджуэй» и обратно — четыре раза.

— Ёлки. — Перспектива явно встревожила Джонатана.

— Не волнуйся, — сказал я. — Время всех рейсов должным образом рассчитано и так далее. Вообще-то плевое дело.

— А когда мне можно будет сесть за руль?

— У-у, еще нескоро. Сначала ты должен посидеть помощником и выучить все рейсовое расписание. Но в конечном итоге и за руль сядешь.

— А когда?

— Через пару лет.

— О.

— Слушай, уже двадцать минут девятого, пора ехать. Ты взял у Криса накладную?

— Ну.

— Нормально, едем.

Обходя фургон спереди, я заметил листок, всунутый под «дворники». Записка гласила: ЗАЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, В МАСТЕРСКУЮ НАСЧЕТ ТОРТИКОВ.

— А, нуда, — вслух сказал я. — Про них я совсем забыл.

— Про что забыл? — спросил Джонатан.

— Ни про что существенное, — ответил я. — Прыгай в кабину.

Я направил фургон не к воротам, а по длиной дуге через двор и затормозил перед мастерской механиков. Вышел и принялся возиться с правым зеркальцем, словно проверяя угол.

За спиной у меня раздался голос:

— У меня для тебя кое-что есть.

На пороге мастерской с широченной ухмылкой стоял Роб Маршалл.

— О, — сказал я. — Джордж, значит, и тебя подключил? А я все думал, как он на этом конце уладит.

Роб подвел меня к верстаку. На нем громоз-

дилась примерно дюжина розовых и белых коробок.

— Что это? — спросил я. — Он говорил, будет немного.

— Мне он тоже говорил, — ответил Роб. — А потом в полвосьмого объявилась эта куча.

— Кто их привез?

— Не знаю. Они вдруг появились, пока мы все были заняты.

— Я ему башку сверну.

Роб помог мне загрузить коробки в кабину со стороны Джонатана, чтобы любопытные ничего не заметили. У меня не было сомнений: Хорсфолл все знал про тортики Джорджа, и с ним должным образом рассчитались. Но даже так операцию следовало проводить втихомолку — на всякий случай. Джонатан, похоже, собирался что-то сказать, когда мы нагромоздили вокруг него коробок, но затем передумал. Вместо этого он просто сидел на откидном, и было ему несколько не по себе.

Когда мы наконец выехали из «Долгого плеса», на погрузочном дворе оставалось всего одно транспортное средство. Одинокий «УниФур» стоял у рампы, и когда мы проезжали мимо, я заметил водителя в кабине. Это был Стив Мур — снова в полном одиночестве. На сей раз я даже

не стал ему махать. Мы выкатились через ворота и направились к Кольцевой. Первый рабочий день нового помощника водителя Джонатана.

Общая картина для экипажа № 17 была обычной. Все, чем мы в то утро загрузились, без исключений предназначалось для «Блэквелла». Я и понятия не имел, что нам предстоит забирать потом и доставлять в другие депо, и эта неизвестность скрашивала монотонность работы. Джонатану, тем не менее, хотелось знать детали, и всю поездку он забрасывал меня вопросами. Я вспомнил слова Билла Харпера: он рассказывал, как от своего практиканта на стенку лезет. Теперь, судя по всему, настал и мой черед.

С другой стороны, хорошо, что эти новички хотят побольше узнать о Схеме и том, как она работает; к тому же я подозревал, что через некоторое время любопытство их поутихнет.

Мы вкатились в «Блэквелл» в аккурат по графику, хотя с выездом задержались. Там уже разбирались с несколькими фургонами, но место у рампы было, поэтому я сдал в щель задним ходом. Через пару минут на вильчатом погрузчике возник Лен Уокер и начал выгрузку. Джонатан тем временем бродил меж различных штабелей и периодически вглядывался в этикетки на

ящиках.

— А «Кружевной рай» — это где? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я. — Должно быть, депо где-то вне нашей зоны. Не забывай, их тут по всей стране сотни разбросаны. Может где угодно оказаться. А что там еще написано?

— «Резиновые втулки, размер 2.1 гросс. Зеленый выгон, Долгий плес, Блэквелл, Кружевной рай».

— Нормально, — сказал я. — В каждой картинке — сказка. Настанет день, и этот ящик отсюда заберут и доставят в депо «Кружевной рай». Может, там втулок не хватает. А может, и хватает. Оттуда их могут через некоторое время и дальше перевезти.

Пока мы так беседовали, Лен закончил выгрузку и теперь стоял рядом, заинтересованно прислушиваясь. После утреннего всплеска деятельности «Блэквелл» начал сворачиваться к обеду. Чуть дальше на рампе только Чарли Грин еще занимался с оставшимся фургоном. Хотя «занимался» — не совсем то слово. Пока Лен разгружал нас, Чарли удалось вывезти из фургона один поддон, а оставшееся время он разговаривал с водителем. По справедливости, Гослинг, Осгуд или кто-нибудь еще из начальства уже должен был выскочить и распорядиться, чтобы шевели-

лись проворнее, но никого из них в окрестности не наблюдалось, поэтому Чарли продолжал болтать. Лен с явным презрением покачал головой и направился по лестнице в игровую. Мы с Джонатаном приготовились к выезду.

Вернувшись в кабину, я увидел кипу коробок и вспомнил, что нужно было заехать к Сандро. Времени навалом, поэтому, когда мы их завезли, я постарался не впутывать сюда Джонатана и за две ходки перенес все тортики в пекарню сам. Сандро был по уши в работе, как и трое его коллег, но мы тем не менее обменялись любезностями.

— Ну как ты, друг мой? — спросил он, принимая у меня пирамиду коробок.

— Прекрасно, спасибо, — ответил я. — Дел у вас, я вижу, невпроворот.

— О да, да, да! — сказал он. — У нас их всегда невпроворот!

Я посмотрел на капли пота, стекавшие у него по лбу: интересно, сколько бы тут продержался Чарли Грин?

Как обычно, забирать нужно было одну коробку — ту, что предназначалась Питу Гиггсу на седьмом маршруте. Когда я вернулся с ней в «УниФур», Джонатан раскрыл наконец рот:

— Ничего, что я спрашиваю? — спросил он. —

Но разве не запрещается перевозить грузы в кабине?

— Это не груз, — ответил я. — Это тортик.

— Но все равно…

— Послушай, — сказал я. — Ты об этом не беспокойся. Про одну коробку никто ничего спрашивать не станет, а если и спросят, я возьму на себя всю ответственность, ладно?

— Ну, если ты так уверен…

— Еще б не уверен. Начальство такие вещи не волнуют. Их единственная забота — чтобы фургоны не нарушали график, чтобы все загруженное совпадало с выгруженным. Их интересует только это, а потому расслабься и катайся, как все остальные.

— Хорошо, — сказал Джонатан. — Попробую.

— И не забывай, что за это удовольствие тебе платят.

От моего последнего замечания он улыбнулся, и по тому, как он откинулся на спинку, я понял, что ему стало легче. Время вскоре двинулось к полудню, а мы уже были на пути в «Ватный город» — катились по Кольцевой с большим запасом времени, так что можно было поразмышлять о преимуществах жизни в Схеме. В конце концов, что бывает приятнее прогулки в «УниФуре» яс-

ным весенним утром? О, я признаю: машины эти маломощные и дребезжат, а вся новизна поездок в них стирается после нескольких лет за баранкой. Но все равно, поймав отражение своего транспортного средства в стеклянных панелях какого-нибудь конторского здания, я то и дело вспоминал, что лучше способа зарабатывать на жизнь и быть не может.

Ибо, вне всяких сомнений, «УниФур» — великолепное творение! Выкрашенный в уникальный цвет вороненой стали, с серебряными эмблемами, тупоносым профилем, с подножками и хромированной решеткой радиатора он стал прославленным символом нации! Его все любят и повсюду узнают! Более того, он служит выражением великой идеи, которая не только успешно осуществилась, но и призвана была успешно осуществиться!

При всем вышесказанном оставались те, у кого страсть к «УниФурам» заходила слишком далеко. Выехав на подъем дороги, я заметил группу людей, сидевших на бетонной опоре с блокнотами в руках. Когда мы проезжали, они пристально в нас вглядывались.

— Кто это? — спросил Джонатан, когда я ему их показал.

— Энтузиасты. Им нравится записывать номера.

— Я думал, это делают только детишки.

— О-о нет, — сказал я. — Эта публика относится ко всему очень серьезно. Графики движения известны им лучше, чем нашему начальству, а у некоторых даже есть собственные фургоны.

— А откуда они их берут?

— С пробегом сто тысяч миль их продают с аукциона.

— И они в них на самом деле выезжают?

— Нет. Если б могли, выезжали бы, но это не разрешается, поэтому фургоны стоят у них во дворах.

— Ну а почему им тогда не получить работу в Схеме? — рассудил Джонатан. — Могли бы ездить, сколько душе угодно.

— У меня только не спрашивай, — сказал я. — Дуркует эта публика.

Странное дело: похоже, убедив Джонатана, что получать деньги за вождение «УниФура» — доля завидная, я с тревогой задумался об этом сам. Едва ли всерьез вообще-то, лишь смутное раздражение, но оно меня беспокоило. Началось все, насколько я мог судить, в «Блэквелле», когда мы наткнулись на этикетку, где говорилось:

«Кружевной рай». Сначала я и помыслить не мог, чего ради название какого-то далекого неведомого депо будет меня так беспокоить. А затем понял: именно потому, что я там никогда не был. Несмотря на то что я проработал в Схеме уже лет пять, бывал я только в семи депо нашей зоны, а именно: «Блэквелл», «Ватный город», «Раджуэй», «Колокольня», «Зеленый выгон», «Веселый парк» и, разумеется, «Долгий плес». Также я знал, где находятся «Королевский пруд» и «Замковые ворота», хотя случая посетить их мне не представлялось. А вот «Кружевной рай» — совсем другое дело; названия этого я никогда раньше не слышал, и меня поразило вот что: какое бы удовольствие ни приносила мне работа, в ней все-таки имелись какие-то запреты. Ездить всего по нескольким маршрутам, туда-сюда, неделю за неделей. Было бы неплохо, рассуждал я, просто для разнообразия съездить как-нибудь в другое место.

И тут, словно по подсказке, где-то справа я заметил серую вспышку. Мы еще не съехали с горба дороги, и вид по обеим сторонам открывался на море крыш, парков и садов. Под нами пролегала бывшая основная магистраль, которую лет десять назад заменила Кольцевая Дорога. Теперь, осво-

бодившись от гнета автомобильных пробок, она превратилась в милый привольный проспект. И по ней, направляясь бог знает куда, катил одинокий «УниФур».

4

Когда мы в тот день вернулись в «Блэквелл», первым делом я отправился на поиски Осгуда. Оставив Джонатана командовать нашим «УниФуром», я взял оставшуюся коробку с тортиком и двинулся в контору. Осгуд сидел внутри — на вид очень расслабленно, закинув ноги на стол.

— Только не говори мне, — сказал он, заметив коробку. — Один тортик для Пита Гиггса.

— Да, пожалуйста, — ответил я. — Если не возражаете.

— Тебя Джордж подрядил за себя развозить, да?

— Ну, сегодня утром я доставил примерно дюжину.

— Я не уловил, — сказал Осгуд. — А эту лучше спрячь вот здесь, внизу. Я слыхал, тут Несбитт шастает.

— Несбитт? — забеспокоился я. — А его как в эти края занесло?

— Поди угадай. Никто вообще не знает, как у него мозги работают. Иногда мы его месяцами не видим, а потом он вдруг решает нанести визит.

Похоже, он тут как-то нагрянул в «Колокольню» без предупреждения. И восемь часов просидел в диспетчерской. Ни слова не сказал.

— Надеюсь, сюда он не нагрянет.

— Я тоже надеюсь, — сказал Осгуд. — Поверь мне, я тоже на это надеюсь.

Я поставил тортик ему под стол, сказал спасибо и вернулся на рампу, где Лен с Джонатаном были увлечены беседой.

— Надеюсь, ты подаешь ему хороший пример, — сказал Лен, когда я подошел. — Наставляешь на единственный истинный путь.

— Стараюсь как могу, — ответил я.

— Это хорошо. Мы же не хотим, чтобы он прибился к другой сфере влияния.

Одного взгляда на Джонатана хватило, чтобы осознать: он ни малейшего понятия не имеет, о чем говорил ему Лен. Тем не менее я не стал все это растолковывать — через некоторое время сам во всем разберется. В то же время я понял, что Лен стал относиться ко мне как к союзнику в том крестовом походе, который он начал, а именно — борьбе за сохранение «полного» восьмичасового рабочего дня.

Тут я должен сказать: точку зрения Лена я разделял. Успех Схемы превыше всего прочего

зависел от видимости. Схема была популярна, ибо люди каждый день видели, как она работает. Когда «УниФур» проезжал мимо, наблюдатели вспоминали, что в этот миг по всей стране мужчины и женщины заняты доходным делом. Восемь часов работы за восьмичасовую плату: такова сделка, и все признавали, что она справедлива. Лена же беспокоило, что мягкотелое начальство отпускает пораньше все больше и больше подчиненных. Он видел в этом угрозу для общественной поддержки Схемы и, очевидно, считал, что я с ним согласен. Разумеется, в принципе я и был согласен, но, сказать по правде, мне самому время от времени нравились «ранние увольнительные», как мы их называли. Приятный сюрприз — в тот день, когда все спокойно, прийти домой в четыре. Или даже в половине четвертого. Я, конечно, не принимал такие причуды как данность, но и вовсе отказываться от них не желал. Что же до намека Лена на «другую сферу влияния», то он предположительно имел в виду Чарли Грина и ему подобных. Это правда — Чарли иногда злоупотреблял, особенно если вблизи оказывались рохли вроде Гослинга. Но в общем и целом я оставался в убеждении, что страхи Лена беспочвенны.

Наверняка я знал одно: нам с Джонатаном ранняя увольнительная сегодня не светит. У нас на борту с пятницы еще оставалась тележка с поддоном, ее следовало доставить в «Веселый парк», так что последнего путешествия не избежать. Лен выгрузил три поддона, которые мы привезли из «Ватного города», я задвинул дверь и накинул защелку. Перед самым выездом я заметил, как Лен хлопнул Джонатана по спине.

— Очень важное место этот «Веселый парк», — сказал я, когда мы миновали центральные ворота. — Центр деятельности всего региона. Через него проходят все «УниФуры» отовсюду.

— Как же вышло, что мы туда везем одну тележку? — поинтересовался Джонатан.

— Хороший вопрос, — ответил я. — Да, в последнее время там затишье, но это ничего не значит. Иногда весь день тебя загружают по самую крышу — все зависит от того, что поступает из разных депо. А когда все вот так, мы просто этим пользуемся.

— Так мы, значит, не ездим все время порожняком?

— О нет. Совсем напротив.

На самом деле замечание Джонатана было не так далеко от истины, как я сделал вид. Если вду-

маться, последний раз в «Веселом парке» я был в прошлый вторник, да и то, насколько помнится, мы привезли туда всего один полноценный ящик. А до того — лишь случайные поддоны несколько месяцев подряд, а то и дольше. И тут меня осенило: несмотря на репутацию основного компонента в бесперебойной работе Схемы, ежедневная рабочая нагрузка в «Веселом парке» была незначительна — особенно по сравнению с депо «Долгий плес» или «Блэквелл». Подозрения подтвердились, когда через полчаса мы прибыли туда и въехали в ворота. Несмотря на четыре «УниФура», которых мы обогнали на подъездной дороге, и дюжину или около того у погрузочной рампы, все происходящее очень мало напоминало осмысленную трудовую деятельность. Стояли какие-то люди и пристально рассматривали бетон под ногами или же с глубоким интересом изучали пролеты металлической крыши. Что же до действительно разгружаемых или загружаемых фургонов, количество их равнялось нулю.

Не то чтобы это имело значение, конечно. Как я уже сказал, засчитывалась только видимость, а по всей видимости депо было просто образцом эффективности. Пока я задним ходом подъезжал к рампе, диспетчер по транспорту депо «Веселый

парк» Берт Хоукс выступил в свое ежедневное путешествие из главной конторы к механическим мастерским — расстояние ярдов в семьдесят. Целью похода являлся сбор таблиц учета рабочего времени на «УниФуры», что стояли в тот день в ремонте, и возврат таких же таблиц за предыдущий день. Тем временем несколько водителей помогали друг другу прогонять транспортные средства через автомойку — следили, чтобы не покосились зеркала заднего вида и так далее. Сама рампа оставалась практически свободна от грузов — еще один признак эффективности, — а три вильчатых погрузчика стояли в ожидании и смотрелись не только отполированными, но и смазанными маслом.

Посреди всего этого мы с Джонатаном выбрались из кабины, откатили дверь и приготовились к передаче тележки с поддоном. В отличие от «Блэквелла», где Лен подскакивал к вам через секунду после прибытия, в «Веселом парке» требовалось запастись определенным терпением. По опыту я знал, что персонал здесь делится на два типа. Первая категория — довольно доброжелательные, даже готовые помочь, но их очень трудно найти, поскольку большую часть дня они проводят где-то в глубинах депо. Если прервать

их партию, к примеру, они с радостью отложат карты и помогут вам разгрузиться. К сожалению, это требует детального знания расположения всего депо, поскольку в карты играют не в игровой комнате наверху, а в пристройке на задах. К таким отшельникам относились, например, Эрни Тернер, Кении Ноулз и Мик Маквити.

Вторую группу всегда можно отыскать где-нибудь на рампе, но им, похоже, не очень интересно разгружать «УниФуры» — особенно после трех, когда все уже подметают полы, готовясь к закрытию. Они имеют склонность собираться вокруг складского рабочего Билли Баркера, которого я считал чем-то вроде рупора всей этой группы. Когда мы въехали во двор, я заметил Билли в дальнем углу двора, где он стоял, опираясь на метлу, но теперь, когда мы запарковались и открыли дверь, его и след простыл. Зато мне удалось поймать взгляд одного из подручных Билли — типа, известного под кличкой Клюв. Он временно разлучился со своими друзьями и теперь пробирался обратно, чтобы с ними воссоединиться. Заметив меня, он попытался укрыться за вильчатым погрузчиком, но я его перехватил, когда он обогнул машину с другой стороны. Иных средств избежать меня у него не было, и он остановился.

— Чего, старина?

— Вы ждете тележку с поддоном?

— Нет, старина.

— Тогда кто ее ждет?

— Фиг знает, старина.

У меня, на самом деле, не было настроения получать такой отлуп — тем паче в такое время дня, — поэтому я повернулся к конторе начальства и сказал:

— Ладно, схожу узнаю у мистера Хаггинса.

На Клюва это произвело должное впечатление.

— Я тебе так скажу, — сказал он. — Ты ее вытаскивай, и мы на нее поглядим.

Говоря по всей строгости, в мои обязанности не входило что бы то ни было вытаскивать, но поднимать шум по этому поводу я не собирался, а потому смирился и выкатил тележку на рампу. К нам тут же присоединился Билли Баркер: видимо, решил выйти из укрытия, как только заметил, что разгружать ящики не надо.

— Приветик, — сказал он. — А это еще откуда?

— Из «Ватного города», — ответил я.

— Я так и думал. Это та, которую Тревор Кинг спихнул с рампы.

— А ты откуда знаешь?

— Посмотри на рукоять, — сказал Билли. — По-

гнута посередине.

— Ёшкин дрын, — сказал я. — Тревор Кинг. Привет из прошлого. Что с ним стало?

— Уволили, что ж еще?

— Уволили? Из Схемы никого не увольняют.

— А Тревора уволили.

— Как? За то, что спихнул с рампы тележку?

— О нет, — ответил Билли. — Это случилось уже после того, как его уволили.

— Так что же он тогда натворил?

— Взял «УниФур» домой на ночь.

— Что?!

— Там лило как из ведра, а ему стало обломно пешком идти. И все бы сошло ему с рук, если бы на следующий день он не опоздал. А так со двора уже все разъехались, и тут он такой в половине девятого подкатывает. Уволили не сходя с места, вот он на тележке и оторвался.

Трудно сказать, что в истории Билли было правдой, но ее хватило, чтобы сломать лед. С того момента, как мы приехали в «Веселый парк», Джонатан стоял у фургона индифферентно и растерянно. А тут присоединился к общему хохоту. Еще легче ему, судя по всему, стало, когда Билли повернулся к нему и с улыбкой произнес:

— Пусть это будет тебе уроком.

Меня привлекло какое-то движение во дворе, и я увидел, как Берт Хоукс выступил в свое обратное путешествие из механических мастерских в главную контору. Это значило, что в «Веселом парке» мы провели целых двадцать минут, но до сих пор не избавились от тележки с поддоном!

— Нормально, — сказал я. — Кто за это распишется?

— Фиг знает, — пожал плечами Билли. — А кто заказывал?

— Фиг знает, — ответил я.

— Ну так мы тогда и взять ее не можем, правда?

— А давай я оставлю ее где-нибудь в уголке?

— Шутишь? — сказал он. — Сколько ты уже в Схеме? Вопрос, разумеется, ответа не требовал. Хаггинса (или

любого другого начальника) нигде не было видно, поэтому я решил, что лучший план действий — снова загрузить тележку в фургон и отвезти ее обратно в «Долгий плес». Всегда можно приехать еще раз, если она кому-то понадобится. Приближались четыре часа. Билли сотоварищи продолжали церемонно подметать двор, а мы с Джонатаном приготовились к отправлению из депо «Веселый парк».

— Кстати, — сказал я, когда мы снова устроились в кабине, — тут есть один человек, с которым имеет смысл поддерживать хорошие отношения.

Я завел мотор и тронул фургон по двору к проходной. На самой верхотуре за окошком сидел Джон Джоунз. Как обычно, сгорбился над газетой и не подавал ни малейшего вида, что вообще заметил наше присутствие.

— Все видит наш Джон, — продолжал я. — В курсе всех слухов. Не говорит ничего, если сам не спросишь. Ссориться с ним не стоит.

Чтобы проиллюстрировать тезис, я бибикнул, когда мы проезжали мимо, — в надежде, что Джон выглянет и мы обменяемся любезностями хотя бы ради Джонатана. Джон, однако, по такому случаю только еле заметно склонил голову и продолжал читать. Такова прерогатива охранника.

— Так ты, значит, с ним в хороших отношениях? — спросил Джонатан.

— Ну как бы да, — ответил я.

У нашего бесплодного путешествия в «Веселый парк» имелось одно преимущество: теперь не нужно было волноваться, что мы вернемся в «Долгий плес» до срока. Другим водителям приходилось как-то изворачиваться, чтобы скоротать

время, я же вдавил педаль и рванул по Кольцевой в сторону дома. Разогнались мы лихо и въехали в ворота ровно в четыре пятнадцать. Во дворе к этому времени уже, разумеется, кипела жизнь: больше дюжины «УниФуров» у рампы, остальные запаркованы напротив. Я остановился в конце ряда, записал сегодняшний пробег и запер кабину. И мы с Джонатаном направились к Рону Кёртину — я заметил его у фургона. А возле конторы собралась большая группа водителей, помощников водителей и складских рабочих — все в зоне слышимости боя часов, но не чересчур близко.

Тем не менее в четыре восемнадцать к часам прошагал Брайан Тови и дернул за рычаг громкого боя.

— Спокойной ночи! — выкрикнул он.

В конторе Хорсфолл сидел спиной к двери. Услышав звонок, он мимоходом глянул на свои часы, но кроме того никак не отреагировал.

Брайан дернул за рычаг снова.

— Спокойной ночи!

Никакой реакции.

Часы дотикали до девятнадцати минут пятого.

Блям.

— Спокойной ночи!

Никакой реакции.

Глядя на выходки Брайана, Рон покачал головой.

— Хоть бы придумал что-нибудь еще для разнообразия, — заметил он. — А то каждый вечер одно и то же представление.

Теперь в дело вступил Пит Фентиман: поочередно с Брайаном бил в колокол и выкрикивал «Спокойной ночи!» По толпе зрителей пробежал легкий шумок предвкушения, но часам по-прежнему явно не хотелось преодолевать рубеж девятнадцати минут.

Наконец следующий «блям» вытянул Хорсфолла к двери.

— Хватит! — рявкнул он с вершины лестницы. — Заканчиваете в четыре двадцать, и ни минутой раньше!

— Извините, — отозвался Брайан. — Я просто желал всем спокойной ночи.

Он уже позволил себе сунуть рабочую карточку в компостер и занес руку над рычагом колокола.

— Давайте же, часы, — сказал он. — Пошевеливайтесь.

Прозвучал щелчок, и над всем двором разнесся рев радости.

— Ладно, — сказал Хорсфолл. — Свободны.

Двор пришел в движение — в конце работы

отмечались почти пятьдесят человек. Несмотря на общее количество, процедура текла довольно упорядоченно, поскольку все знали, кто перед кем и кто за кем. В стойке, конечно, уже лежало несколько карточек: некоторым счастливцам удалось слинять пораньше. Большинству же пришлось дожидаться своей очереди, и я свою карточку отметил лишь в половине пятого.

— Потому нам и разрешают брать десять минут от восьми часов, — объяснил я Джонатану. — Официально считается, что это время на парковку, хотя на самом деле — на пробивку карточек.

— А эти десять от восьми — то же самое, что ранняя сомнительная?

— Ты имеешь в виду «раннюю увольнительную».

— Ой, да, извини. Ранняя увольнительная.

— Нет, не то же. Карточку отмечают, когда пора уходить с работы. Ранняя увольнительная — когда еще не пора.

— Но я все равно карточку не могу отметить, — сказал он. — У меня нет карточки.

— Можешь, — сказал я. — Мы с тобой — в одном экипаже, потому и карточка у нас с тобой одна. Как только выучишь, что тебе делать, мы сможем пробивать ее в самом начале десяти минут.

— А, понятно, — пробормотал он с прежним недоумением на лице. — Кажется.

Пока Джонатан брел к центральной проходной, я понял, что парнишке в первый день досталось: мало того, что пришлось учить маршрут, но еще и знакомиться с разными депо, а у каждого — свои особенности. И в то же время я понимал, что скоро он ко всему привыкнет и через несколько дней одного и того же распорядка войдет в колею.

Тем не менее я сильно удивился, когда на следующее утро пришел и увидел, что наш «УниФур» уже стоит у рампы с работающим двигателем. Быстрого взгляда в кабину хватило, чтобы понять: печку включили и греет она очень мило. Затем появился Джонатан.

— Я сходил к Артуру за ключами, — сообщил он. — Поэтому решил, что неплохо бы ее завести и подогнать к рампе.

— О… э-э… молодец, — сказал я. — И он тебе дал ключи нормально, да?

— Да, — ответил Джонатан. — Без проблем. Мы даже славно поболтали.

— С кем? С Артуром?

— Ну.

— О чем?

— Обо всем. В Схеме он, кажется, с самого на-

чала. Говорит, что определяет, кто на каком маршруте стоит, по тому, во сколько возвращают ключи.

— Похоже на Артура.

— И насколько я понял, на тех, кто уходит пораньше, он смотрит очень косо.

— Да, — сказал я. — Он сторонник полного рабочего дня.

— Кстати, — Джонатан помахал рабочей карточкой. — Я ее уже отметил, чтобы ты не тратил время.

— Спасибо. — Я взял карточку, которую он уже начал заполнять. — А баранку весь день крутить не хочешь?

Едва я это произнес, как понял, что замечание мое прозвучало необязательно и грубо. К счастью, Джонатан не расслышал, поскольку в тот момент к нам на погрузчике подъехал Крис Дарлинг.

— Вам сегодня шесть поддонов, — объявил он. — Все в «Блэквелл».

— Нормалёк, — ответил Джонатан, не успел я и рта раскрыть. — Лену будет чем заняться.

И в следующий миг он уже откатил дверь и принялся надзирать за тем, как Крис ввозит внутрь первый поддон. Ощущая собственную избыточность, я направился в кафе за чаем и

пончиками. За столиком, наслаждаясь полным завтраком, сидел Стив Мур.

— Никак сачкуешь? — спросил я. — Восемь уже было.

— Это ничего, — ответил Стив. — Времени у меня много. Присядешь?

— Нет, спасибо. Мне через секунду ехать.

Я оглядел его столик. Там стояли не только тарелка яичницы с сосисками, грибами, помидорами, кровяной колбасой, фасолью и картошкой, но и хлеб с маслом на отдельной тарелочке, а также баночка конфитюра, тосты, чайник чая, чашка с блюдцем, молоко, сахар и лежали три разные газеты. Похоже, Стив окопался здесь надолго.

— Устраиваются же некоторые, — сказал я. — Сначала я вижу, как ты разъезжаешь по каким-то закоулкам, будто так и надо, а теперь устроил тут себе личную кормушку и переваривaешь международное положение.

Стив потянулся и расплылся в улыбке.

— А что? — зевнул он. — Поработай в Схеме с мое, так и привилегии какие-то заслужишь.

— Чем же ты занимаешься?

— О, сам знаешь. Немного того. Немного этого. Пользу приношу.

Стив это изрек с таким самодовольством, что

меня это навело на мысль: он не расположен выдавать подробности той проделки, которую замыслил. А в том, что это проделка, я не сомневался. Ни один водитель не может рассиживать в кафе в восемь часов утра без законного на то основания. У Стива, со всей очевидностью, такое основание имелось, но он об этом помалкивал. Что же до его утверждения о привилегиях, заработанных долгой службой, — я отлично знал, что в Схему он пришел всего на полгода раньше меня! Однако я говорить ничего не стал, просто забрал свои пончики и ушел, а Стив со своей наглой физиономией остался за столом.

А на рампе Джонатан беседовал с Хорсфоллом, который явно покинул пределы конторы и вышел в свое типичное «скитание». Скитания эти сводились по преимуществу к тому, что он ходил и вынюхивал что-то по всему депо, заглядывал в «УниФуры» и другие места, куда ему только взбредало в голову. Вспомнив, что у нас на борту с прошлой недели еще осталась тележка, я инстинктивно дернулся было закрыть заднюю дверь, но увидел, что Джонатан уже об этом позаботился.

Потом посмотрел на эту парочку — они стояли футах в двадцати от меня. Интересно, что они

могут обсуждать? Вероятно, ничего существенного, но мне пришло в голову, что Джонатан может оказаться одним из тех новичков, которые считают, будто быть с начальством «на равной ноге» — преимущество. Если так, его неизбежно ждало разочарование. О, я признаю, Хорсфолл — человек разумный, как и многие его коллеги. Но все равно я никогда не мог понять, что их вообще заставляет устраиваться на такие места. То есть начинали они водителями и складскими рабочими, как и большинство из нас. Некоторые происходили даже из службы механиков, однако в какой-то момент предпочли отказаться от нормального ремесла, чтобы помыкать остальными. Говоря попросту, я придерживался твердой веры, что у начальства имеются какие-то свои мотивы, отличные от мотивов большинства работников Схемы, а следовательно, обращаться с начальством следует крайне осторожно.

При этом бывают случаи, когда с ними важно поддерживать хорошие отношения. Перед отъездом из «Долгого плеса» я обнаружил еще одну записку Джорджа насчет тортиков, а это значило, что сразу по прибытии в «Блэк-велл» мне следует получить разрешение Осгуда.

— Ничего, если я днем заброшу еще один

тортик? — спросил я, сунув голову в дверь его конторы.

— Ага, — ответил он. — Должно быть ничего. Если меня не будет, сунешь под стол.

— Нормально. Спасибо.

К этому времени естественная любознательность Джонатана побудила его всерьез заинтересоваться тортиками.

— Это просто побочная профессия моего помощника, — объяснил я по пути в «Ватный город». — Совершенно безвредная. Переброска нескольких коробок туда-сюда, только и всего.

Как и днем раньше, в «Пекарню Сандро» следовало доставить дюжину тортиков, и когда мы туда прибыли, Джонатан, к моему удовольствию, вызвался помочь их внести. Сандро, со своей стороны, был само дружелюбие — он даже настоял, чтобы мы задержались на чашечку чая.

— Итак, мой друг, — сказал он, — вы записались в нашу великую Схему Полной Занятости?

— Да, — ответил Джонатан. — Это моя первая рабочая неделя.

— Что ж, вам предстоят славные деньки, — объявил Сандро. — Славные, славные деньки.

Пока он это произносил, я снова вспомнил, каким почетом пользовалась Схема в глазах ши-

рокой публики. Сандро был самым работящим человеком, какого я встречал. Каждый день он по многу часов трудился у раскаленных печей вместе с тремя своими верными помощниками, а мы проводили жизнь в праздности, разъезжая повсюду на своих фургонах. И тем не менее он обращался к нам так, будто мы существовали на совершенно ином плане бытия, будто нас как-то особо отметила судьба.

— Да, — заметил я. — Вообще-то нам не на что жаловаться.

— Ладно, друзья мои, — сказал Сандро. — Увидимся завтра.

Он вручил мне тортик для дальнейшего путешествия, и мы попрощались. Пекарня его в то утро казалась почему-то особенно жаркой, и выйти наружу было вдвойне приятно. Я задержался на минутку, чтобы насладиться свежим ветерком, и тут по спине моей пробежал холодный озноб. У моего «УниФура» стояла фигура в черном пальто и черной фуражке с высокой тульей.

— О нет, — пробормотал я. — Это Несбитт.

— А это еще кто? — спросил Джонатан, уловив настороженность в моем голосе..

— Золотая Кокарда. Разговаривать буду я.

Несбитт не смотрел в нашу сторону, но я не

сомневался: он полностью осведомлен о нашем приближении. Когда мы подошли, он стоял абсолютно неподвижно и рассматривал левое переднее колесо фургона.

— Доброе утро, мистер Несбитт, — выдавил я.

— Доброе, — отозвался он, не поднимая взгляда. — Рад, что вы вернулись. Ждать тут — несколько промозгло.

— Ну да, наверное.

— Так давайте же сядем все в кабину, а?

— Точно.

Под мышкой у меня подозрительно выпирала коробка с тортиком, а я шарил по карманам. Потом достал ключ, отпер дверцу и положил внутрь тортик, а когда обернулся, Несбитт не сводил с меня глаз.

— Смешной у вас синий.

5

— Что смешной? — спросил я.

— Цвет рубашки.

— Но это синий воротничок по инструкции. Несбитт уткнул подбородок в грудь и внимательно посмотрел на меня из-под козырька.

— Воротничок, может, и синий, — сказал он, — но не по инструкции.

— Раньше был по инструкции.

— А я раньше был грудным младенцем. Эта рубашка — прошлогодняя, поэтому избавьтесь от нее и вытащите свежую из ее прекрасной целлофановой упаковки. Вы же получили новую форму, я полагаю?

— Да.

— Ну и вот. Я рассчитываю, что при следующей нашей встрече вы будете в ней.

— Хорошо.

— Я не стану придавать этому делу огласку, учитывая, что у нас месячник доброй воли.

— Спасибо.

— А теперь давайте зайдем в тепло.

Одним движением Несбитт шагнул к «УниФу-

ру» и взлетел на откидное сиденье, закрыв за собой дверцу. Я направился к месту водителя, Джонатан поплелся за мной.

— Месячник доброй воли? — вполголоса спросил я. — О чем это он? Месячник закончился несколько недель назад.

Несбитт был не особо крупный мужчина, но когда я открыл со своей стороны дверцу и заглянул внутрь, казалось, он заполнил собой всю кабину. Не сняв высокой фуражки с этой блестящей Золотой Кокардой, он сидел, глядя прямо перед собой в ветровое стекло, и ждал, когда мы заберемся. Джонатану места почти не осталось, но ему все равно следовало втиснуться, и он пролез чуть ли не под рулем и примостился на металлическом кожухе между сиденьями. Поездка не будет комфортной. Я влез следом и захлопнул дверцу.

— Подумал, мне стоит с вами немного покататься, — проинформировал нас Несбитт. — Давненько я в этих местах не был, неплохо бы освежить память. Продолжайте, пожалуйста, будто меня здесь нет.

— Мы как раз ехали в «Ватный город», — вымолвил я, стараясь, чтобы прозвучало по-деловому.

— Да, — был ответ. — Это мне известно.

Я завел двигатель и вывел «УниФур» на дорогу,

надеясь, что шум мотора не даст нам разговаривать с Несбит-том. Какое-то время так все и было, и по Кольцевой мы втроем ехали немо. Я то и дело поглядывал на коробку с тортиком — она лежала на приборной доске прямо перед Несбиттом и частично загораживала ему обзор. Как Джонатан и отметил в свой первый день, перевозить грузы в кабине было запрещено, но никто пока ничего не сказал. Я пытался об этом не думать и сосредоточился на том, чтобы доехать до «Ватного города» по графику. Этого я добился — мы вкатились в центральные ворота депо ровно в двенадцать сорок пять.

Интересно было наблюдать, как подействовало наше появление на персонал депо. Когда мы въехали во двор, Хоскинс стоял на своем излюбленном месте и отмечал приезд всех на обед. Он как ни в чем не бывало кивнул нашему транспортному средству, а затем, увидев, кто едет на откидном сиденье, практически вытянулся во фрунт. Сходным же образом деятельность на погрузочной рампе как бы удвоилась, стоило мне сдать задним ходом, а Несбитту — открыть дверцу. Через долю секунды с вильчатым погрузчиком появился Кевин Дженнингс — маневрируя, чтобы пристроиться нашему УФ в корму, он изо всех

сил насвистывал. Немузыкальный хрип Кевина привлек внимание Клиффа Клиффорда — еще через мгновение он выступил на сцену, маша перед собою экстраширокой метлой. Уоттса те же звуки привели к двери конторы. Он появился, когда Несбитт начал подниматься по лестнице со двора.

— А, здрасьте, Сайрил, — сказал Уоттс, которого явно застали врасплох. — Что привело вас в наш медвежий угол?

— Любопытство, — ответил Несбитт. — Меня подбросили вот эти джентльмены.

Оказавшись таким образом в лучах прожекторов, мы с Джонатаном сделали вид, что нам обоим очень некогда. Я захватил с собой пачку свежайших накладных и теперь принялся ее листать, отыскивая предназначенную для «Ватного города». Джонатан же откинул защелку и откатил дверь, явив всему свету тележку с поддоном, которую мы возили с собой уже почти неделю.

Момент был такой: я поднял голову и увидел, как Джонатан смотрит на меня, потом на тележку, потом снова на меня. Кевин посмотрел на тележку, потом на меня. Уоттс посмотрел на Кевина, потом на тележку, потом на меня. На Несбитта не смотрел никто.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Э-э… нет-нет, — ответил Уоттс. — Сегодня груз довольно легкий, не так ли?

— Да, — ответил я, уловив подсказку. — Хотя для «Блэквелла» было много.

— Вот как?

— Да.

— А для нас ничего?

— Нет. Эта тележка едет в «Веселый парк».

— О, — сказал Уоттс, не спуская с меня глаз. — Понимаю.

Наш свинцовый диалог прервался, когда Несбитт вдруг сделал шаг внутрь «УниФура». Мы наблюдали, как он ведет привычной рукой по тормозной рукоятке тележки.

— Напоминает о прежних днях, — сказал он. — Пока мы не перешли на электричество.

Что там говорить — изречение Несбитта не должно было служить сигналом к задушевной беседе о давно ушедшем золотом веке. Целью его было напомнить всем присутствующим о его, Несбитта, старшинстве над всеми нами, а следовательно — авторитете. Не то чтобы мы в таком напоминании нуждались. Кевин, Клифф и я были вполне осведомлены о его репутации; знали мы и то, что даже Уоттс, простой чиновник

с Серебряной Кокардой, вынужден был следить за своим языком в присутствии Несбитта. К примеру, обращение к нему по имени — «Сайрил» — было рассчитанным риском. Хоскинс же тем временем хранил почтительное молчание. Один Джонатан не имел никакого представления о значении Золотой Кокарды, но и он, похоже, проникся внушительностью человека в черной фуражке с высокой тульей.

Прошло еще несколько мгновений: все тихо созерцали тележку. Несбитт повернулся к Кевину:

— Есть что-нибудь для «Блэквелла»?

— Только два поддона, — ответил тот.

Несбитт глянул на часы:

— Без десяти час, — сказал он. — Времени еще много.

И без единого слова зашагал к конторе, Уоттс — за ним по пятам, а Кевин и все остальные устроили грандиозный спектакль с погрузкой двух поддонов в наш «УниФур» самым наиэффективнейшим образом. Без трех минут час задача была выполнена, но на обед сбегать никто и не думал. Вместо этого мы все схватили по метле и еще раз хорошенько прошлись по всей рампе. Только в час безопасно было закончить работу. Тютелька в тютельку Клифф и Кевин отставили свои орудия

труда и направились к дверям столовой.

— Сходи с ними, с народом познакомишься, — предложил я Джонатану. — В картишки перекинетесь. Они тут все очень дружелюбные.

— А ты идешь? — спросил он.

— Нет, — ответил я. — Пожалуй, я останусь с фургоном.

Следующие полчаса я размышлял, что мне делать с тортиком. Он торчал на приборной доске отягчающей уликой, плакатом, гласящим, что я нарушил одно из кардинальных правил Схемы. Перевозка частных грузов «УниФурами» в кабине либо в фургоне не дозволялась, и оставайся у меня хоть какой-то здравый смысл, я избавился бы от тортика здесь и сейчас. С другой стороны, Несбитт ни словом не обмолвился о коробке весь путь до «Ватного города», что свидетельствовало об одном: он предпочел ее игнорировать. Оставался один способ доставить тортик Питу Гиггсу — взять коробку с собой в депо «Блэквелл», — поэтому я решил придерживаться плана и надеяться на лучшее.

Вторая цепь размышлений касалась Уоттса и его реакции, когда он увидел тележку с поддоном. Я всегда расценивал Уоттса как несгибаемого деспота, но теперь понял, что недооценивал его. Он

с легкостью мог бы заложить меня за недоставку этой тележки, особенно перед Несбиттом, однако в действительности изо всех сил постарался сменить тему. Я сделал себе мысленную зарубку. Уоттс на самом деле мягче, нежели я думал раньше. Такие вещи знать всегда полезно.

Несбитт же оставался совершенно непостижим. Осгуд отмечал, что никому в точности не известно, как у Несбитта работают мозги, но на деле это было глубочайшим преуменьшением. Несбитт — тотально свободный агент, и единственная его функция — увековечение бесперебойности Схемы. Человек с неограниченной властью, он совал нос во все, что привлекало его внимание, и сегодня по каким-то своим причинам решил прокатиться в нашем «УниФуре». Я рассчитывал, что он вернется ровно в час тридцать, поэтому в час двадцать пять сел за руль дожидаться. В конечном же итоге первым вернулся Джонатан.

— Я слышал интересные дискуссии в столовой, — сообщил он. — Вообще-то там разгорелось несколько жарких споров.

— О чем? — спросил я.

— Ну, за соседним столиком говорили о том, как лучше добиваться ранних увольнительных.

— Вот как?

— Один парняга сказал, что нужно просто весь день тормозить, пока так не отстанешь от графика, что у них не останется другого выхода — только подписать тебе путевой лист. Тут вмешался другой парняга и сказал, что это неправильно и лучше всего сговориться с каким-нибудь начальством и подписать все путевки заранее. А первому парню такое не понравилось, потому что это будет означать, что ты им должен.

— Это правда.

— И вот они как завелись насчет того, как заканчивать пораньше, будто у них весь день на этом стоит.

— Для некоторых так и есть.

— Но я думал, что это — Схема Полной Занятости!

— Ну… да.

— Я не понимаю, как такое может быть, если всем нечем заняться.

— Штука в том, — сказал я, — что имеется разница между полной занятостью и полнотой занятий. Это правда, в Схеме есть много незадействованного потенциала, но лучше платить людям за то, что они не полностью заняты, чем вообще лишать их работы, правда?

— Наверное.

— Хотя ты прав, — уступил я. — Некоторые действительно перебарщивают с ранними увольнительными.

— Именно так тот другой парняга им и сказал. Его Джон звали. Он вдруг подошел к столику и сказал, что они все испортят, если будут так перебарщивать и дальше.

— Это Джон Форд был, — сказал я. — Величайший поклонник Схемы, но упертый донельзя.

— Ага, он на остальных так и кинулся.

— И что они ему ответили?

— Просто расхохотались.

Открылась левая дверца и в кабину сунулся Несбитт.

— Кто расхохотался? — спросил он.

— Э-э… да парни в столовой, — ответил Джонатан.

— Это хорошо, — сказал Несбитт. — Я рад, что все счастливы. Подвиньтесь-ка.

Пока мы беседовали, Джонатан развалился на откидном сиденье, похоже забыв о неизбежном возвращении Несбитта. Теперь же ему снова пришлось устраиваться на кожухе посередине. Несбитт забрался в кабину, и мы двинулись дальше по своему ежедневному маршруту.

Всю следующую часть путешествия я не уставал

поражаться, насколько быстро мы приспособились к такому важному пассажиру на борту. Мало того, что закончились все разговоры, кроме самых необходимых, — его присутствие повлияло и на то, как я веду машину. В Схеме был принят некий кодекс поведения, который подразумевал и вежливость к другим пользователям дорог. Что неотделимо от образа «УниФура» — некого образцового транспортного средства с искусным водителем, которое делит трассы со всеми остальными. В реальности же все, конечно, было иначе. Ввиду своих размеров и неповоротливости «УниФуры» служили первоочередным источником дорожных заторов в большинстве больших и малых городов, а это зачастую будило всё худшее в собратьях-водителях. Обычное зрелище: УФ подрезается каким-нибудь автомобилем или грузовиком, отчаянно старающимся вырваться вперед. В результате все мы выработали привычку рьяно защищать свое пространство на дороге, будто командовали штурмовыми танками, а не скромными грузовыми фургонами. Сегодня же я был воплощенной любезностью. Под присмотром Несбитта я превратился в самого вежливого и заботливого человека, когда-либо сидевшего за баранкой: я уступал дорогу всем и каждому

и жизнерадостно махал торопыгам рукой. Несбитт по этому поводу ничего не сказал — да и не смотрел он никуда, только на дорогу прямо перед собой. Тем не менее я знал, что он засекает каждое мое движение.

К тому времени, как мы прибыли в «Блэквелл», начала одолевать усталость. Обычно здесь представлялась возможность выпить чашечку чаю, но сегодня у меня было предчувствие, что чай придется пропустить. Хотя одно я знал наверняка: это депо предупредили о приезде Несбитта. Очевидно это становилось уже по количеству персонала, материализовавшегося на рампе в тот момент, когда мы въехали во двор. Насколько я видел, наружу высыпал весь личный состав. Чарли Грин и Мик Долстон деловито подравнивали огромную башню запасных поддонов, Деннис Кларк и Стив Картер им помогали. Лен Уокер тем временем выводил вильчатый погрузчик на позицию. Когда я сдавал задним, из конторы спустился Гослинг и принялся направлять меня серией бессмысленных телодвижений. Маневрировать сразу стало гораздо труднее. Я водил «УниФур» уже пять лет, однако из-за Гослинга встал в парковочную щель у рампы лишь со второй попытки. Наконец выключил двигатель и

стал ждать, пока вылезет Несбитт. Но он остался сидеть, где сидел.

— Ну что, — сказал он. — Похоже, у нас на борту имеется дополнительный предмет.

При этом он смотрел прямо на коробку с тортиком.

— О, — сказал я. — Ну да.

— Давайте же заглянем внутрь, а?

Несбитт протянул руку, взял коробку с приборной доски и установил ее себе на колени. После чего снял крышку. Внутри лежал тортик, покрытый желтой глазурью. По ободу шли засахаренные апельсиновые и лимонные дольки, а на самой верхушке стоял крохотный сахарный велосипед: Вокруг были расставлены свечки и разбросаны слова: ОСОБЕННОМУ МАЛЬЧИКУ СЕГОДНЯ ПЯТЬ.

— Довольно красивый, — заметил Несбитт. — А марципан внутри есть?

— Полагаю, да, — ответил я.

— Я очень неравнодушен к марципану.

— Правда?

— Очень и очень неравнодушен.

Несколько мгновений я припоминал собственное далекое детство, недели, что я проводил в ожидании своего дня рождения. Припомнил я и

те давно ушедшие дни, когда к такому тортику с зажженными свечами стремились все мои детские надежды и мечты, а день этот гарантированно возвращался из года в год.

И тут я повернулся к Несбитту и сказал:

— Хотите кусочек?

— Да, спасибо, — ответил он. — С чаем будет в самый раз.

Снова закрыв тортик, он сунул коробку под мышку и вылез из «УниФура». Мы с Джонатаном переглянулись и последовали за ним.

— Добрый день, Сайрил! — крикнул Осгуд из дверей конторы. — Я как раз чайник поставил, если хотите поучаствовать.

Если Осгуд и понял, что Несбитт несет под мышкой, то виду не подал. Профессионал до мозга костей — он стоял, придерживая дверь, пока начальник поднимался по лестнице и входил. Как я заметил, Гослинга на чаепитие не пригласили.

Лен Уокер, похоже, был абсолютно счастлив визитом Несбитта.

— Хе-хе! — все повторял он. — Сегодня пораньше никто не уйдет.

Чарли и все остальные явно смирились с этим неоспоримым фактом. Полностью перестроив штабель поддонов, они приложили всю свою

энергию к разгрузке фургона, подъехавшего за нами. Скорость, с которой они выполняли поставленную задачу, несколько ошарашила водителя и его помощника — не успели они и до рампы дошагать, а процесс уже был в полном разгаре. Но их быстро проинформировали о присутствии Несбитта, они построились и углубились в полировку фар и зеркал.

Вся эта жизнедеятельность дала возможность Гослин-гу на чем-то сосредоточиться, и казалось, что он умеренно доволен, надзирая за происходящим, пока дверь в контору четверть часа оставалась закрыта. Когда же она открылась снова, все мы деловито трудились над выполнением своих заданий. Из конторы вышел Несбитт с коробкой под мышкой.

Я отчасти надеялся, что он предпочтет остаток дня провести в «Блэквелле», — особенно после замечания Лена, что сегодня домой пораньше никто не уйдет. Еще бы, думал я, хватит уже ему, наверное, раскатывать в «УниФуре». Но я ошибался. Держа коробку под мышкой, он спустился по лестнице и опять направился к нашему транспортному средству. Бредя за ним следом, мы с Джонатаном ловили сочувственные взгляды. Осгуд стоял в дверях с видом небывалого

облегчения от того, что посиделки с Не-сбиттом завершились.

Забравшись в кабину, я увидел, что коробка с тортиком как ни в чем не бывало снова стоит на приборном щитке, будто ее оттуда и не снимали. Джонатан балансировал на своем кожухе, а Несбитт листал книжку нарядов.

— Так, — сказал он. — Отсюда вы теперь должны ехать в «Веселый парк».

— Да, — ответил я. — Последний заезд сегодня.

Несбитт закрыл книжку и сунул в карман.

— В «Веселый парк» мне ехать не хочется, — объявил он. — Вы же для них ничего отсюда не забирали?

— Тут ничего и не было.

— Вы правы. Давайте мне путевой лист, я подпишу вас прямо в «Долгий плес». А затем мы все сможем уйти домой немного раньше, правда?

— Э-э… да, — ответил я, передавая ему путевой лист. — Спасибо.

— Дело не в благодарности, — сказал он. — Дело в том, что мне еще ехать долго.

Пока Несбитт заполнял графы, я вдруг вспомнил, что не обменялся с Леном накладными за те два поддона, что мы им доставили. Посреди всего этого неистовства мы забыли о простейшем ри-

туале, поэтому я выскочил из кабины и кинулся искать Лена. Вернулся я примерно три минуты спустя; Несбитт по-прежнему держал в руках путевой лист, но теперь, похоже, вдумчиво его изучал. По этому листу мы работали последнюю неделю, так что большинство клеточек уже было заполнено.

— Тут, я вижу, много подписей, — заметил Несбитт. — Вы, судя по всему, в «Веселый парк» в прошедшем месяце почти не заезжали.

— Да, — ответил я. — Судя по всему, нет.

— И лист вам подписывал один и тот же человек.

— Да.

— Среда, четверг и пятница на прошлой неделе. Понедельник и вторник на позапрошлой. Пятница на поза-позапрошлой. Чья же тут фамилия?

Я взял путевой лист и пробежал глазами колонку идентичных подписей. Каждая сводилась к букве Г с длинным закрученным хвостиком.

— Э-э… мне кажется, она принадлежит мистеру Гослингу.

— Мистеру Гослингу, — повторил Несбитт, забирая у меня из рук лист. — Понимаю.

Он сунул руку в глубины своего пальто и извлек блокнот. Мне было показалось, что это книжка

нарядов, которую он уже изучал раньше, но одного взгляда хватило, чтобы понять: страницы этого блокнота чисты. После чего Несбитт принялся списывать что-то из нашего путевого листа, присовокупляя к каждой записи собственные комментарии. И только потом убрал блокнот.

— Ладно, — сказал он. — поехали в «Долгий плес».

6

Когда на следующее утро я вошел в диспетчерскую, меня сразу же подозвал к своей стойке Боб Литтл.

— Не стоит отмечаться, — сказал он. — Тебя хочет видеть Рэй Коппин.

— А зачем, не знаешь? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Боб. — Только спросил, не мог бы ты к нему подняться в восемь.

— Ну ладно. А за меня на маршрут кто-нибудь выйдет?

— Да, мы попросили Питера Лоуренса.

— Тогда нормально.

Рэй впервые хотел меня видеть, и я даже представить не мог, зачем ему понадобился. Я только надеялся, что это никак не связано с Несбиттом. Однако прежде, чем подняться к нему, нужно было сходить к фургону и убрать из кабины коробку с тортиком. Питер Лоуренс работает, как сущий ломовик, он не захочет связываться ни с какими тортиками Джорджа. К тому же на работу он всегда являлся спозаранку, и когда я его нашел, он уже открыл кабину и грел двигатель. Джонатан

стоял рядом и таращился в легком изумлении.

— Я должен встретиться с управляющим депо, — объяснил я. — Не беспокойся, Питер за тобой приглядит нормально.

— Так у тебя, значит, неприятности? — спросил Питер.

Схема Полной Занятости

— Не думаю, — ответил я. — Хотя наверняка трудно сказать. Слушай, мне тут надо кой-чего взять из кабины. Скоро увидимся.

— Ага, увидимся, — сказал он. — Давай, Джонатан, выпьем-ка чайку до отъезда.

Я решил, что лучше всего будет оставить коробку у Роба Маршалла в механической мастерской. По пути я приподнял крышку и заглянул внутрь. Тортик был в идеальном состоянии, если не считать того, что примерно одной пятой теперь не хватало. Крохотный сахарный велосипед остался нетронутым. Придя в мастерскую, я увидел на верстаке еще шесть коробок — они ждали, когда их заберут. Роба нигде не видать, поэтому я прибавил к пирамиде вчерашнюю коробку и оставил Джорджу записку с извинениями. А затем поднялся по лестнице в главную контору.

Давненько нога моя не ступала по холодным плиткам, ведущим к Рэю Коппину. Он был управ-

ляющим типа «автопилот» — личный состав его любил, но видел нечасто. Кабинет его располагался в конце широкого коридора, по одной стене которого красовалась знаменитая фреска

«Долгий плес».

Яркими красками на ней изображались сцены из повседневной жизни работников Схемы. В одном сегменте прилежные труженики в ладной синей форме разгружали и загружали «УниФуры». В другом — ехали по привольному хайвею, где весь поток машин состоял только из «УниФуров». Дальнейшие картины показывали величавое начальство, улыбчивый обслуживающий персонал и непоколебимых вахтеров: все они работали вместе в духе сотрудничества. Центральный фрагмент изображал восьмичасовые часы под золотым свитком, а на свитке значились слова: LABOR OMNIBUS [1].

Пока я шагал вдоль панно, мне в голову пришла та же мысль, что и в первый раз, когда я его увидел, а именно: «УниФуры» на картине выглядели иначе, нежели в реальной жизни. Несколько легких расхождений — например, в толщине разделительной планки на ветровом стекле или

---

[1] Примечания: 1
Труд всем *(лат.).*

углах крыльев, — и эти транспортные средства уже казались угловатее тех, с которыми я был хорошо знаком. А в результате складывалось общее впечатление, что они вообще приехали из другой эпохи. К тому же руки людей на картинах выглядели гораздо толще естественного. Я грешил на художника, чья неразборчивая подпись стояла в дальнем углу панно.

А на другой стене висел фотопортрет покойного конструктора «УниФура» сэра Роберта Томпсона: он носил очки и на черно-белом снимке выглядел очень строго. Мне смутно подумалось, видел ли он панно напротив и, если да, что бы он по поводу него сказал. И тут я подошел к двери с латунной табличкой:

М-Р РЭЙМОНД КОППИН

УПРАВЛЯЮЩИЙ

Я стукнул один раз.

— Войдите.

Когда я вошел, Рэй стоял спиной к столу и смотрел в окно. Из которого открывался прекрасный вид на низкую крышу задней пристройки к депо, которую несколько портила лишь труба вентиляции, прилепившаяся сбоку.

— А, — сказал Рэй, увидев меня. — Спасибо, что зашли. Присядьте, пожалуйста.

Я сел, а он подошел к ближайшему конторскому шкафчику и вытащил папку.

— Значит, так, — начал он. — Сначала — один-два вопроса. Сколько вы уже в Схеме?

— Лет пять, — ответил я.

Схема Полной Занятости

— И как вам у нас пока нравится?

— Спасибо, нормально.

— Это хорошо. — Рэй откинулся на спинку кресла и заложил руки за голову. — Да, мне тоже кажется, что у нас в депо все довольны. Все знают, что нужно делать, и основной объем работы всегда выполняется. О, возможно, мы пока не достигли вершин эффективности, но в общем и целом весь наш подвижной состав — в рабочем порядке, а показатели грузооборота легко перекрывают средние значения. Да, я с уверенностью могу сказать, что у нас в депо все довольны.

Едва Рэй открыл рот, я тотчас узнал вводную речь, которую он произнес передо мной, когда я только поступил сюда на работу. Вообще-то он произносил ее перед всеми: предполагалось, что в ней содержатся некие отеческие напутствия новичкам. В первый раз он дальше пустился

объяснять политику восьми часов работы за восьмичасовую плату, а также поставил меня в известность, что впереди меня ожидают славные деньки. Нынче же он вскоре съехал на совершенно другую колею.

— Итак, как вам известно, — сказал он, — Схема наша растет и крепчает день ото дня. «УниФуры» колесят ежедневно тысячами, перевозя грузы и обеспечивая постоянный поток производительности. Вместе с тем в сети еще имеются окна, где нам только предстоит полностью инкорпорировать целые регионы. Процесс интеграции — медленный процесс, но он наконец прибыл к самому нашему порогу. — Рэй потянулся к папке и открыл ее. — Вы когда-нибудь слышали о «Кружевном рае»?

— Только раз, — ответил я. — Это название депо, правда?

— Верно, — сказал Рэй. — Одно из новых депо, которые мы хотим ввести в зону нашего действия.

— О, нормально.

— Очевидно, графики и расписания нам следует подготовить заблаговременно, и вот тут нам поможете вы. У нас для вас есть небольшое задание, если вам интересно.

— Что я должен буду делать?

— Нам бы хотелось, чтобы вы съездили на «УниФуре» в «Кружевной рай» и посмотрели, сколько времени это займет, а потом вернулись.

— А это далеко?

— Мы знаем, что по прямой — тридцать одна миля, — ответил Рэй. — Но тут в расчет не принимаются напряженность движения, транспортные развязки и непредусмотренные остановки. Нам нужно, чтобы кто-нибудь захронометрировал среднее время поездки за несколько последовательных дней. Это будет единовременное задание, разумеется.

— Вот как?

— О да. Возвращаетесь в депо и свободны весь оставшийся день.

— Ну что, спасибо, — сказал я. — Да, мне это интересно.

— Хотя вот еще что, — сказал он, снова пошелестев бумажками в папке. — Я тут просматривал ваш ежедневный пробег за декабрь. — Рэй вытащил мой путевой лист. — Судя по этим записям, в среду, четвертого, вы сделали шестьдесят три мили, в четверг, пятого, — шестьдесят три мили, а в пятницу, шестого, — один миллион двенадцать тысяч двадцать две мили. Куда вы ездили

в тот день?

Он передал мне карточку, чтобы я сам посмотрел. Указанная клеточка была заполнена рукой Джорджа.

— Здесь должно стоять «шестьдесят три мили», — сказал я. — Извините, должно быть, мы неправильно посчитали.

— Хорошо, — сказал Рэй. — Мне кажется, в нынешних обстоятельствах на данную оплошность можно закрыть глаза. Постарайтесь в дальнейшем заполнять аккуратнее.

— Ладно. Извините.

Он встал из-за стола.

— Так вам бы, значит, хотелось выполнить для нас это маленькое задание?

— Да, пожалуйста.

— Нормально, — сказал он. — Можете приступить сегодня утром и ездить десять дней иии около того, пока не добьетесь среднего показателя. Загляните к механикам, возьмите свободное транспортное средство.

— Спасибо. — Я встал и повернулся было к выходу, но тут вспомнил, что хотел спросить кое-что еще. — А могу ли я узнать, почему выбрали именно меня?

— Можете, — ответил Рэй. — Ваше имя вытяну-

ли из шляпы.

— А.

В этот момент зазвонил телефон, и он снял трубку.

— Рэй Коппин у аппарата. Ода, великолепно. Можно сегодня апельсиновый конфитюр, «яичных солдатиков», и яйца взбейте, пожалуйста, посильнее…

Когда я выходил, Рэй все еще заказывал себе завтрак.

Первым делом, спустившись во двор, я увидел Стива Мура. Он, развернув перед носом газету, лениво облокачивался на свой «УниФур». Когда я сошел с лестницы, он понимающе глянул на меня.

— Так ты этим последнюю пару недель и занимался? — спросил я. — Засекал время рейсов?

— Ага. — Он ухмыльнулся. — До «Королевского пруда» и обратно. Работенка непыльная.

— Потому и не трепался, да?

— Не хотелось, чтоб завидовали, а? — Стив свернул газету. — Не хочешь в кафе зарулить на petit déjeneur? [2]

— Нет, спасибо, — ответил я. — Мне еще с фур-

---

[2] Примечания: 2
Утренний завтрак *(фр.).*

гоном разбираться и все такое.

— А я до десяти, наверное, и дрыгаться не стану, — заявил он. — Хорошая круглая цифра. Стало быть, на дороге увидимся.

— Ну, увидимся.

Когда я вошел в механическую мастерскую, Роб Маршалл созерцал пирамиду коробок у себя на верстаке.

— И что я со всем этим буду делать?

— Фиг знает, — ответил я. — Но я уверен — ты найдешь решение. Вы, механики, это умеете. Кен тут?

— Кому он понадобился? — раздался голос из глубин мастерской.

— Мне, — ответил я. — Рэй Коппин попросил меня сделать контрольный рейс, и мне нужен фургон на десять дней.

Возник Кен Скэнлон:

— А, один из немногих избранных. Одну секундочку. — Кен был главным механиком и отвечал за распределение транспортных средств. Сверившись с диаграммой на стене, он сказал: — Свободен УФ61. Можешь взять.

— Спасибо.

Кен кивнул на тортики:

— Твой помощник себе позволяет?

— Наверное.

— Похоже, пора брать с него процент.

— Это запросто, — сказал я. — Несбитт уже приложился.

Но прежде чем я смогу что-то сделать с УФ61, следовало сходить к Артуру за ключами. Несколько минут ушло на то, чтобы подманить его к окошку, а когда он все-таки в нем возник, пожаловался, что выдавать ключи после восьми часов — «в высшей степени неправильно». В конце концов он их мне, конечно, выдал, после чего я отправился в диспетчерскую получать у Боба Литтла карту района. Их вручали в помощь новым водителям, однако на практике никто ими не морочился. В результате они просто желтели на полке под стойкой. Каждая карта была напечатана на тонкой бумаге, и пунктиром на ней отмечались места правильных сгибов. На них я забил и сложил свою сначала на четверти, затем на осьмушки.

Что до «Кружевного рая», то я сначала вообще его обнаружить на карте не сумел. Я всматривался в путаницу дорог, каналов и железнодорожных путей, пока в глазах не зарябило, но депо это напрочь отказывалось как-то выделяться. Я уже подумал было, что картографы забыли его на-

нести, и тут в самом верху заметил крохотный квадратик с буквой Д внутри. И слова «Кружевной рай».

Меня нисколько не удивило, что депо располагалось на крайнем севере нашего района: в самом названии что-то эдакое звучало. Место явно отстояло гораздо дальше от остальных показанных на карте депо и по сравнению с ними выглядело довольно одиноким. Более того: похоже, к «Кружевному раю» и прямого пути не было. Казалось, доехать до него можно только чередой каких-то мелких дорог. Я сразу же понял, что все мои мечты о прогулке с ветерком по ровной и непрерывной магистрали пойдут прахом. Тем не менее возможность совершить длительное сольное путешествие в «УниФуре» по собственноручно разработанному графику очень меня привлекала. У Боба я попросил маркер и нанес кратчайший маршрут до «Кружевного рая» на карту. После чего пошел искать свой УФ61.

Считается, что все «УниФуры» идентичны. Собирают их из одних и тех же взаимозаменяемых компонентов, и теоретически они различаются лишь бортовыми номерами. То есть разницы между УФ61 и, скажем, УФ55 — фургоном, на котором я ездил днем раньше, — быть не должно.

В реальности же каждое транспортное средство обладало своим особенным набором характеристик. Некоторые лучше слушались руля, некоторые быстрее ездили, некоторые больше дребезжали. УФ61 уникальным делала мягкая подвеска — этот факт я с торжеством припомнил, когда отомкнул кабину и втиснулся за руль. Я раньше много раз водил УФ61 и знал, что этот фургон идеален для такой экскурсии. Грузить и разгружать ничего не надо, поэтому выезжать можно хоть сейчас.

Маршрут, который я разработал, требовал сначала проехать на запад по Кольцевой примерно пять миль, а потом свернуть на север. На первом отрезке путешествия я встретил несколько «УниФуров» — некоторые ехали к «Долгому плесу», другие стремились к более отдаленным пунктам назначения. Водители, знавшие меня, как водится, мигали фарами. Я тоже мигал им в ответ, однако ловил себя на том, что меня эти знаки внимания как-то раздражают. Почему, объяснить я не мог, ибо для всех нас мигать друг другу — в порядке вещей. В то утро, вместе с тем, фургоны, тащившиеся по своим ежедневным маршрутам, казались какими-то обыкновенными, а экипажи их выглядели косными и малодушными. Я же,

напротив, выполнял миссию, обещавшую стать интереснейшим приключением. Потому я вскоре перестал приветствовать встречные транспортные средства и гнал себе дальше, как будто не замечал их вовсе. Легче стало, когда я свернул на север. Теперь фургоны вели, как правило, незнакомцы. Некоторых я, конечно, раньше видел в таких депо, как «Веселый парк», где пересекались несколько зон, а с парой человек даже здоровался. Но сам масштаб Схемы предполагал, что невозможно быть на короткой ноге со всеми — только с горсткой других водителей. Вскоре начали попадаться и фургоны с чужими номерными табличками. На моей стояли буквы ДП («Долгий плес»), а теперь я увидел несколько с буквами ЗВ: это означало, что они базируются в депо «Замковые ворота». Большинство, однако, могло быть откуда угодно — с такими-то номерами, как ТТ, БН, а в одном случае даже — Х. Но ни разу за все путешествие не встретился мне фургон из «Кружевного рая». Говоря по правде, чем дальше уезжал я от Кольцевой Дороги, тем реже мне вообще попадались «УниФуры».

Я ехал уже час, но еще не пересек городскую черту, хотя вокруг тянулись районы, где заброшенные здания и пустыри, похоже, были

обычным явлением. Насколько я себе представлял, такие пустоши тянулись повсюду в те времена, когда еще не приняли Схему, и я полагал, что теперь с ними уже покончено. Тем не менее — вот я ехал дальше и понимал, что дел нам предстоит еще очень много. Видимо, это и объясняло, почему интенсифицируется процесс интеграции. Рэй Коппин говорил, что некоторые регионы «только предстоит полностью инкорпорировать», и теперь я своими глазами видел, что это означает. Прокладывая свой путь, я радовался, что играю роль, хоть и маленькую, в таком славном предприятии.

До «Кружевного рая» оставалась миля, когда мне пришло в голову, что я не записал время выезда из «Долгого плеса», и этот первый мой рейс таким образом пошел коту под хвост. Какое-то мгновение я раздумывал, нельзя ли просто угадать, сколько времени у меня ушло, но в таком случае бессмысленной окажется вся эта затея, посему я решил считать поездку просто рекогносцировкой. В следующие десять дней представится масса возможностей определить среднее время.

Утро стояло такое сияющее, что дорожное покрытие блистало. Я уже какое-то время ехал по однополосной дороге, где едва ли что-то вообще

ездило. Еще через минуту появился знак — стрелочка влево. Я свернул на подъездную бетонку — насмерть прямую, с одной стороны — какие-то водопроводные сооружения, с другой — что-то похожее на кирпичный заводик. Прямо передо мной возникло депо и, подъехав ближе, я увидел на погрузочной рампе трех человек. Они стояли и смотрели, как я приближаюсь. Стояли в ряд, бок о бок — похоже, они провели в таком ожидании много часов. Один был довольно пухл. Он стоял, засунув руки глубоко в карманы синей робы.

Проходной в этом депо не было. Вместо ворот дорожка просто вливалась в широкий и пустой двор. На одном конце располагалась маленькая постройка без передней стены — я принял ее за механические мастерские. Внутри на эстакаде стоял одинокий «УниФур». Я выехал на самую середину открытого пространства, а потом задним ходом подтянулся к погрузочной рампе. Три человека оставались в неподвижности. В зеркальце я видел — они безмолвно созерцали мое транспортное средство. И лишь когда я выбрался из кабины поздороваться, они ожили.

— Мы слыхали, кто-то может подъехать из «Долгого плеса», — произнес пухлый, когда я поднялся к ним по ступенькам.

— Да, — ответил я. — Следующие несколько дней я буду делать контрольные рейсы.

— Это мы и слыхали.

По привычке я подошел к фургону, откинул защелку и откатил дверь, обнажив пустое нутро.

— Вы нам ничего не привезли, правда? — спросил пухлый.

— Нет, — ответил я.

— Так я и думал.

— И у вас для меня тоже ничего нет.

— Нет, — сказал он. — Мы в «Долгий плес» отправляем груз лишь раз в месяц, и его всегда забирает фургон из «Верховья».

— А это еще где?

— Фиг знает. Он приезжает только раз в месяц.

Я окинул взглядом депо и увидел, что нигде нет груженых поддонов. В дальнем углу громоздилась пирамида пустых, рядом с нею стоял в ожидании вильчатый погрузчик. Не похоже, чтобы им слишком часто пользовались. Пухлый человек, как я заметил, так и не вытащил руки из карманов.

— Хотите чашечку чаю?

— О да, пожалуйста, — сказал я. — Во рту все пересохло. Столовая наверху, да?

— У нас тут нет столовой. Утром нам чай го-

товит уборщица, но она уже ушла домой. Нам самим приходится. Сходи поставь чайник, а, Мартин?

Он обращался ко второму мужчине, похожему на его же версию, только помоложе и не такую дородную. Второй легко мог оказаться его сыном.

— Ладно, — сказал этот второй и повернулся ко мне: — Сахар будете?

Голос у него был очень визгливый.

— Нет, спасибо.

— Скажи-ка лучше Джиму, — добавил пухлый.

— Ладно.

Человек помоложе подошел к настенному телефону и снял трубку. Через секунду из мастерской до нас долетело звяканье. Потом замерло.

— Джим? — сказал человек помоложе в телефон. — Это Мартин. Мы чай ставим, если тебе интересно. Точно. Подходи через пять минут.

Он повесил трубку и пошел ставить чайник. Я задвинул дверь фургона.

— Сколько у вас тут фургонов? — поинтересовался я.

— Один, — ответил пухлый и повел подбородком через весь двор на мастерские. — В настоящее время он в ремонте.

Третий участник трио был тихий дядька, улы-

бался он много. А говорил мало. Вот поэтому мне взбрело на ум, что с ним работать приятно. Звали его, как я вскоре обнаружил, Эриком. Имя пухлого было Гарольд. Пока готовился чай, Эрик взял метлу и пошел мести по всей длине рампы. Часы у конторы сообщили мне, что уже полдень. Не могут же они так рано закрывать лавочку. Не настолько же. На мой вопрос ответ поступил сразу.

— А вот и «Колокольня», — объявил Гарольд.

По бетонной дорожке ехал «УниФур» — и уже в следующий миг, громогласно бибикнув, он вкатился во двор. Пока машина сдавала задним ходом к погрузочной рампе, я пригляделся к номерной табличке. Буква К подтверждала, что фургон — действительно из депо «Колокольня», и меня сразу же окатило волной разочарования. До этой минуты я пребывал в уверенности, что я — первый и единственный посетитель «Кружевного рая» из нашей зоны. Это депо в сравнении с моими обычными пунктами назначения действительно сильно смахивало на отдаленный спутник. Однако то, как они приветствовали новоприбывших, подсказало, что первым я быть никак не могу. Когда из кабины выбрались водитель с помощником, стало и вовсе очевидно, что с местным персоналом они знакомы очень

хорошо. Да и я, на самом деле, признал новоприбывших — мы виделись время от времени на маршрутах нашей зоны.

— Ну, Кит, — сказал Гарольд. — Ты как раз к чаю.

— Для разнообразия, — последовал ответ. — Вчера нам пришлось десять минут ждать.

Поднявшись по ступенькам, Кит остановился, посмотрел на меня и сказал:

— Лицо знакомое. «Долгий плес», да?

— Да, — ответил я. — Я тут контрольные рейсы провожу.

— А, точно, — кивнул он. — Я слыхал, они устанавливают прямую связь между здесь и там.

Помощник его тем временем обошел их фургон и откатил дверь. У меня за спиной раздалось вежливое «бип». Эрик оставил в покое метлу и теперь сидел в полной готовности на вильчатом погрузчике, но улыбался по-прежнему.

В последующие несколько минут все соображения, дескать, это «сонное» депо, у меня быстро развеялись. В транспортном средстве Кевина приехали шесть полностью нагруженных поддонов, но Эрик так ловко управлялся с погрузчиком, что фургон опустел в мгновение ока. Весь вклад Гарольда в работу сводился к тому, чтобы не

путаться у Эрика под ногами, одновременно стараясь выглядеть по-деловому. Удавалось ему это потому, что, несмотря на пухлость, он оказался очень легок на ногу. Прочно заложив руки в карманы, он маневрировал по «УниФуру», плетя хитрые па. Эрик тем временем занимался грузом.

Пока все это происходило, Мартин вернулся с чайным подносом и поставил его в углу помещения на столик — вокруг было расставлено несколько стульев. От мастерских подошел еще один человек. Это, как я понял, и был механик Джим, которому Мартин звонил по телефону. Разгрузка завершилась, накладными обменялись, и всех неуклонно потянуло к столу. И тут, впервые после моего приезда, Гарольд вынул руки из карманов. Пухлые, как и все остальное у него, а в одном кулаке зажата колода карт.

— Перекинемся по-быстрому? — спросил он.

— Это можно, — ответил Кит. — Пока мы все здесь.

Разлили чай. Мы сели, раздали карты.

— Чей ход первый?

— Мой, — ответил Гарольд. Он долго и пристально изучал свои карты, затем вопросительно посмотрел на меня. — «Булочник мистер Слойк»

у вас?

7

К тому времени, как я покинул «Кружевной рай» — примерно два часа спустя, — я пришел к выводу, что это — совершенно милое депо. Гарольду и его сподвижникам все было по плечу, а к посетителям они относились как к почетным гостям. После карточной партии Мартина отрядили сделать сэндвичей и заварить побольше чаю, а Джим по-быстрому осмотрел наши с Китом транспортные средства на предмет, как он выразился, «нежелательных утечек масла». Их, разумеется, не было: стандарты техобслуживания по всей Схеме неизменно высоки. Тем не менее жест его был в должной степени оценен. Джим был механиком традиционной школы: в левом кармане чистая тряпица, в правом разводной ключ. Особое внимание уделил он УФ61, отметив, что это — одна из немногих моделей в серии, которых он раньше не видел. Джим открыл капот и несколько минут в почтительном молчании таращился на двигатель.

— Только погляди, — сказал он. — Какое изумительное творение.

Когда Джим опять закрыл капот, Кит, стоявший рядом, подмигнул мне. Их с Родни, помощником, жизнь по Схеме удовлетворяла как мало кого, и поездки в «Кружевной рай» им тоже очень нравились. За столом тут у них даже завелись собственные кружки. Но меня все равно удивляло: как они могут проводить здесь столько времени — играть в карты, вообще расслабляться? Если они не будут

соблюдать осторожность, думал я, их непременно оштрафуют за задержку с выездом. Я тайком глянул на контору, и в тот же миг меня осенило: так вот почему в этом депо все выглядит так лениво! Здесь нет никакого начальства! Контора стояла закрытой, к двери прислонена пара запасных метел, будто им здесь самое место. Рядом с конторой — часы-компостер, а сверху на полочке — четыре карты учета рабочего времени, единственный намек хоть на какую-то официальность. Когда я спросил об этом Гарольда, он объяснил, что в депо начальство решили не назначать постоянно, а вместо этого без предупреждения шлют с проверками кого-нибудь — например, Несбитта.

— А вам от этого не нервно? — поинтересовался я.

— Чего ради? — ответил он. — У нас подъездная дорога — прямая, как палка. Мы подступы на милю просматриваем.

Очевидно, в главной конторе, в глубинах здания, работали несколько канцеляристов, а кроме того, имелся и управляющий депо, но Гарольд заверил меня, что никто из них в повседневную работу не вмешивается. Когда мы принялись за блюдо с сэндвичами Мартина, я вынужден был согласиться, что всё у них функционирует идеально.

— Очень вкусные, — сказал я. — Никогда не думал заняться общественным питанием?

— Думал, — ответил Мартин. — Но я лучше уж сам все их съем.

Кит и Родни уехали в два, курсом на «Веселый парк». По данным Гарольда, в два тридцать должен был появиться еще один фургон, который и заберет какие-то из только что доставленных поддонов. А остальные возьмут без двадцати четыре. С приличествующей случаю поспешностью трое складских рабочих взялись проверять подготовленный груз: Мартин считал, Эрик размечал, а Гарольд стоял поблизости, заложив руки в карманы. Я тем временем забрался в свой «УниФур» и направился обратно в «Долгий плес», посигналив

им на прощанье при выезде со двора.

По пути в «Кружевной рай» я внимательно следил за тем, чтобы не сбиться с маршрута, но теперь, зная дорогу лучше, поимел возможность вести некие неофициальные наблюдения. Например, на полпути домой отметил кафе под названием «У Джимми» — заведение на вид в высшей степени подходящее для водителей, опоздавших к завтраку. Чуть дальше по дороге располагались «Чайные комнаты 'Кавендиш'«, которые, по первому впечатлению, представлялись несколько менее пригодными для этой цели. Притормозив в целях более детального осмотра, вместе с тем я обнаружил, что «сзади имеется место для стоянки только автотранспорта посетителей». Сюда неплохо будет исчезнуть на полчасика, если потребуется. Точно так же — многообещающе пригодным — выглядел тупичок, скрытый густой рощицей тополей. Моя мимолетная рекогносцировка позволила составить фоторобот типичного рейса из «Долгого плеса» в «Кружевной рай» (и обратно), с учетом разнообразных потребностей среднего работника Схемы. Мне также пришло в голову, что при таймировании завтрашнего рейса следует учитывать и некоторые засеченные мною пункты

остановок.

Подъезжая ближе к Кольцевой, я начал встречать все больше «УниФуров» — они парковались в различных надежных испытанных местах, а экипажи их ждали, пока день не пойдет на убыль. Иногда они собирались группами, и пять-шесть человек стояли и вели дискуссию на ту или иную тему. В других местах из окна кабины торчали ноги, указывая на то, что владелец их наслаждается безмятежной дремотой. Помощник его тем временем сидел на солнышке и читал газету. Погода определенно уже обернулась весенней, и пролетая по этим второстепенным дорогам, я знал: впереди нас ожидают славные денечки.

Примерно в миле от «Долгого плеса» я увидел Криса Пичмента — он шагал по мостовой, судя по виду, абсолютно довольный всем миром. Заметив меня, он радостно помахал, а затем изобразил движение, будто что-то подписывал. Я понял, что ему удалось оторвать себе раннюю увольнительную, хотя времени на часах всего половина четвертого!

Через пять минут я прибыл во двор, заметив пару «УниФуров», маящихся бездельем за ближайшим углом. Вернулся я первым, и если бы мне хотелось, можно было бы поставить транспорт-

ное средство к рампе и отправиться прямиком домой. Но мне почему-то взбрело прогнать фургон через автомойку. Она, вся готовенькая к работе, располагалась в дальнем конце двора, поэтому я без колебаний въехал прямо между гигантских щеток. Процесс уже какое-то время шел, когда я увидел «УниФур» Билла Харпера — он въехал в ворота и направился прямо ко мне. И лишь когда Билл увидел, что мойка занята, он остановился и вылез их кабины. И подошел.

— Ты что делаешь? — спросил он.

— Фургон мою, — ответил я.

— Но в это время я всегда мою свой.

— Извини, — пожал плечами я. — Я тебя опередил.

В конторе за стеклом зашевелился Хорсфолл — видимо, до него дошло, что два транспортных средства вернулись непривычно рано. К сожалению, на мойке было место лишь для одного. Если б мог, я бы выкатил свой фургон немедленно, ибо вдруг ни с того ни с сего почувствовал себя собакой на сене. Раньше, как правило, я никогда не морочился мытьем фургонов — они и так чистые, — да и теперь решил это сделать просто так. Но машина вся стояла в мыльной пене, и ее следовало споласкивать.

— Спасибо тебе огромное! — рявкнул Билл, протопал к своему фургону и рванул задним ходом к рампе.

Я с тревогой наблюдал, как к нему подскочил Хорсфолл. Замахали руки собеседников, затыкали в груди пальцы, однако, насколько я мог видеть, Билла не оштрафовали. Я подождал, пока он отъедет, и только после этого подогнал машину к рампе, сдал ключи и отправился домой.

И как будто перебежать дорогу Биллу мне было недостаточно — на следующее утро, едва я вошел в диспетчерскую, к своей стойке меня подозвал Боб Литтл. И вид у него был недовольный.

— Помнишь ту тележку с поддоном, которую ты должен был доставить в «Веселый парк»?

— Ну да?

— А почему она до сих пор в кузове УФ55?

— Ну, — ответил я, — я пытался ее сдать, но она никого не интересовала, поэтому я оставил ее в фургоне.

— Это я понял.

— А что, проблема?

— Конечно, проблема. Они там в «Парке» воют без этой тележки. Вчера от звонков отбоя не было. Потом Питер Лоуренс попытался ее доставить и обнаружил, что на нее нет накладной.

— Это потому, что она у меня, — сказал я. — Бумажка у меня в кармашке.

— Ничего смешного тут нет, — сказал Боб. — Через два дня с инспекцией приезжает Скэпенс.

— Кто это?

— Старшая Золотая Кокарда. И если он увидит, что у них нет ручной тележки с поддоном, у них будут неприятности. Поэтому она им нужна очень и очень срочно.

— Ну вот, пожалуйста, — сказал я, разворачивая искомый документ. — Передай ее Питеру, и все будет в ажуре.

Боб окинул меня долгим взглядом:

— Сколько ты уже в Схеме?

— Лет пять.

— Ну и вот, — сказал он. — Ты же знаешь, я не могу принимать у людей накладные. Тебе придется улаживать это непосредственно с Питером.

— Ну ладно. Извини, если что.

Я вышел из диспетчерской в легком раздражении: день-то обещал быть приятным, но тут его что-то подпортило. Раз отмечаться у меня нужды не было, на работу я не торопился и прибыл в несколько минут девятого. А это значило, что мы разминулись с Питером Лоуренсом, который должен был уже выехать. Кроме того, я знал,

что это ему не очень понравилось — огрести в наследство тележку, от которой невозможно избавиться, поэтому я попадаю на плохой счет и к нему тоже, помимо Билла Харпера и Боба Литтла. Хорошо день начинается, нечего сказать.

Более того, мне еще предстояло принять вызов Артура и его благословенной коллекции ключей. Охранял он ее так, что можно было решить, будто он сторожит какие-то священные реликвии или даже драгоценности Короны. Он высказался на тему того, что ключи от УФ61 вернули вчера «в высшей степени рано», и отдал их мне, лишь когда не смог придумать никаких иных способов меня задержать.

Но стоило мне залезть в кабину, вернулось вчерашнее чувство — освобождение. Ах, ничто не сравнится со свободой вольной дороги! Я засек время выезда и направил машину в ворота.

Я решил, что правильнее всего будет отмечать время, строго придерживаясь разрешенного предела скорости всю поездку. В результате я тащился по свободным участкам дороги на тридцати милях в час, хотя и сорок пять делать было бы вполне безопасно. Тем не менее упражнение оказалось вполне приятным, и я обнаружил в себе запасы терпения, о которых раньше и

не подозревал. Возле заведения «У Джимми» я задержался на двадцать минут, чтобы учесть «незапланированные остановки». Хотя внутрь заходить не стал, поскольку уже рассчитывал на гостеприимство в «Кружевном раю».

И оно меня не разочаровало. Подъезжая по бетонке, я опять увидел Гарольда, Мартина и Эрика — они стояли на погрузочной рампе, неся свою безмолвную вахту и наблюдая за моим приближением. И снова мне предложили чай, едва я подъехал.

— Скажи-ка лучше Джиму, — произнес Гарольд, и вновь Мартин позвонил с настенного телефона в мастерскую.

— Джим? — сказал он. — Это Мартин. Мы чай ставим, если тебе интересно. Точно. Подходи через пять минут.

Когда он повесил трубку, я сказал:

— Это не мое, конечно, дело, но не проще ли просто крикнуть ему через двор?

— Это можно, — ответил Мартин. — Но так и осипнуть недолго.

В двенадцать, когда я помогал Эрику подметать рампу, в фургоне «Колокольни» прибыли Эрик и Родни. Разгрузились они быстро, и мы уселись за столик перекинуться в карты.

— Нормально вчера обратно доехал? — спросил Гарольд, тасуя колоду.

— Да, спасибо, — ответил я. — Без двадцати пяти четыре уже был во дворе.

— Славная у тебя ранняя увольнительная вышла.

— Вообще-то сейчас у меня всё так: кончил дело — гуляй смело, — сказал я. — Но, наверное, приравнивается.

— Ну, как там ее ни называй, — сказал Кит, — а у меня такое чувство, что очень скоро всему кранты.

— Это как?

— Я сегодня утром с Джоном Джоунзом разговаривал. Ты Джона знаешь?

— Да, — ответил я. — Охранник на воротах в «Веселом парке».

— Точно. Ну так вот, он мне сказал, что в последнее время ранние увольнительные пошли на подъем, но выяснилось это, лишь когда Несбитт подписал чей-то путевой лист.

— Несбитт? — переспросил Мартин. Это его как-то особенно изумило.

— Ну, — подтвердил Кит. — Очевидно, он это сделал впервые за много лет, но тут заметил, что кое-чья подпись повторяется там десяток раз.

Оказалось — Гослинга, это начальник такой в депо «Блэквелл», — и теперь Несбитт проводит особое дознание. Когда это выйдет наружу, всему и придут кранты.

Гарольд кивнул и в задумчивости раздул щеки.

— Да, мы слыхали про Гослинга, — сказал он. — Очень популярный у водителей, которые сюда ездят.

— Так вот, Джон утверждает, что его отстранили от работы, — продолжал Кит. — Пока идет расследование.

В сложившихся обстоятельствах я решил не распространяться о собственной роли в падении Гослинга. И в то же время ничего не мог с собой поделать — мне его было жалко.

— Ёшкин дрын, — заметил я. — Бедный Гослинг.

— Бедные мы все, — пробормотал Кит. — Что за жизнь будет без ранних увольнительных!

В пятницу утром я столкнулся с Джонатаном — сразу после того, как он получил свой полный пакет заработной платы. Парнишка стоял в коридоре возле диспетчерской и с недоверием пялился на свой ордер.

— Ты только что получил приятный сюрприз,

правда? — спросил я.

— Можно сказать и так, — ответил он. — На самом деле, я и понятия не имел, что мне столько платят. При обучении мне выплачивали только основную ставку, а тут еще сколько всего: на прожиточный минимум! Расходы на химчистку! Премия за посещаемость! Тут даже бонус за производительность труда!

— Ну еще бы.

— Но как же нам могут платить бонус за производительность труда, если мы ничего не производим?

— Это умозрительная выплата, — объяснил я. — Эквивалентная тому, что мы могли бы зарабатывать на сопоставимом производстве.

Он покачал головой и улыбнулся.

— Ёлки! Теперь я вижу, почему все твердят про славные деньки.

— А-а, но дело не только в деньгах, — сказал я. — В этом и штука. Если попадаешь в Схему, о тебе заботятся всю дорогу. Подумай только. Тебе выдают полный комплект формы, зимней и летней, так что экономишь на одежде; тебе предоставляют субсидии на питание, вносят деньги в фонд социального обеспечения, оплачивают спортивную ассоциацию и социально-бытовое

обслуживание. А тебе всего только и нужно, что каждый день являться на работу! Как в огромной пуховой перине валяешься! Можно посмотреть?

— Конечно.

Он дал мне ордер, и я пробежал глазами по пунктам, пока не нашел то, что искал.

— Вот. Отпускные. Ты проработал всего неделю, а уже накопил себе полдня отпуска. Они накапливаются на пропорциональной основе.

— Великолепно, — сказал Джонатан. — Я, наверное, оставлю этот ордер на память.

Он забрал у меня бумажку и аккуратно свернул ее вместе с купюрами. А потом, уже направившись было к рампе, остановился и задал удивительный вопрос:

— Так что именно лежит в этих ящиках?

— Ты же сам должен знать, — сказал я. — Вам разве не говорили при подготовке?

— Нет, сказали только, что содержимое ящиков имеет очень большое значение.

— И это правда. Вся Схема от него зависит.

— Как это?

— Ну, вам же должны были говорить, что «УниФуры» делаются на заказ. Их спроектировали специально так, чтобы все части были взаимозаменяемы и ржавоустойчивы.

— Да, — сказал Джонатан. — И чтобы механики могли их разобрать на части за один день.

— Точно, — сказал я. — Так вот, именно это и лежит в ящиках.

— Что, запчасти?

— Нет, все части. Всё. Колеса, приборные щитки, крылья, зеркала, фары. Не говоря уже обо всех компонентах двигателей. Посмотри вот на этот ящик — что говорится на этикетке? Решетки радиаторов: одна дюжина. Вот, пожалуйста, — идеальный пример.

— Так мы, значит, ездим на «УниФурах», набитых кусками «УниФуров»?

— Именно, — сказал я. — Система самоподдерживается. Мы перемещаем детали из одного депо в другое, и это дает нам работу.

Я был очень доволен своим объяснением: мне показалось, что вышло ясно и сжато. В глубокомысленном молчании Джонатан уставился на неспешную деятельность, происходившую на всей погрузочной рампе.

— Кстати, — сказал он. — А что за слухи, мол, больше не будет никаких ранних увольнительных?

— А где ты про это услышал? — спросил я.

— Да в столовой только про это и говорят.

— Вот как?

— Ты ведь туда не часто ходишь, правда?

— Нет, я за обедом предпочитаю чуточку мира и спокойствия.

— Так вот, пошел слух, что всему скоро придут кранты, и пораньше никого больше отпускать не будут.

— Поверю, когда сам увижу, — сказал я. — Они такими чистками грозят время от времени, чтобы всех встряхнуть, но потом обычно ничего не происходит. Я полагаю, на сей раз это кто-то придумал, чтобы Серебряные Кокарды немного побегали. Но в конце рабочего дня все равно остается одна только Схема, разве нет?

— Наверное. — Джонатан глянул на часы. — Ладно, мне, наверное, пора.

Но я успел отдать ему накладную на тележку с поддоном и попросил передать бумажку Питеру Лоуренсу. Тогда наконец от этой дряни можно будет избавиться. После чего я направился в кафе выпить чаю с пончиками. Я, конечно, не особо спешил выезжать — теперь я понимал, почему Стив Мур как-то утром так неторопливо поглощал свой завтрак.

Но в конечном итоге я решил, что все-таки пора ехать, поэтому вернулся в депо и взял ключи

от УФ61. На ночь я оставлял фургон у рампы, в дальнем конце, поближе к конторе. Однако подходя, я обратил внимание на легкую перемену в его внешнем виде. Под самым окном на дверце кабины кто-то нарисовал примитивную эмблему. Желтым восковым карандашом. И состояла эмблема из цифры 8, вписанной в квадрат.

8

— Вандализм, — произнес голос поблизости. — Чистый вандализм.

Обернувшись, я увидел, что ко мне подошел Хорс-фолл. Он стоял у меня прямо за спиной и глубокомысленно рассматривал желтую отметину.

— И кто это сделал? — спросил я.

— Это лучше ты мне скажи, — ответил он. — Схема ежегодно перевозит до полутонны карандашей. В руки они могли попасть кому угодно.

— Должно быть, это высказался сторонник полного рабочего дня.

— Вполне возможно, да, но я не думаю, что это делает один человек и по своей воле. Я слышал, такие знаки в последнее время появляются повсюду. О них сообщают из всех депо в регионе.

Из кармана он извлек платок и подступил ближе к фургону. И принялся стирать эмблему, постепенно сводя ее на нет. Работа шла медленно — в карандаше оказалось высокое содержание воска. Тем не менее в конце концов от восьмерки не осталось и следа.

— Так-то лучше, — произнес Хорсфолл, делая

шаг назад и любуясь результатом своих трудов.

— Меня удивляет, что вы так озаботились, — сказал я. — Я считал, что начальство благоволит к полноденьщикам.

— Все зависит от ситуации, — ответил он. — Очевидно, что мы расположены к полным восьми часам, когда это вообще бывает возможно, хотя главная наша забота — вернуть все фургоны в депо вовремя. Нам же не улыбается, если вы в какой-нибудь пробке застрянете, когда мы уже пытаемся закрыть на ночь ворота, правда?

— Наверное, да.

— Ну так вот. В данных обстоятельствах мы с радостью подпишем вам путевой лист. Нам, начальству, знаешь ли, тоже домой нужно.

Мало похоже на правду, однако последнее замечание оспаривать я не стал, а посмотрел, как Хорсфолл сует уже пожелтевший платок в карман.

— Так вы, значит, в каких-то ситуациях встанете на сторону ранних увольнительных, да?

— Вопрос не в сторонах, — сказал он. — Вопрос в том, чтобы фургоны вернуть вовремя.

По тону я догадался, что Хорсфолл не готов продолжать дискуссию. Тем не менее мне было о чем подумать по пути в «Кружевной рай».

Похоже, среди нас есть такие люди, которые относятся к полному дню весьма и весьма серьезно. Я уже знал, что, например, Лен Уокер и Джон Форд открыто это практикуют, да и выступают против ранних увольнительных они, сколько я себя помню. Однако мне все-таки трудно было представить, как один или другой бродят и везде малюют эти эмблемы. Вскоре после того, как я выехал на Кольцевую, такой же знак я заметил на задней стенке «УниФура», ехавшего впереди. Похожий на тот, что я обнаружил на дверце своей кабины, и снова — желтым восковым карандашом. Я попробовал этот фургон обогнать, чтобы взглянуть, кто за рулем, но едва поравнялся, как он свернул на боковую улицу и я его потерял. Через некоторое время навстречу мне попался еще один «УниФур». Я как раз заехал в медленную струю транспорта, поэтому тащился милях на пяти в час, и тут мне навстречу — это транспортное средство. На номерном знаке — буквы ТЛ, значит — совсем не из нашего региона. И у него, сразу под боковым стеклом — такая же восьмерка в квадрате. Я глянул на желтую эмблему, затем — на водителя, и тут же понял, что они с помощником так же смотрят на меня. Поймав мой взгляд, оба показали мне большие пальцы,

будто подтверждали некую связь между нами. Я кивнул и вяло улыбнулся, они улыбнулись мне в ответ, и в следующий миг мы разъехались.

Как я уже говорил, водители Схемы приветствовали друг друга, лишь если были приписаны к одному депо, да и то — мигали фарами. Большие пальцы — вовсе не установленная форма приветствия, а следовательно, знак ничего не означал. Но все равно у меня сложилось стойкое впечатление, что экипаж встречного фургона попытался наладить со мной какой-то контакт, а не просто поздоровался: они скорее причислили меня к своим. Все говорило о том, что некто сорганизовался в некое движение с собственной эмблемой и теперь проводит мобилизацию, дабы укрепить свои ряды. Насколько успешной окажется кампания, угадать невозможно, однако теперь у меня не оставалось сомнений: полноденьщики — на марше!

В «Кружевном раю» тем утром только и разговоров было. До Гарольда сотоварищи — хоть и занесло их в этот дальний угол Схемы, на много миль от всего остального — после моего последнего визита долетали всевозможные сообщения и слухи, и теперь коллегам не терпелось поделиться. За тарелкой сэндвичей Мартина мне

рассказали об импровизированных собраниях, на которых полноденьщики заговорили вслух и начали опознавать друг друга. Сборища такие организовывались более-менее спонтанно в различных депо по всей стране, и вскоре выяснилось, что сторонники полного дня — отнюдь не крохотное меньшинство, как все полагали; эти люди на самом деле представляли значительную группировку, примерно половину всей рабочей силы. Немного погодя они приняли восьмерку в квадрате своей общей эмблемой и тем самым заслужили презрение бригады ранних вольногулов.

Но и эти истории оказались лишь верхушкой айсберга. Где-то сразу после полудня приехали Кит и Родни и привезли с собой вести о дальнейших событиях. Похоже, наиболее экстремистски настроенные полноденьщики перестали пользоваться законными десятью минутами от восьми часов, а теперь отказываются и думать о том, чтобы уходить с работы минимум до половины пятого. Более того: вчерашний день был первым в истории, когда ни один человек в Схеме не подписал свой путевой лист до окончания рабочего дня. Эту жемчужину информации оставили напоследок, и, похоже, Кит получил определенное

удовольствие, когда все за столом заерзали, едва осознав значение услышанного.

— А я думал, ты сам — ранний вольногул, — сказал я.

— О, я он и есть, — сказал Кит. — Какие могут быть сомнения?

— Так чего ж ты радуешься?

— А того, что некоторые до сих пор не осознают серьезность угрозы. Может, это их как-то встряхнет.

Гарольд вздохнул:

— А ты знаешь, в нашем депо был всего один случай ранней увольнительной за все то время, что мы здесь. Когда в сочельник заявился Несбитт и сказал, что можно идти домой в половине четвертого.

— Как мило с его стороны.

— А весь остальной год мы фактически были полноденьщиками.

— Ты за себя только давай! — рявкнул Мартин. — Я пока не определился, на чьей я стороне.

За последнюю неделю я уже определенно для себя решил, что Гарольд и Мартин — должно быть, отец и сын. Не только похожи внешне, но и собачатся постоянно — как все, кто много времени проводит вместе. В «Кружевном раю» часто

раздавался визгливый голос Мартина, когда он возражал против какого-нибудь замечания Гарольда. Хотя драчки обычно вспыхивали не по поводу каких-то высоких принципов, а зачастую из-за ерунды, например, сколько ложек заварки класть в чайник. Поэтому я удивился, когда Мартин обиделся за то, что его назвали «фактически полноденьщиком». На него непохоже морочиться подобной эзотерикой. С другой стороны, невозможно и закрывать глаза: на кон поставлен очень важный вопрос, как справедливо отметил Кит. На каждого, кто твердо придерживается необходимости работать полный восьмичасовой день, похоже, находился такой, чья единственная цель — быстрее подписать путевой лист и свалить домой пораньше. Более того, двум этим партиям чем дальше, тем труднее было понимать друг друга. Это крохотное депо лежит пока на периферии дебатов, на него мало что снаружи воздействует. Но неизбежно все изменится, когда введут новые графики работы. После чего экипажи сюда повалят каждый день лавинами, а с собой привезут и свои особые мнения.

На обратном пути я поймал себя на том, что пристально всматриваюсь в каждый встречный «УниФур» — нет ли на них эмблемы полноде-

ныщиков. Я насчитал пять еще до Кольцевой, включая два транспортных средства из нашей зоны. А еще обратил внимание на кучки водителей, собиравшиеся у фургонов в разных тупичках и уголках вдоль дороги. Раньше-то я полагал, что там встречаются друзья и знакомые — обсудить всякие внешние вопросы, вроде спорта или погоды. А теперь задался вопросом: не общая ли цель собирает их вместе? Ибо мне пришло в голову, что, если полноденьщики начали сбиваться в группу, у вольногулов нет другого выхода, кроме как последовать их примеру.

Я всматривался в разные группы водителей и пытался прикинуть, на чьей они стороне. О да, все эти люди и впрямь выглядели одинаково в своих синих рубашках, однако я точно знал: они относятся к двум отдельным типам.

У полноденьщиков, конечно, было преимущество, поскольку свою кампанию они уже начали. Подтвердилось это, когда я проезжал под железнодорожным мостом у разъезда «Пять углов». Длинный стальной пролет был заляпан лозунгами и символами, сколько я себя помнил. Большинство состояло из странных слов, вроде НИЧТЬ или БАНЬОПСЫ, значение которых было ведомо лишь тем рукам, что держали кисти.

Кроме того, имелись изображение улыбающегося безносого лица и грубая клякса, отдаленно напоминавшая верблюда. Залезть на такую высоту — немалый подвиг само по себе, но, говоря по правде, я видел всю эту мазню столько раз, что почти перестал замечать. А сегодня обратил внимание на свежий экспонат старой галереи, а именно — гигантскую восьмерку, вправленную в квадрат. Кто-то явно не шутил. Поскольку у нас пятница, подумал я, может, стоит подбавить газу и вернуться в «Долгий плес» заблаговременно, а потому я вдавил педаль и вкатился во двор депо около трех часов. Все было тихо, дневная суета еще не поднялась. С учетом всех слухов, долетевших до меня за день, интересно было наблюдать за возвращением прочих «УниФуров»: кто срастил себе раннюю увольнительную, например, — или подмечать различия в том, как на выходе отмечаются полно-деньщики. Беда только, что для этого тут следовало околачиваться по крайней мере около получаса, поэтому я в конце концов решил, что дальнейшая бихевиористика может подождать. Я поставил фургон к рампе, сдал ключи и отправился домой.

В понедельник утром все подобные интересы пришлось отставить в сторону еще раз. Из

двухнедельного отпуска вернулся Джордж и быстренько напомнил мне, что его заботит совершенно другое.

— Трэйс с тебя шкуру спустит, — объявил он, когда мы встретились у диспетчерской.

— Приятно слышать, — ответил я. — Могло быть и хуже.

Мы пожали друг другу руки.

— Как отпуск?

— Ужас, — сказал Джордж. — Она меня гоняла, как обезглавленного цыпленка. Я тортики сортировал. Что стало с нашим договором?

Я рассказал ему про контрольные заезды и ежедневные прогулки в «Кружевной рай».

— И долго еще? — спросил он.

— Еще несколько дней осталось.

— Тогда понятно, почему меня кинули.

— Ну что ты, — сказал я. — Похоже, у тебя сейчас будет не работа, а сплошной праздник.

— Да не хочу я сплошного праздника! — возмутился он. — Я на дорогу хочу! У меня знаешь сколько заказов скопилось? И у Сандро тортики забирать. И Кен Скэнлон достает, что за груда коробок в мастерской. А самое главное — Трэйс изводит меня день и ночь.

— М-да, похоже, у тебя хлопот полон рот.

— Это точно, старина, — сказал он. — Будь уверен.

В утешение я повел его в кафе на чашечку чая и пончик. Затем, чтобы он отвлекся от своих тортиков, рассказал, что тут без него происходило. Услышав о деятельности полноденьщиков, он заметил, что не заметил в отпуске никакой разницы.

— Снаружи Схема выглядит точно так же, — сказал он. — По утрам «УниФуры» ездят кругами, днем повсюду стоят. Ничего нового.

— Но происходят серьезнейшие вещи, — стоял на своем я.

— Ха, — сказал Джордж. — Может, тебе мерещится.

Немного погодя он отправился в игровую комнату ныть и гундеть насчет своих тортиков, а я двинул в «Кружевной рай». У меня уже сложилась четкая «картинка», сколько занимает дорога туда и обратно, полный хронометраж тоже, и, честно говоря, больше ездить уже не было никакой необходимости. Тем не менее Рэй Коппин предложил замерять время десять дней, вот я его десять дней замерять и буду. Я не особо торопился вернуться к привычным обязанностям, поэтому решил воспользоваться привилегиями по самую рукоятку.

Из отпуска вернулся и кое-кто еще: Ричард Харпер. Я миновал их с Биллом на Кольцевой примерно в половине одиннадцатого и прикинул, что они должны возвращаться из «Раджуэя». Привычная картина: два брата в одной кабине, — напомнила о недавнем инциденте у автомойки, когда я ненароком схлестнулся с Биллом. Дело это мы с ним еще не утрясли, и тут я сообразил, что больше недели почти ни с кем в своем депо не разговаривал. Так, перебрасывался парой слов, а вообще держался в стороне от повседневных дел «Долгого плеса», предпочитая грандиозные размышления о Схеме в целом. Я вдруг понял, что совершенно оторвался от коллег. Когда мимо в своем «УниФуре» пролетали братья Харперы, я приветственно помигал им фарами, но ответа не дождался. Тревожный симптом: мы с Биллом все же давние кореша. Он первым заговорил со мной, когда я только пришел в депо, и мне вовсе не хотелось ссориться с ним из-за какой-то ерунды. И потому я решил, что ситуацию при первом же удобном случае следует как-то сгладить.

Дав себе слово, я вынужден был признать, что роль бродячего засланца мне нравится. Приятно одному иметь в своем распоряжении «УниФур», тем паче такой, как УФ61. Машину эту водить

удобно, как никакую другую во всем транспортном парке, и пока дорога бежала под колесами гладко, я принялся размышлять, не свернуть ли мне сегодня утром на какой-нибудь более окольный маршрут. Может, подумал я, разнообразия ради добраться до «Кружевного рая» через «Замковые ворота»? Настроившись на это, я съехал с Кольцевой чуть раньше и направился на север по Новой Речной трассе. Согласно моей карте района, путь этот выведет меня на Северную Петлю, а от нее и до «Ворот» рукой подать. В последний раз я ездил тут давненько, но был убежден: стоит вспомнить пару местных ориентиров, и все покатится само по прямой. Оптимистический план мой, однако, пошел наперекосяк, когда я увидел красно-белый указатель: ОБЪЕЗДНОМУ ТРАНСПОРТУ ДЕРЖАТЬСЯ ЛЕВЕЕ. Поскольку я не мог припомнить, чтобы меня кто-то направлял в объезд, то решил, что ко мне это не относится, и продолжал ехать прямо. Еще через пару миль я оказался на необозначенной развилке. И свернул влево, полагая, что уже выезжаю на Петлю, а если и нет, то скоро выеду, потому что левая дорога меня к ней выведет неизбежно. Предположения мои оказались необоснованными в обоих случаях. Дорога, которую я выбрал, похоже, была

просто связующим звеном нескольких объездов, чьей единственной целью, судя по всему, было сбить меня с курса. На том участке карты, где, как я думал, я нахожусь, никаких следов этих объездов не было, поэтому карту я отложил и ехал дальше на нюх. И лишь когда увидел знак, направлявший меня снова на Кольцевую, я смирился с тем, что просто поехал не в ту сторону. Само по себе это было бы терпимо, хоть и довольно-таки раздражало, если бы фургон не начал терять мощность. Я уже пару раз сегодня замечал, что машина движется без своей обычной живости, а теперь, когда отказал двигатель, я понял и причину: у меня закончилось дизтопливо.

Тут я должен сразу сказать: заправлять «УниФуры» горючим — не моя работа. Не забывайте, у нас — Схема Полной Занятости, и подобные задачи должны выполняться еженощно сменными механиками. Вообще-то я, конечно, осознавал, что стрелка топливного расходомера показывала «пусто», еще когда выводил фургон, но поскольку она говорила мне то же самое всю предыдущую неделю, я предположил, что прибор барахлит, и перестал обращать внимание. Сегодня, однако, она говорила не просто «пусто»; она говорила «очень пусто». Тяжко вздохнув, двигатель умер, а

я остановился на обочине.

Я вылез из кабины и оглядел то место, где невольно предпочел остановиться. Блистательно! Сколько хватает глаз — ни одного кафе! Ни одного газетного киоска! Ни единой библиотеки! Даже парка с удобной скамеечкой и утиным прудом поблизости нет! Короче, негде провести время, пока меня будут спасать, вообще. Меня окружали промышленные корпуса — все удаленные от дороги и за уродливыми оградами. Вздохнув, я принялся за поиски телефонной будки. На это потребовались некоторые усилия, но в конце концов она нашлась, и я полез во внутренний карман искать аварийный номер механиков. Через несколько секунд я разговаривал с Робом Маршаллом. Услышав, что у меня закончилось горючее, он тоже вздохнул.

— А ты где именно?

— В телефонной будке, — ответил я. — Тут говорится: проезд Дружбы.

— Ни разу не слыхал.

— Я тоже. Хотя мне кажется, я где-то довольно близко от Кольцевой. У тебя что, в этой твой конторе карты нет?

— Есть, конечно, — сказал он. — Ладно. Не отходи от фургона, мы приедем и тебя найдем.

Я побрел обратно, зная, что Роба увижу, по крайней мере, часа через два. Механики не могут бросить то, чем занимались, и пуститься на поиски заблудившихся транспортных средств, поэтому я смирился: придется сидеть в

кабине бес знает где и просто ждать. На самом деле, давно следовало понять, что я не туда заехал, — тут не ездило никаких «УниФуров». Мне уже давно на глаза ни один не попадался — верный признак того, что я зарулил в какую-то глушь. Однако, с другой стороны, нет худа без добра, ибо если б я сломался посреди какой-нибудь оживленной трассы, пришлось бы терпеть насмешки всех проезжавших водителей: эй, горючка кончилась.

Я устроился на откидном сиденье, закинув ноги на щиток и попытавшись расположиться как можно комфортнее. Затем оглядел спартанский интерьер кабины — огромное рулевое колесо, ручной тормоз, комплект простых контрольных приборов, чью конфигурацию я так хорошо изучил.

Сразу над лобовым стеклом черным значились габариты транспортного средства:

ВЫСОТА 10' 2"

ШИРИНА 8' О''
ДЛИНА 19' 6''

Я посмотрел на эти цифры, как смотрел на них уже множество раз. Я посмотрел в ветровое стекло на фабричные корпуса и поискал признаков жизни. И посмотрел в зеркальце заднего вида. К моему удивлению, сзади стоял человек. В какой-то миг я подумал, что Робу Маршаллу как-то удалось подъехать, не поднимая лишнего шума, но тут же отказался от этой мысли, едва увидел одежду пришельца. Человек был не в робе механика, а в выцветшем костюме, похоже, на размер меньше, чем нужно. Кроме того, в руках он держал что-то вроде магазинного пакета с длинными ручками, а когда поставил его и извлек откуда-то блокнот и карандаш, я сразу понял, что на меня нацелился энтузиаст. Откуда он возник, я не имел понятия, ибо по пути к телефонной будке никаких пешеходов не наблюдал. Вероятно, решил я, выскочил из ближайшего здания. Надеясь, что он подумает, будто я сплю, я продолжал сидеть совершенно неподвижно, полузакрыв глаза, однако наблюдая, как он изучает мое транспортное средство. По счастью, энтузиастов этих больше интересовали сами «УниФуры», нежели те, кто их водит, поэтому я счел маловероятным, что он

станет меня доставать. И впрямь: он по-хозяйски обошел весь фургон, записывая в книжечку разнообразные наблюдения, а потом извлек камеру, чтобы сфотографировать. Из тишины своей кабины я смотрел, как увлеченно этот человек суетится, занимаясь своим хобби, и уже не в первый раз недоумевал, как вообще можно посвятить всю жизнь изучению «УниФура». В какойто момент человек посмотрел прямо на меня. Не успев быстро отвести взгляд, я решил что лучше всего — признать человека небрежным кивком. В ответ я получил такую жуткую ухмылку, которая лишь подтвердила мое стойкое убеждение: все эти энтузиасты — дурики.

В конце концов он отвалил, предположительно — на поиски очередного «УниФура», который можно будет записать в книжечку. А я откинулся на спинку, чтобы слегонца подремать. Чего уж тут жаловаться — платят за то, что спишь на работе, к тому же надо признать: откидное сиденье — довольно удобное. Дрых я сильно больше часа, а затем меня разбудил двойной гудок. В фургоне техобслуживания приехал Роб.

Не вполне проснувшись, я вылез поздороваться, ожидая, что сейчас он начнет меня распекать за то, что я не доложил о низком уровне горючего

в баке. А он вместо этого принялся извиняться за всех механиков: они, мол, и так с ног сбиваются, обслуживая «УниФуры», что работают в графике, а мою машину на эту неделю в график не поставили. Избежав таким образом вопроса «кто виноват?», мы обменялись парой нелицеприятных замечаний по поводу «начальства», и Роб открыл заднюю дверь своего фургона. Внутри стояло несколько канистр дизеля, которого мне бы хватило продержаться до конца дня. Я посмотрел, как Роб заливает мне бак, а через несколько минут уже можно было ехать. Неизбежно пришлось подписать накладную — Роб определил этот документ как неважный, но обязательный, — и я мог продолжать путь. Очень тщательно сверившись с картой, чтобы снова не заехать не туда, я сказал Робу «покедова» и двинул дальше.

Когда я, в конце концов, доехал до «Кружевного рая», было уже без двадцати три. В это время я обычно от них уезжал, но даже так у меня не было причин ожидать чего-либо иного, кроме обычного беззаботного и дружелюбного приема. А потому я был несколько даже ошарашен, когда Гарольд и остальные меня практически проигнорировали. Если не считать взгляда мимоходом в мою сторону, когда я въехал во двор,

все их внимание, похоже, было приковано к тому «УниФуру», что уже стоял у рампы. Он был маркирован буквами «ВГ», и пока трое складских деловито грузили в него несколько поддонов, экипаж стоял несколько поодаль и безмолвно наблюдал. Поднявшись по ступенькам, я не услышал дружеской трепотни, которую обычно связывал с общей атмосферой «Кружевного рая». Никаких карт, никаких кружек чая на столе и даже никаких признаков Джима, который обычно прибредал из своей мастерской под малейшим предлогом. Но даже так я все равно подошел к водителю и помощнику, чтобы навести хоть какой-нибудь мостик. Пока я подходил, они ровно рассматривали меня, но никакого приветствия не воспоследовало.

— Нормально? — сказал я.

— Нормально, — ответил один.

Второй слегка полуотвернулся, похоже, наблюдая, как Гарольд возится с ручной тележкой. Само по себе зрелище редкое. Обычно погрузку брал в свои руки Эрик, а Гарольд неизменно держал руки в карманах. Сегодня, однако, все делалось как-то сильно иначе.

— Славное тут депо, правда? — выдавил я.

Человек, наблюдавший за Гарольдом, теперь

повернулся и в изумлении уставился на меня:

— Славное?

— Ну да.

— Вы о чем это, а? Никуда не годится.

— Но тут так мило и дружелюбно.

Он покачал головой:

— Сколько вы уже в Схеме?

— Лет пять.

— Значит, это вас бесит.

— Почему?

— Потому что тут не добьешься ранней увольнительной! — рявкнул от в ответ. — Тут нет начальства, которое подписывает путевки!

— Нет, но…

— Никаких «но» тут тоже нет, — сказал его компаньон. — Это самое никудышнее депо во всем регионе.

Мне вообще-то не очень понравилось, куда клонится беседа, однако просто отойти от этой парочки я тоже не мог, поэтому сменил тему.

— Я-то сюда каждый день езжу из «Долгого плеса», — сказал я. — Контрольные рейсы, время засекаю.

— Зачем?

— Наша зона расширяется. С новыми графиками, маршрутами и все такое, поэтому сюда мы

будем ездить постоянно.

Парочка при этих словах громко расхохоталась.

— Ну что, — сказала один. — Значит, повезло.

К этому времени Гарольд с бригадой закончили погрузку и начали подметать рампу с дальнего конца. Действия эти побудили меня взглянуть на часы, и я вдруг понял, что уже больше трех!

— Ладно, — объявил я. — Пора ехать. Приятно было пообщаться.

— Угу, — бормотнули оба.

Спускаясь по ступенькам, я помахал остальным, но они, кажется, не заметили, поэтому я залез в кабину и отчалил.

Обстоятельства поездки в «Кружевной рай» оставили во мне странный осадок беспокойства. Мне вдруг показалось, что я оторвался от основного потока мнений работников Схемы. Меня же огорошили замечания этого экипажа из депо «ВГ», где бы оно ни находилось. Они так говорили, будто вольногулы — хмурая братия, заинтересованная лишь в том, чтоб им путевки быстрее подписывали. Однако стоило вспомнить Кита и Родни — закоренелых вольногулов. Я осознал, что нельзя клеить ярлык к целой группе на основе поведения меньшинства. Тем двоим поездочка в

«Кружевной рай» была бы праздником, а о ранних увольнительных они бы вспомнили только под конец дня. И все равно становилось ясно: позиции крепчают, — и я понимал, что блаженно не ведаю о ситуации целиком. Обо всем этом я размышлял по дороге в «Долгий плес». Движение стало напряженнее, и когда я наконец приехал, на часах уже было почти без четверти пять. Нигде никого не было, кроме Коллиса, который стоял у ворот, готовясь их запирать. (Сами охранники заканчивали работу в половине пятого.)

— Тебе что, домой не надо? — спросил он, когда я медленно проезжал мимо. Я даже отвечать ему не стал.

Все это задало тон моим оставшимся контрольным заездам. На следующее утро в «Кружевном раю» все опять вернулось на круги своя, и мы с остальными славно перекинулись за столом в картишки. Однако я сознавал, что новизна этих путешествий начала испаряться. По пути обратно я на Кольцевой опять встретил братьев Харпер, и снова мои приветственные подмигивания проигнорировали. Мне очень нужно вернуться к своим обязанностям, чтобы поговорить с Биллом как полагается. И тут, как бы в подтверждение, навстречу мне попался мой обычный фургон,

УФ55. Только вел его Джордж, а Джонатан сидел на откидном сиденье! Как Джорджу это удалось, понятия не имею, однако намерения его были вполне ясны. В наш график входил рейс между депо «Блэквелл» и «Раджуэй», а это означало проезд в аккурат перед «Пекарней Сандро». Джордж, очевидно, устал от того, что его постоянно кидают, и уболтал кого-то назначить его временно старшим экипажа. Его квалификации помощника водителя на это хватало (ну, почти), но для того, чтобы так на самом деле случилось, несколько правил обойти бы пришлось. Картинка эта: он за рулем нашего «УниФура», — только добавила к моему отчуждению.

Тем не менее последние несколько рейсов прошли довольно приятно, и, кажется, совсем немного погодя я уже сидел в кабинете Рэя Коппина с замерами времени.

— Нормально справился? — спросил он, пробегая глазами по столбикам цифр.

— Да, спасибо.

— Это хорошо. — Он открыл ящик стола и сунул туда лист с результатами. — Будет время, завезу их как-нибудь в «Веселый парк».

— А уже понятно, когда откроют новый маршрут? — поинтересовался я.

— У-у-у, пока нескоро, — ответил он. — Сначала вопрос надо будет рассмотреть.

— Э-э… а-а.

— На данный момент никаких изменений не предвидится.

Наутро я вернулся к своим привычным обязанностям по графику, с приходом на работу без десяти восемь. Думаю, Джордж был слегка разочарован, когда я снова принял на себя командование нашим транспортным средством, однако он вернулся на откидное сиденье почти безропотно. Маршрут у нас был треугольный, с заходами в «Веселый парк», «Блэквелл» и «Раджуэй», что для Джорджа оказалось идеально. Ему удалось разгрести завал тортиков, скопившихся за последние несколько дней, но каждый день появлялись все новые и новые. Сегодня нам следовало завести к Сандро четыре. Прибыв в «Блэквелл» к обеду, я с тревогой обнаружил, что Гослинг до сих пор отстранен. Я не решился даже спрашивать у Осгуда, что с ним станет, поскольку начальство о таких вещах никогда не распространяется, но среди персонала депо ходили разные слухи. Грин, например, сообщил мне, что «мистера» Гослинга очень не хватает и начальство «просчитается», если не восстановит его в

должности при первом же удобном случае. Мик Долстон до некоторой степени с ним согласился, но отметил, что Гослинг — не единственный начальник, который подписывал народу путевки с такой щедростью.

— Его место наверняка займут другие, — предположил он.

— Может, и так, — сказал Чарли. — Но другого такого уже не будет.

Лен Уокер тем временем с праведным негодованием сулил «то, что справедливо причитается» ранним вольно-гулам и их благодетелям. Лен, разумеется, первым озвучил тревогу по поводу того, насколько низко пала мораль Схемы, и теперь его, судя по всему, считали каким-то мудрецом — особенно полноденьщики. Джордж рассказал мне, как один раз, пока меня не было, Лен сидел на своем вильчатом погрузчике и проповедовал святость восьмичасового рабочего дня, а небольшая паства водителей и их помощников расположилась вокруг и внимала.

— Если хочешь знать, — заметил Джордж, — эти полноденьщики — фарисеи. Похоже, думают, что они одни тут работают.

— Ну ведь так и есть, разве нет? — сказал я.

— Да нет вообще-то, — ответил он. — Они мо-

гут так думать, но, говоря по правде, ранние вольногулы просто лучше распоряжаются своим временем.

— Так ты, значит, вольногул?

— Ничего я не он, — объявил Джордж. — Мне тортики интересно развозить.

Вот на этой ноте мы и отправились в «Раджуэй», по пути зарулив к Сандро. Джордж уволок обычную пирамиду коробок, а когда вернулся, мне показалось, что вид у него довольно прибитый.

— Что такое? — спросил я.

— Да ничего, — сказал он. — Вот только сегодня мне очень нужно вернуться в «Долгий плес» к четырем самое позднее. Там детский праздник, понимаешь. — И в порядке объяснения он показал мне коробку, которую только что забрал.

— Но ты не побеспокоился сообщить мне об этом раньше.

— Нет, — сказал Джордж. — То есть, да. Правильно.

— Ну что ж, тогда, наверное, можно попробовать получить увольнительную в «Раджуэе», — предположил я. — И уехать оттуда побыстрее.

Он вздохнул:

— Беда в том, что я уже наводил справки. Начальство там жмется и не хочет ничего подпи-

сывать после того, что случилось с Гослингом.

— И что ты предлагаешь?

— Мы разве не можем рискнуть и просто уехать пораньше?

— Ты шутишь.

— Да ладно тебе, — взмолился Джордж. — Всего разок.

Я задумался над его отчаянной просьбой. Что тут говорить: такого понятия, как «всего разок», для Джорджа не существовало, — но я подумал, что смогу найти нынешней проблеме решение.

— Я тебе так скажу, — сказал я. — Хорсфолл последние десять дней видел, как я возвращаюсь раньше. Он, может, вообще не заметит, если мы тихо проскользнем.

— А Коллис?

— Этот — вообще не вопрос.

Так мы и решили рискнуть. И вот опять, подумал я, из кожи вон лезу, чтобы удружить Джорджу, вернее — его подружке, а взамен получу какую-нибудь ответную услугу когда-нибудь потом. И все равно в Схеме так все и делалось, поэтому я пошел у него на поводу. На самом деле, до того, как нас поставили на этот маршрут, мы в депо «Раджуэй» были довольно давно, поэтому нас там не очень знали. А следовательно, все про-

шло на ура: мы уехали, как только нас загрузили, минут на пятнадцать раньше графика. Пока добрались до «Долгого плеса», я выиграл еще пять минут, просто давя на газ.

Я остановился у ворот.

— Давай, — сказал я Джорджу. — Отваливай.

— Не, нормально, — ответил Джордж. — Я заеду с тобой. Мне надо с Кеном Скэнлоном перетрещать.

— Как угодно.

Я заехал во двор как можно более индифферентно — в надежде, что нас никто не заметит. Какой-то миг казалось, что это весьма вероятно: мы не заметили ни тени Хорсфолла, Гослинга или другого обычного начальства. Однако надежды наши быстро потускнели, когда перед нами предстала личность в черной фуражке с высокой тульей, черной куртке и черной юбке чуть ниже колен.

— Ё-моё, — сказал Джордж. — Это же баба.

9

Ее внимания было никак не избежать. Мы оказались единственным транспортным средством во дворе, и в тот момент, когда мы появились, она бросила взгляд на свои часики. И холодно уставилась на нас, пока я задним ходом подавал фургон к рампе. Я поставил машину на ручник и остался сидеть в кабине, а женщина целеустремленно зашагала к нам. Сказать честно, ее неожиданное присутствие застало меня врасплох, Джорджа, я думаю, — тоже. Нет, видеть женщин в Схеме мы привыкли — многие работали в столовых и конторах. Мы даже слышали, что некоторые депо начали брать женщин водителями и помощниками водителей. Но никогда раньше никто из нас не видел женщину в форме начальника, и я понял сразу: ситуация потребует крайней осторожности.

— Не вмешивайся, — пробормотал я Джорджу. — Я сам.

Распахнув дверцу, я вылез из кабины ей навстречу. Она остановилась футах в шести от фургона и шелестела страницами графиков и

расписаний. Затем подняла голову.

— Добрый день. — Я метнул в нее лучшую свою улыбку. — Добро пожаловать в «Долгий плес».

— Спасибо, — ответила она. — Можно взглянуть на вашу путевку?

— Э-э… о, конечно. Пожалуйста.

Я вручил ей карточку, и она принялась со знанием дела ее разглядывать. Краем глаза я заметил, как из кабины выбрался Джордж и двинулся к мастерским. Под мышкой у него торчала коробка с тортиком.

— Что-то раньше я в наших краях вас не встречал, — сказал я, переходя на разговорный тон.

— Не встречали, — ответила начальница. — Меня перевели из «Королевского пруда».

— Временно, что ли?

— Постоянно.

— О.

Тут она перевела взгляд на Джорджа и глаза ее остановились непосредственно на коробке.

— Существенные компоненты, — на ходу объявил он в порядке разъяснения. Покрыл он примерно треть расстояния, когда женщина заговорила снова — отчетливо и резко:

— Стойте.

Джордж остановился.

— Вернитесь.

Он протащился назад и встал перед ней.

— Какого рода «существенные компоненты»?

— Ну, — ответил Джордж. — Разные.

— Вот как? — сказала она. — Что ж, давайте посмотрим.

У Джорджа от лица отхлынула кровь. Он уже занес руку над крышкой…

— Это мне?! — раздался голос из ворот мастерской. Там стоял Кен Скэнлон.

— Может, и вам! — крикнул в ответ Джордж.

— Так давай сюда! Что мне тебя — весь день ждать?

Начальница смерила Джорджа подозрительным

взглядом, а он пожал плечами и возобновил шествие через весь двор. После чего взгляд женщины переместился на Кена, который быстренько скользнул внутрь, и наконец упокоился на мне.

Я снова улыбнулся.

— На такой работе вы, наверное, много интересных людей встречаете, правда?

— Пока не очень, — ответила она. — Но, полагаю, возможность всегда есть.

И в неловком молчании, которое вслед за этим

повисло меж нами, она вновь уставилась на мою путевку.

— Сколько вы уже в Схеме? — наконец спросила она.

— Лет пять.

— Ну что, — сказала она, протягивая мне карточку. — Уже можно и понимать, что в депо не стоит возвращаться рано без подписи.

И, к моему изумлению, тему дальше развивать не стала.

Часы тем временем дотикали до четырех пятнадцати, и в воротах стали робко показываться первые фургоны. Еще раз глянув на часики, новая начальница коротко мне кивнула и принялась отмечать возвращение прочих транспортных средств. Я заметил, как из глубин мастерской через другую дверь вынырнул Джордж, по-прежнему с тортиком, и тут же куда-то сгинул. Во двор вкатился третий «УниФур» и направился прямиком к автомойке. Вел его Билл Харпер, а Ричард сидел рядом на откидном сиденье.

Вот он, мой шанс примириться с Биллом — поэтому, заперев кабину и избавившись от ключей, я побрел к нему. Его фургон стоял уже в самой середине моечной машины, но ни Билл, ни Ричард из кабины почему-то не вылезали. Сидели вместо

этого внутри, и я, подойдя поближе, разглядел, что они о чем-то горячо дискутируют. Я притормозил как вкопанный и стал смотреть, как они машут друг на друга руками. Из кабины глухо пробивались возбужденные голоса. Потом Билл вдруг ни с того ни с сего распахнул дверцу, выскочил наружу и захлопнул ее за собой. Я окликнул его по имени, когда он целеустремленно шагал к погрузочной рампе, но он меня совершенно проигнорировал.

— Билл! — попробовал я еще раз. — Билл!

Но без толку. Он тут же поднялся по ступенькам и скрылся в депо, а я остался недоумевать, о чем они могли спорить. За всей этой сценой также наблюдал Рон Кёртин, новенький, чье транспортное средство ожидало своей очереди на помывку. Заметив мое ошеломление, он вылез из кабины и подошел.

— Похоже, Билл со мной не разговаривает, — заметил я.

— Он ни с кем не разговаривает, — сказал Рон. — Только все время с Ричардом собачится.

— О чем?

— Ну, скажем так, идеологические разногласия.

Мы посмотрели, как Ричард вылез из кабины,

включил технику и отошел. Завращались огромные щетки. Через пару секунд весь «УниФур» был омыт пеной.

— Разногласия? — повторил я. — Они же оба вроде бы полноденьщики.

— Еще бы, — ответил Рон. — Но Билл настаивает на своих законных десяти минутах, а Ричард хочет от них отказаться. И так они грызутся уже много дней.

— Вот как?

— Как пара наседок. Ты б и сам увидел, если бы ходил в столовую почаще, а не проводил все обеды с фургоном.

— Это кто их проводит?

— Ты.

— Там же такой гам стоит, — возмутился я. — Иногда себя не слышишь!

Рон покачал головой:

— Передо мной только не надо оправдываться. Я лишь хочу сказать, что там происходят жизненно важные дебаты, а ты их все пропускаешь.

— О, ну да, — сказал я. — Я не знал.

— Может, тебе пора немножко больше поучаствовать.

— Ага… может.

Шли минуты, все больше «УниФуров» въезжа-

ло во двор и парковалось на ночь. Вскоре к нам присоединился Брайан Тови: его обычное благодушие на физиономии сменилось выражением крайнего раздражения.

— Еще один день без увольнительной, — вздохнул он.

— Сочувствия ты здесь не дождешься, — сказал Рон. Такой довольно резкий выпад меня удивил, но еще

больше я изумился, когда Брайан в ответ рявкнул:

— А ты не переживай, дружище, я и не жду! После чего отвернулся и ушел.

— Святын боже, — сказал я, когда он удалился. — Грубовато, нет?

— Вообще-то нет, — сказал Рон. — По правде говоря, эти вольногулы у меня уже вот где.

Звякнув ключами, он шагнул к своему «УниФуру», чтобы запереть кабину. И тут я заметил на его дверце рисунок желтым карандашом: восьмерка, вписанная в квадрат.

— А я думал, уж ты-то останешься нейтральным.

— Нейтралитет — не вариант, — ответил он. — В наше время ты либо полноденьщик, либо вольногул. Больше ничего быть не может.

Новую начальницу, судя по всему, звали Джойс. Информацию эту я получил на следующее утро от Коллиса, который наблюдал за нашей беседой из окна конторы. Пока меня грузили, он подошел ко мне на рампе и поделился мнением.

— С нее глаз не спускай, — сообщил он. — Очень амбициозная.

— Я так и думал.

— Только взглянет — сразу штраф.

— Ну, вчера, вроде, ничего была, — сказал я. — Твердая, но справедливая, типа того.

— Ох, да она всегда в первый раз мягко стелет, — сказал Коллис. — Пока примеривается.

Тут на дальнем конце рампы появилась и сама Джойс — вынырнула между штабелей ящиков. От такого внезапного явления Коллис моментально раскрыл книжку с графиками и зашелестел страницами. Потом взглянул на часы.

— Давай, — приказал он не допускающим возражений тоном. — Тебе уже давно пора загрузиться и выехать.

— Ладно, ладно, — ответил я. — Все путем. За погрузку сегодня Джордж отвечает.

— Тогда нормально, — сказал он, понизив голос. — Но шевелись резвее, а то она тебе на хвост сядет,

С таким напутствием он удалился под прикрытие своей конторы, забыв, вне всякого сомнения, что Джойс, если пожелает, может настичь его там в любой момент. Хотя пока, судя по виду, ее вполне удовлетворяло надзирать за общей деятельностью на рампе. Она гуляючи переходила от фургона к фургону, кивая складским рабочим и водителям, которые, завидев ее, начинали горбиться на своих рабочих местах. Джордж, я заметил, активно изображал подмогу Крису Пичменту: тот грузил наше транспортное средство какими-то уж очень огромными ящиками. (А огромными они были потому, что наш сегодняшний груз составляли боковые панели «УниФуров».) Джойс на минуту задержалась, следя, как вдвоем они выводят вильчатый погрузчик на позицию, затем глубокомысленно заглянула во внутренности депо. Вид у нее был хозяйский — похоже, она оценивала кубатуру здания.

— Изумительно, правда? — сказал я, подойдя к Джойс. — Сколько всего можно впихнуть под одну крышу.

— Что-то я не заметила особого впихивания, — ответила она. — Большую часть недели склад стоит полупустой.

— Да, но уаобно иметь под рукой все это неза-

полненное пространство.

— Я бы не сказала «удобно». Скорее расточительно. Я уверена, что все это пространство могло бы послужить гораздо лучшим целям.

— В смысле эргономики?

— Нет, — сказала Джойс. — В смысле пользы.

Не в состоянии ухватить точную суть того, что она высказала, я решил: лучший ход — сменить тему.

— Я тут шел чаю выпить до отъезда. Вам взять?

— Нет, спасибо, — сказала она. — Я не пью чай. Кофе тоже не пью.

— Как же вы тогда время убиваете?

— Вообще-то легко. Например, проверяю, соответствующую ли форму носит персонал.

— А.

— Вы разве не получали новый комплект рубашек в этом году?

— Получал, но предпочитаю старые. В них удобнее.

— Удобство тут ни при чем, — сказала Джойс. — Вы ежегодно получаете новые, чтобы Галантерейному Отделу было чем заниматься. Я бы решила, что человеку с вашим интеллектом это должно быть понятно.

Я не смог определить, комплимент или оскорбление подразумевались ее последним замечанием. К счастью, от мук дальнейшей беседы меня избавил громкий лязг: Джордж захлопнул дверь фургона. Это послужило сигналом к нашему отправлению, поэтому я просто пообещал Джойс, что завтра надену новую форменную рубашку, перешел через дорогу, взял нам чай и принес его своему помощнику на рампу.

— Я вас видел, — сказал он. — Ты за ней ухлестываешь или как?

— Еще чего, — ответил я. — Мы просто разговаривали, вот и все. Вообще-то она высказывает интересные точки зрения.

— Только не забывай, что в конечном итоге она все-таки — начальство.

— Не забуду, — заверил его я. — Уж этого я не забуду.

Мы посмотрели, как Джойс в своих практичных черных туфлях идет к конторе. После чего забрались в кабину и направились сначала в «Веселый парк», затем в «Блэк-велл» и наконец — в «Раджуэй». Как я уже говорил, мы довольно долго в это депо ездили очень нерегулярно — просто потому, что так составлялись графики. И поэтому хорошо знали там всего одного человека

— складского рабочего по имени Редж Пиппетт, ярого раннего вольногула, если ярые вольногулы вообще возможны. Пока из нашего фургона выгружали ящики, Редж жаловался на дефицит подписей в последнее время.

— Куда же подевались все наши ранние увольнительные? — вопрошал он. — Исчезли без следа.

— Точно, — согласился я. — Похоже, они как-то вдруг вышли из моды.

— Эх-ма, надеюсь, снова войдут, — ухмыльнулся он. — Только они меня и поддерживали.

Разговор с Реджем оказался живительным: мужик вовсе не сочился мраком и мороком, с которыми я в последнее время все чаще сталкивался. Вместо этого он, казалось, смирился с тем, что наступление крантов — неизбежная реальность, достойная лишь безропотного пожатия плечами. Когда я спросил, что он думает о полноденьщиках, он ответил, что воспринимает их как шутку, а вовсе не как угрозу. Это правда, сказал Редж, они — самонадеянные ханжи, но вообще-то довольно безобидны и он уверен, что славные деньки возвратятся очень скоро. В четыре часа мы с Джорджем возобновили свое путешествие, и слова Реджа по-прежнему звучали у нас в ушах.

Однако звучность их поубавилась, едва мы заехали под железнодорожный мост на разъезде «Пять углов».

— Ты погляди, — сказал Джордж, всматриваясь из кабины куда-то вверх.

Я подумал было, что он только заметил гигантскую восьмерку, которую я увидел еще неделю назад. Однако, посмотрев сам, я понял: ее совершенно закрасили. Теперь на ее месте красовалась огромная буква «Г» с длинным закрученным хвостиком.

— Где мы это раньше видели?

— Это подпись Гослинга, — ответил я. — Вольногулы, должно быть, взяли ее эмблемой своей кампании.

— Что, серьезно?

— О, думаю, что да. Очень и очень серьезно. Умеренных воззрений Реджа Пиппетта некоторые его

соратники явно не разделяли, но стоило признать: кто бы ни забрался на такую верхотуру, поработал он на совесть. Стилизованная буква «Г» была точной копией подписи, которую все мы отлично знали. Ну а кроме того, смотрелась она гораздо более лихо, нежели вялая восьмерка полноденьщиков, в сравнении довольно пури-

танская на вид. И разумеется, едва до нас дошел смысл нового трюка, мы стали подмечать его повсюду. Заметнее всего выглядел он на бортах «УниФуров». К концу дня мы насчитали более полудюжины примеров, все выполнены в том же вездесущем желтом карандаше.

За следующие несколько дней эмблемы-соперницы стали таким привычным зрелищем, что наше с Джорджем транспортное средство благодаря их отсутствию выглядело подозрительно. В полном одиночестве мы не остались — вокруг были и другие немаркированные фургоны, но всякий раз выезжая на Кольцевую, мы чувствовали себя членами какого-то вымирающего племени. Я предположил, что именно поэтому, когда мы проезжали под караулкой в «Веселый парк», Джон Джоунз смерил меня долгим взглядом. Я бодро помахал ему, как обычно, не получил ответа и направил машину к рампе. Через минуту мы уже припарковались, ожидая, что кто-нибудь придет и разгрузит нас. Мы рассчитывали на обычную задержку, но, к нашему удивлению, Билли Баркер возник почти сразу, полностью экипированный вильчатым погрузчиком. Наш ежедневный груз он извлек из фургона очень быстро (по его меркам), и лишь после этого донес

до нас «важные новости».

— Завтра в обед мы проводим массовый митинг, — объявил он. — В свете нынешних трудностей.

— Мы тоже приглашены? — осведомился Джордж.

— Естественно, — сказал Билли. — Народу соберется прилично. Выступить перед собравшимися с приветственным словом мы позвали Леса Прентиса.

То, как он произнес это имя — «Лес Прентис», — предполагало, что я должен был о нем слышать, но я о нем не слышал ничего. Сомнений, однако, не оставалось, что сам Билли — вольногул, поэтому я допустил, что оратор тоже будет из этого братства.

— Ладно, — пообещал я. — Будем.

— Рад слышать, — ответил он. — Нам в наших рядах приверженцы не помешают.

— Вон Доусон, — сказал Джордж, бросив взгляд в сторону конторы.

— Точно, — сказал Билли. — До завтра.

Он стремительно развернулся и покинул нас. И тут же к нам подскочил Доусон. У него на уме была совершенно другая повестка дня.

— Хорошо, что я вас поймал, — сказал он. — Вы

ведь как-то на неделе привозили сюда тележку с поддоном, так?

— Ну, не я лично, — ответил я. — Меня тогда подменяли.

— Мне и так сойдет. Вы можете ее у нас забрать?

— Но я так понял, вы тут просто плачете без ручной тележки.

— Мы и плакали.

— Так что с ней не так?

— Ничего, — вздохнул Доусон. — Мы хотели тележку, потому что слышали, будто территорию будет осматривать Скэпенс. Ты ведь о нем слыхал, правда?

— Ну, — ответил я. — Старшая Золотая Кокарда, точно?

— Точно. Высшая лига и весьма крепкий орешек.

— Что, хуже Несбитта?

— О, еще как хуже. И когда мы узнали, что нам не хватает ручной тележки, началась тотальная паника. Обзвонили все депо в поисках запасной, но скоординировали все неправильно.

— И что случилось?

— Слишком много привезли, вот что. Когда Скэпенс проводил свою инспекцию, он обнаружил

три ручных тележки, разбросанных по всей территории. И в отчете написал, что оборудование распределено неравномерно, и теперь суть в том, что вы должны увезти ее обратно.

— Куда?

— Куда угодно, — сказал Доусон. — Главное — подальше отсюда.

Он отскочил от нас, домаршировал до угла и вернулся, толкая перед собой ручную тележку с поддоном. Ту, с погнутой рукояткой. Мы загрузили ее в глубину фургона и принайтовили к стенке. Затем Доусон вручил мне накладную, которую я подписал тремя неделями ранее, и оставил нас в покое.

— Мы как Старый Мореход, — заметил Джордж, пока мы готовились к отъезду. — Обречены вечно возить за собой эту тележку.

Пока все это происходило, в ворота «Веселого парка» въезжали и выезжали все новые и новые «УниФуры». Лихорадочная предобеденная деятельность выманила из караулки даже Джона Джоунза, и теперь он бездвижно стоял на верхушке лестницы, озирая под собой весь двор. При хорошей погоде это была любимая позиция Джона. Как обычно, руки его покоились на перилах, и похоже было, что он ни на что в особенности

не смотрит. Но когда мы уже направились к воротам, я заметил, как он поднял один палец — чуть-чуть. После чего сунул руки в карманы и снова зашел внутрь.

— Здрасьте, — сказал я. — Меня зачем-то хочет видеть Джон.

Я остановил фургон, вышел и поднялся по ступенькам. Джон уже сидел на краешке стола и пялился в линолеум.

— На пару слов в твою ушную раковину, — сказал он. — Закрой-ка дверь, будь добр?

10

Мир, который Джон Джоунз занимал тут, в вышине над грузовым двором, был довольно отдельным, но у него были свои преимущества. Под рукой у Джона имелось все необходимое для ежедневной службы: чайник, тостер и заварник, а также недурной ассортимент периодических изданий. Караулка была сооружением воздушным — как сигнальная будка, только без всяких рукояток. Из окон Джону открывался не только обзор территории депо, но и вид на лиственный парк по одну сторону и стадион по другую. Свет, заливавший караулку летом, был так ярок, что Джон легко мог бы выращивать там помидоры или даже орхидеи, если б захотел, хотя по каким-то внутренним соображениям он предпочитал этого не делать. Джон Джоунз вел здесь мирное существование, его не беспокоили случайные посетители, и, насколько я знал, он никому не подчинялся. Работа охранника заключалась в слежении за тем, чтобы в ворота депо въезжали только «УниФуры», а потому предполагала определенную степень автономности. Но несмотря

на явную свою удаленность от мира, Джон всегда первым узнавал новости или циркулирующие по Схеме слухи. Отчасти — благодаря внутренней телефонной сети, которая связывала его непосредственно со всеми остальными караулками Схемы. Обычное зрелище: Джон стоит у окна с трубкой возле уха, впитывает последнюю информацию. Кроме того, слухи он полу-

чал из первых рук, приглашая избранных в свои владения. Сигналом такого приглашения был незаметно поднятый палец, который я и увидел чуть раньше. За приглашением обычно следовала короткая беседа, в ходе которой Джон узнавал много, а выдавал мало. Когда я взошел к нему по ступенькам, я ожидал, что наша встреча примет ту же самую форму, а потому удивился, выяснив, что главная цель моего визита — чтобы Джон рассказал что-то мне.

— Это про нашего друга мистера Гослинга, — объявил он.

— О, вот как?

— В определенных кругах я слышал, что к его недавнему падению привела именно твоя путевка.

— Ну, да, — ответил я. — Только я тут не виноват. Несбитт в нее вцепился и увидел на ней все

эти подписи.

— Я так и слышал.

— Стало быть, проблема?

— Если мы будем осторожны — нет.

Джон сделал шаг к окну и выглянул наружу. Внизу, во дворе у фургонов собирались кучки людей, обсуждали текущие дела.

— Наш друг мистер Гослинг, — продолжал Джон, — похоже, так или иначе поднял в рядах некую бучу. Ты наверняка слышал разговоры. Некоторые рассматривают его как необычайно щедрого благодетеля, в то время как другие считают его агентом праздности. У меня такое чувство, что очень скоро все это взорвется, и если вышеупомянутая путевка выйдет на свет, люди могут сделать неправильные выводы.

— Ёшкин дрын, — сказал я. — Об этом я не подумал.

— А следовало, — сказал Джон, поворачиваясь наконец ко мне. — Ты можешь оказаться в самом эпицентре заварушки.

— Да.

Он понизил голос.

— К счастью, вышеупомянутая путевка, похоже, исчезла, поэтому письменных свидетельств не осталось.

— Приятно слышать.

— Тебе может оказаться полезным заглянуть за бухту пожарного шланга в «Долгом плесе», если ты понимаешь мой намек.

— Ага, здорово, — сказал я. — Спасибо, Джон. Буду тебе обязан.

— С моим удовольствием, — ответил он. — Может, попросишь нашего друга Джорджа как-нибудь подбросить тортик.

— Конечно. А-а… есть представление, что станет с Гослингом?

Едва вопрос сорвался с языка, я понял, что задавать его не следовало. Джон глубоко вздохнул и покачал головой.

— Не спрашивай у меня такие вещи, — сказал он. — Моя работа этого не стоит.

И в следующую секунду меня уже провожали к двери. Я снова поблагодарил Джона за совет, и он ответил, чтобы я не придавал значения. Пока он усаживался в кресло на колесиках, я уже спустился по лестнице к Джорджу.

— В чем там дело? — поинтересовался он, когда я забрался в кабину.

— Не спрашивай, — ответил я. — Просто завези ему как-нибудь свой тортик, хорошо?

— Ну ладно.

К счастью, Джордж был не из любопытных и тему развивать не стал. По вопросу о тортиках главной его заботой было подстроить свои завтрашние обязательства под массовый митинг в «Веселом парке». Жизнь его была сплошной логистической головоломкой, и приспосабливаться к ней приходилось ежедневно. И теперь, пока мы ехали дальше, он расположился на откидном сиденье с блокнотом и карандашом и вырабатывал оптимальное решение.

— Думаю, нам следующие день-другой придется пропускать Сандро, — наконец объявил он. — Распределим нагрузку так, чтобы новый завал не создавать. Когда будем в «Блэквуде», я поговорю с Осгудом и спрошу, не придержит ли он у себя пару коробок на ночь. О, и кстати — надо бы связаться с Питом Гиггсом, выяснить, на какой маршрут его потом поставят…

И так далее. Джордж в Схеме был всего два года, но за это время умудрился построить систему внутри системы, целую структуру, и единственной ее задачей была развозка тортиков. Я частенько недоумевал, почему он не пошел в бизнес, а вместо этого целыми днями катается со мной.

Вернувшись под вечер в «Долгий плес», я

спросил у Хорсфолла, что мне делать с ручной тележкой, которую нам пришлось в тот день забрать.

— Не спрашивай меня, — любезно ответил он.

— Можно ее тут оставить?

— Нет, не можно. У нас одна уже есть. Откуда она вообще взялась?

— Из «Ватного города»

— Ну так и отвези ее туда.

— Но мы еще несколько недель туда ездить не будем, — сказал я. — У нас только что новый маршрут начался.

— Значит, оставь ее пока в фургоне, — предложил он. — Она же тебе не мешает, правда?

— Да, наверное, нет.

— Ну и вот. Проблема решена.

С удовлетворением на лице Хорсфолл прошагал к конторе и принялся запирать ее на ночь. За те несколько минут, что мы с ним разговаривали, большинство остального конторского персонала уже отметилось на проходной. Джордж ушел, и вокруг практически никого не осталось. Я еще немного послонялся по рампе. Затем, убедившись, что я совсем один, подошел к пожарному шлангу и заглянул за него. Между бухтой и стеной была всунута моя путевка. Я ее вытащил, окинул

взглядом несметное число подписей и разорвал ее в мелкие клочки.

Схема ни разу не наблюдала массового митинга просто потому, что в таковом не возникало нужды. Ни разу в ее истории не всплывало повода для недовольства: нам хорошо платили, рыночные колебания нас не касались, а сама работа была верняком. Мы должны водить фургоны между точками А, Б и В, а найм нам гарантирован. Так продолжалось почти три десятилетия — и ни слова жалобы. Теперь, однако, вспыхнуло недовольство, и мне было интересно, чем все разрешится.

Подъезжая к «Веселому парку» на следующий день, мы первым делом увидели большое количество «УниФуров», выстроившихся на подъездной дороге. Их запарковали впритык на обочине, и у большинства имелись эмблемы — буква Г. Еще больше загнали во двор, хотя место у рампы оставили — якобы для того, чтобы можно было обрабатывать машины, приезжающие по графику. Я сдал задним ходом и выключил двигатель, поразившись тому, сколько народу собралось вокруг. Мы немного подождали — вдруг нас кто-нибудь захочет разгрузить, — но минуты шли, и разгрузка казалась все более невероятной,

поэтому в конце концов мы сдались и влились в толпу. Все, казалось, перемещаются к некой точке в дальнем конце двора, где на каком-то возвышении я заметил Билли Баркера. Рядом с ним стоял человек, которого я раньше никогда не видел. Вообще-то я узнал примерно треть присутствующих — тех, кто работал в депо, которые мы навешали регулярно. Остальные, предположил я, собрались из разных концов региона, и я вынужден был признать: сборище производило впечатление.

— Это все вольногулы? — спросил Джордж, пока мы пробирались через толпу.

— Наверное, — ответил я. — Эй, похоже, начинают. Теперь мы увидели, что платформой Билли Баркеру

служил большой пустой ящик. Билли стоял на нем и разговаривал со своим компаньоном, кивая и, очевидно, в чем-то с ним соглашаясь. Затем ему протянули мегафон. Все в предвкушении зашевелились, и наступила почтительная тишина.

— Ну что, народ, — начал Билли голосом громким, но искаженным. — Спасибо, что пришли. Я думаю, вы все знаете, насколько важен этот вопрос и почему нам необходимо выступить.

Публика одобрительно забормотала, что, в

свою очередь, подстегнуло уверенность Билли, и он перестал орать в мегафон. Искажения существенно снизились.

— В самом начале кампании мы решили провести общее собрание и пригласить на него тех, кто способен внятно высказать нашу озабоченность. Поставить ее, так сказать, в перспективу. Я уверен, все вы согласитесь, что лучшая кандидатура тут — Лес Прентис. Лес сейчас поделится с нами парой-другой мыслей и, я надеюсь, укажет нам верное направление. Сегодня он специально приехал к нам из «Королевского пруда», и ему нужно вернуться туда после обеда в срок, поэтому без дальнейших проволочек давайте вместе со мной поприветствуем Леса Прентиса! Аплодисменты, пожалуйста! Лес.

Когда Билли передавал мегафон второму человеку, в толпе поднялся восторженный рев. Билли сошел с трибуны. Быстро оглядевшись, я понял, что сборище за последние несколько минут несколько выросло — в толпу все время кто-нибудь вливался. Кроме того, я заметил, как из уединенности своей караулки за происходящим наблюдает Джон Джоунз. Однако никаких признаков начальства или прочих официальных лиц Схемы не наблюдалось. Они явно решили

особо не высовываться.

Всеобщее внимание теперь было приковано к Лесу Прентису, который держался весьма раскованно. Я не заметил у него в руках никаких шпаргалок, но довольно скоро стало ясно, что выступать перед публикой он привык.

— Восемь часов, — сказал он, обращаясь к пространству у нас над головами. — Вроде бы не очень много, правда? — Он изумленно умолк, как бы рассматривая эту простую мысль. Затем продолжил: — О нет, восемь часов — это вроде бы вообще ничего. Если только не понимать, что это треть суток. Да, друзья мои, треть жизни вы проводите за баранкой «УниФура» или на насесте вильчатого погрузчика.

До публики дошло, и по толпе растекся стон узнавания, а я мгновенно понял, что Лес вниманием публики овладел.

— Подумайте об этом, — говорил он. — Ожидается, что мы должны вставать с постели в семь утра, чтобы вовремя прибыть на работу, а это значит, что в зимние месяцы приходится вставать в темноте. И когда мы добираемся вечером домой, тоже почти темнеет! Мы трудимся с рассвета до заката! Какая еще отрасль промышленности требует такого от лояльной рабочей силы? Какая

еще отрасль промышленности заставляет людей, будто белок в колесе, наматывать один круг за другим восемь часов подряд? Только наша славная Схема могла придумать что-то подобное! Только наша славная, славная Схема!

Лес сделал еще одну паузу.

— Не то чтобы кто-то когда-то жаловался, конечно. Кто угодно, включая нас, знает, что мы должны выполнять разумную дневную работу за разумную дневную плату. Но вот ключевое слово, так? Разумная. Мы разумные люди, мы по большей части ходим на работу неделю за неделей и безропотно трубим свои восемь часов. А взамен хотим всего лишь редкого проблеска золота в мякине; время от времени поваляться на травке. Друзья мои, позвольте вам сказать: мы не требуем себе легкой жизни; мы даже не против принципа полного рабочего дня. Нам просто хочется справедливости. Заветная подпись в самом низу путевки может превратить безжалостную пахоту в приятную экскурсию, однако в последнее время такая закорюка совершенно определенно стала редкостью! Никто не может отрицать, что за последние несколько недель частота ранних увольнительных во много раз сократилась. Мы стали свидетелями постепенной эрозии наших

установленных обычаев и практик. И если мы будем и далее терпеть этот процесс, сколько времени пройдет до того, как призрак обязательной переработки поднимет свою голову?!

Рев согласия, раздавшийся, когда Лес произнес эти слова, был таков, что я подумал: вот сейчас он снесет оратора с трибуны и повлечет за собой. Однако Лес поднял руку, требуя тишины, и заговорил снова:

— Лед, по которому мы сейчас ступаем, тоньше, чем кажется. Мы должны высказать все наши сомнения, пока не поздно, и перед нами открывается несколько возможностей. Для начала, вероятно, следует принять стратегию «торопись медленно».

— Ну, никто не может торопиться медленнее тебя, Лес!

Добродушная подначка, прилетевшая откуда-то справа от меня, вызвала смешки, и сам Лес широко ухмыльнулся. Однако едва он попытался продолжить, его перебили вновь:

— Где же мистер Гослинг, когда он вам так нужен?! Такая нарочитая насмешка могла поступить только от полноденьщика, и я покрутил головой, пробуя опознать говоруна. Реплика очевидно задела некоторых в толпе, и они возвысили

голоса протеста, но тут закричал кто-то еще:

— Хотим восемь! — снова и снова. Клич быстро подхватили еще несколько человек, голоса принялись скандировать в унисон, и я понял, что на митинг пробрался неприятель. Хор становился все громче, хотя ранние вольногулы изо всех сил старались заглушить их криками и свистом.

— Можете сколько угодно орать! — объявил высокий

голос за моей спиной. — Скоро осипнете!

Обернувшись, я увидел Мартина из «Кружевного рая».

— Привет, Мартин! — сказал я, пытаясь перекричать толпу. — А ты что тут делаешь?

— Ну, я подумал, стоит прийти и посмотреть, о чем толкуют.

Я быстро познакомил его с Джорджем, которого развитие событий, похоже, нисколько не колыхало. После чего Мартин рассказал, что полноденьщики прерывали и другие подобные встречи, на которых он бывал раньше.

— Хуже всего экстремисты, — сказал он. — Отказались от своих законных десяти минут и теперь считают, что все должны поступить так же. В депо «Верховье» вызвали прямо-таки скандал.

— Ёшкин дрын, — сказал я. — А ты хорошо информирован.

— Иначе никак, правда? Смотри, что в последнее время творится.

— А ты сам за кого?

— Ни за кого, — ответил Мартин. — Я строго нейтральный наблюдатель.

Разговор наш дальше не пошел, поскольку в этот момент во двор вкатился «УниФур» и начал довольно упорно проталкиваться по периметру сквозь толпу. Над ним трепетал огромный флаг, украшенный восьмеркой в квадрате, а водитель жал на клаксон, чтобы люди уступали дорогу. Затем он стал настойчиво пробиваться задним ходом к рампе, а там из кабины уже вылез помощник, откатил заднюю дверь и стал ждать, когда разгрузят. Я посмотрел на часы. Полвторого. Как по команде, со стороны главной конторы подошла пара начальников. Вскоре собрание разошлось, и все вольногулы медленно откочевали по своим рабочим местам. Мы слышали, как они жалуются друг другу на неслыханную наглость полноденьщиков. Десяток или около того провокаторов ускользнули в неразберихе, вызванной появлением негодяйского «УниФура», и теперь Билли Баркер, Лес Прентис и их помощ-

ники стояли кучкой и проводили разбор полетов. Невозможно было определить, удался митинг вообще или нет. Это правда — Лес талантливый оратор и ему удалось довести до слушателей основные моменты, но помимо этого исход мероприятия оставался неубедительным.

Когда мы с Джорджем медленно шли к нашему транспортному средству, у нас оставалась лишь одна абсолютная убежденность: Схема Полной Занятости — на краю схизмы.

11

В пятницу утром на ветровом стекле УФ55 я обнаружил записку. От Джорджа — он просил меня забрать из механической мастерской оставшиеся тортики и подобрать его самого за воротами депо. В жизни кое-что никогда не меняется. Я оставил Криса Пичмента грузить фургон, а сам отправился к Робу Маршаллу.

— Я был бы рад никогда их больше не видеть, — сказал он, заводя меня внутрь. — Мы этим верстаком уже не помню когда пользовались.

Обсуждаемый верстак был завален примерно пятнадцатью коробками с тортиками, и начав их разгребать, мы обнаружили под коробками несколько бумажек. Неиспользованные бланки графиков, рапорты о повреждениях при столкновениях и заказы на запчасти для транспортных средств. А кроме того — меморандум для служебного пользования. Напечатан он был красными буквами и гласил:

ИЗВЕЩЕНИЕ ДЛЯ МЕХАНИКОВ ДЕПО «ДОЛГИЙ ПЛЕС»

ПРОСЬБА ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ ЧТО ВЕСОВОЙ ТЕСТ В ЭТОМ ГОДУ БУДЕТ ПРОВОДИТЬСЯ НА ВЕСОВОМ МОСТИКЕ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕПО «ДОЛГИЙ ПЛЕС» 1 ИЮНЯ В 11.00 ПРОСЬБА ПРЕДОСТАВИТЬ К ДАННОМУ СРОКУ ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО

ПОДПИСЬ Ч.Д. СКЭПЕНС ОТДЕЛ РУКОВОДСТВА

Роб взглянул на меморандум.

— А, ну да, — сказал он. — А я все думал, куда он подевался.

— Что такое весовой тест? — спросил я.

— Я вообще-то полагал, что уж кто-кто, а ты должен знать, — ответил он. — Ты же все-таки как бы такой отчасти энтузиаст или вроде того.

— Ты о чем это, а? Никакой я не энтузиаст. И никогда им не был. Дуркует эта публика.

— Ладно тебе, но ты же не можешь сказать, что тебя «УниФуры» не интересуют.

— Интересуют, но лишь с профессиональной точки зрения, — не отступал я. — Так что там с весовым тестом?

— Все это тянется еще с тех времен, когда Схему только начинали, — объяснил Роб. — Построили примерно две тысячи фургонов и сообразили, что вес порожняком несовместим с осями, которые они ставят.

— Мама родная. Спорить готов — сэру Рональду Томпсону это не очень понравилось.

— Это уж точно. И честно говоря, я думаю, это его и доконало. Сам понимаешь, столько беспокойства.

— Так они что — все застопорили и начали снова?

— У-у — нет, это в их планы не входило. Слишком многое поставили на карту. Не забывай, Схему вообще выдвинули как великую панацею, и все зависело от ее успеха. Требовалось быстрое решение, и приняли промежуточное правило: будут использоваться старые оси, пока не сломаются. Это произошло почти тридцать лет назад, и до сих пор все было в порядке. Но вторая половина компромисса — раз в год они должны взвешивать выбранную наугад машину.

— Я думал, они все весят одинаково.

— Так и есть, — сказал Роб. — На самом деле, это просто формальность: некий ритуал, чтобы показать — они следят за ситуацией.

— И в этом году честь выпала «Долгому плесу»?

— Угу, — кивнул он. — Дрянский геморрой. Это значит, что мы должны выделить один «УниФур», чтобы его можно было взвесить.

Но это, конечно, произойдет только через несколько недель. Пока же мне предстояло переместить пятнадцать тортиков в наш фургон так, чтобы никто не заметил. Пока Роб следил за чистотой горизонта, я совершил три ходки с башнями коробок в руках и уложил их в кабине. После чего, тихо проклиная Джорджа, вернулся на рампу.

Я знал, что Крис закончил погрузку, поскольку видел его уже на другом конце депо — он там разбирался с другим транспортным средством. Мою дверь, вместе с тем, он оставил незакрытой, и когда я заглянул внутрь, то обнаружил, что в фургоне стоит Джойс. Она смотрела на один из ящиков и, похоже, действие это ее завораживало, будто содержимое ящика имело величайшее значение. О чем, интересно, она думает? В полумраке фургона она выглядела как-то иначе, тусклый свет сильно смягчал черты ее лица. И казалась она при этом вполне доступной, даже беззащитной, поэтому я нарушил молчание с

некоторой нежностью и спросил:

— Что-то потеряли?

Джойс быстро глянула на меня и снова перевела взор на ящик.

— Нет, — ответила она. — Я просто смотрю, что сегодня отправляется в «Веселый парк». Судя по этикеткам, вы везете четыреста «дворников» и пять гроссов задних отражателей.

— Музыка для моих ушей, — сказал я. — Значительный груз существенных компонентов несется по установленной траектории от депо к депо.

— Нелепо, да? — сказала Джойс, повернувшись ко мне. — Эта Схема — сплошная фикция.

Я недоверчиво вытаращился на нее.

— Но это же ядро всей нашей экономической системы!

— Ерунда! — отрезала она. — Это просто балаган, не более того! Реликт ушедшей эпохи, когда люди ничего лучше придумать не могли, — его измыслили прекраснодушные благодетели в своих башнях из слоновой кости! Схема неэффективна, расточительна и дорого стоит, а нужна ей хорошенькая перетряска! Нужно, чтобы эти фургоны сами зарабатывали на свое техобслуживание, а не ездили кругами с грузом никому не

нужных запчастей. Депо следует пустить в настоящее коммерческое использование, а персоналу платить по результатам. Иначе все это предприятие целиком пойдет по тому же пути, куда ушли остальные провалившиеся социальные эксперименты вроде общественного транспорта, школьных обедов и муниципальных оркестров!

Закончив говорить, Джойс посмотрела на меня с вызовом, как будто предлагала себя опровергнуть.

— А разве в школах больше не кормят обедами? — спросил я.

Она медленно покачала головой:

— Если бы все было по-моему — не кормили бы.

И без единого слова она обогнула меня и направилась к своей конторе, а я остался приходить в себя после такого взрыва. Джойс, очевидно, видела Схему совершенно не так, как я, но в то же время к будущему ее относилась очень пристрастно. А потому я буду ждать дальнейших разговоров с ней на ту же тему.

Времени, между тем, уже было восемь пятнадцать. Я закрыл дверь фургона, прыгнул в кабину и тронулся в путь. На первом углу за воротами я увидел Джорджа. Он ждал меня у низкой

стеночки, на которой покоился здоровенный деревянный поднос с тортиками. Я подъехал, и мы вместе загрузили их в кабину.

— Сколько их всего? — спросил я.

— Двадцать шесть, — ответил он. — И все к Сандро.

— А чего вдруг так много?

— Это не вдруг. Это постепенное расширение бизнеса.

— И что ты станешь делать, когда места в кабине перестанет хватать?

— Ну, — сказал Джордж, — тогда придется искать какую-то альтернативу, а то?

Все путешествие в «Веселый парк» ему, похоже, было неудобно ехать втиснутым среди коробок.

— Не забудь, ты обещал тортик для Джона Джоунза, — напомнил я, когда мы проезжали под караулкой.

— Не, не забуду, — ответил он. — Только не сегодня: эти все уже расписаны.

После «Веселого парка» он вынужден был ехать под грозившей обвалиться пирамидой до самого «Блэквелла», а потом — еще пару миль по Кольцевой. И лишь когда мы затормозили перед «Пекарней Сандро», мучения его завершились. На какой-то миг я чуть было не поддался соблазну

оставить его таскать коробки самостоятельно, но затем смилостивился и помог. Но даже вдвоем нам понадобилось несколько ходок в кухню, а потом Сандро пришлось еще искать там место, куда бы их пристроить.

— Может, мне следует снять себе помещение попросторнее, — заметил он. — Такой товарооборот ты тут наладил.

Вообще-то Сандро и так, похоже, расширялся. После нашего последнего визита он пополнил свой штат еще одним помощником — человеком в белом фартуке и колпаке: человек деловито вынимал булки из печи. Судя по виду, к работе он не привык, обильно потел, однако трудов своих не оставлял, пока мы с Джорджем стояли и беседовали с Сандро. И лишь выполнив свою задачу, он закрыл печную дверцу и повернулся к нам. Это был Тослинг.

Увидев нас, он в тот же момент заметно сник и пошатнулся — так что нам пришлось кинуться к нему и усадить его на стул. Потом мы заставили его опустить голову между колен, а Сандро принес стакан воды. И только через минуту Гослинг пришел в себя и смог заговорить.

— Простите меня, — сказал он. — Сейчас со мной все будет в порядке, спасибо.

— Но что вы здесь делаете? — спросил я. — Я думал, вас отстранили от работы с сохранением жалованья.

— Так и было, — ответил он. — Но честно говоря, как только началось расследование Несбитта, положение мое стало непереносимым. Мне так или иначе пришлось уйти. А потом Сандро любезно предложил мне работу и я согласился.

— Но вы же никакой не пекарь, — сказал Джордж. — Такая работа вас убьет.

— Он пока лишь несколько дней учится, — заверил нас Сандро. — А потом я переведу его на глазурование. У него очень художественная рука.

— Правда?

— О да. У него даже подпись элегантная.

Последнее замечание Сандро прозвучало настолько невинно, что я понял: он и понятия не имеет о той буре, которую вызвала в последние несколько недель подпись Гослинга. И в самом деле, большинству сторонних наблюдателей Схема, вероятно, казалась такой же, как обычно — орды «УниФуров» по-прежнему ездили взад-вперед по своим повседневным делам. Общественность ничего не знала о расколе и вражде, грозивших разорвать Схему на части. Какие-нибудь случай-

ные прохожие наверняка недоумевали, что за сборища происходят в последнее время в депо, но мероприятия такие обычно заканчивались через час и по большинству почти не привлекали внимания. То же можно было сказать об эмблемах противников, красовавшихся теперь почти на каждой машине. В глазах оппонентов они означали крайне важные принципы, однако стороннему наблюдателю казались совершенно бессмысленными.

Более пристальный взгляд, однако, обнаруживал дальнейшие признаки внутреннего конфликта. Многие работники Схемы в последнее время полюбили нацеплять значки, с первого взгляда дававшие понять, кто перед тобой стоит — полноденьщик или вольногул (слово «ранний» практически исчезло из обихода). Кое-кто из последней группы симпатии свои высказывал еще явнее и разгуливал с путевыми листами, торчащими из нагрудных карманов. Это вызывало насмешки полноденьшиков — все они были довольно-таки пуританами, не склонными к подобной вульгарной рисовке. Они предпочитали подходы неброские, обязанности свои выполняли в строгом соответствии с инструкциями, а в конце рабочего дня отмечались на проходной в

мрачном молчании.

И разумеется, стороны друг с другом не разговаривали. Время здравых дебатов и взаимопонимания уже миновало. Вместо этого между партиями воцарилось каменное молчание, ибо каждая свято верила в правоту своей цели. Отчего гладкое функционирование Схемы становилось все более затруднительным. Снова и снова случалось так, что складские рабочие-полноденьщики отказывались разгружать водителей, которых подозревали в «вольногульном свободомыслии». Подобные акции неизменно оказывали лобовое воздействие и приводили к дальнейшим задержкам в работе всей системы. Однако если ты пытался поговорить с кем-нибудь из непосредственных участников конфликта, тебе выдвигали произвольное количество благовидных доводов, подкрепляющих правоту стороны. Если брать по отдельности, обе школы мысли, похоже, обладали разумным и уравновешенным мировоззрением. И только если они сталкивались, непреклонность их выходила наружу.

Ситуацию к тому же осложняло то, что сами полноденьщики были безнадежно поделены надвое. Это правда: моральная правота их была тверже, ибо они все-таки придерживались

восьми часов, на которых зиждилась вся Схема. Однако и в их среде существовал непреодолимый раскол между теми, кто отказался от положенных десятиминут, и теми, кто нет. А потому их правое дело было подорвано изнутри. Десять минут от восьми часов были давней уступкой руководства, однако меньшинство экстремистов пожертвовало ими ради принципа. И теперь раздраженное большинство обвиняло их в том, что они сами «продались в рабство». Группа побольше числом собиралась у автомойки, которую они монополизировали на эти минуты, венчающие день. Экстремисты, тем временем, устраивали целые представления, работая строго до самого звонка.

На противоположном конце спектра располагались вольногулы, чья позиция основывалась на смутном понятии «справедливости» и мало на чем еще. Они утверждали, что полный рабочий день никогда и не предполагался в качестве строгого закона. Вместо этого к нему следует относиться, как к гибкой установке, в согласии с которой рабочее время варьируется в зависимости от каждодневных потребностей. Что тут говорить, понятие это — романтическое: говоря по всей строгости, у вольногулов не было никакой основы.

И вместе с тем в последующие пару недель до нас доносились сообщения, что ранние увольнительные начали раздавать снова. Слухи оставались какое-то время неподтвержденными, но однажды Брайан Тови вернулся в депо на добрый час раньше всех нас. Его путевку подписал начальник из «Раджуэя». После чего ранние окончания рабочего дня снова стали делом обычным, и могло показаться, что все снова вошло в нормальную колею. Возможно, угроза Леса Прентиса «торопиться медленно» возымела желаемое действие или же руководство просто решило, что ухабы последнего времени приводят к большим бедам, чем оно того стоит.

Какова бы ни была причина, я, со своей стороны, был рад, что вражда завершилась и можно опять наслаждаться жизнью в Схеме. Мне вообще не очень нравилось видеть, как мои коллеги ссорятся друг с другом, и я надеялся, например, что Билл и Ричард Харперы вскоре покончат со своими разногласиями. Это выглядело более чем реальным, когда однажды вечером я увидел их вместе — они стояли у часов на проходной и довольно дружелюбно болтали. Однако на следующее утро я пришел на работу и увидел, что ворота заблокированы «УниФуром», так что ни

одно другое транспортное средство не могло ни въехать в депо, ни выехать. И тут же я столкнулся с Джорджем.

— Что происходит? — спросил я.

— Забастовку объявили, — ответил он.

— Не может быть, — сказал я. — Они же получили свои ранние увольнительные. Чего еще им надо?

— О нет, — сказал Джордж. — На сей раз это не вольногулы. Это полноденьщики.

Очевидно, они решили, что единственный способ сохранить восьмичасовой рабочий день — устроить забастовку и привлечь к проблеме внимание общественности. Подобные действия проводились по всей Схеме, хотя начальство ясно дало понять, что тем, кому захочется работать, работать будет можно.

Джордж посмотрел на меня:

— И что мы будем делать?

— Точно не знаю.

— Я тоже.

— Я тебе так скажу, — сказал я. — Сходи к Артуру за ключами, посидим в кабине и подумаем.

— Нормально. Я пошел.

Он направился сквозь вертушку, а я двинулся через двор. Вся погрузочная рампа была заставле-

на «УниФура-ми», еще больше их парковалось на стоянке напротив. Ни один двигатель не работал, и я вдруг понял, как здесь невероятно тихо. Обычно в такое время рабочего дня здесь беспрестанно кипела какая-то деятельность, повсюду жужжали вильчатые погрузчики. А сегодня повсюду стояли группки людей — стояли, судя по виду, совершенно бесцельно. УФ55 ждал меня там же, где я его оставил вчера вечером, посередине рампы, поэтому я подошел к нему и тоже встал, опираясь на крыло. Через пару минут вернулся Джордж.

— За нас все решили, — сообщил он. — Артур бастует и ключи не выдает.

Вот мы все и приехали: полноденьщики, вольногулы, все. Зависли в «Долгом плесе» не в состоянии работать, хочется нам того или нет. Я предполагал, что во всех остальных депо ситуация точно такая же, поскольку даже если не бастовали вахтеры, скорее всего бастовали заправщики. Или операторы вильчатых погрузчиков. Или диспетчеры. Любая должность зависела от прочих должностей, и теперь без движения замерла вся Схема.

— Как же мне вывозить свои тортики? — возмутился Джордж.

— Фиг знает, — ответил я. — А у тебя большая

задолженность?

— Пока вообще никакой, — сказал Джордж. — Но ты же сам видел, как она быстро накапливается. Мне бы вообще-то не помешало как можно быстрее приступить к работе.

Но что-то мне подсказывало, что Джорджа ожидает разочарование. Если полноденьщикам хочется, чтобы забастовка прошла эффективно, она должна какое-то время длиться, и я начал думать, что впереди нас ожидает довольно продолжительная грызня. А кроме того, мне было интересно, сколько людей осознает все последствия такой забастовки. Вдоль рампы, по всему двору я видел экипажи, стоящие у своих «УниФуров» как бы в ожидании, что все утрясется часа за два. Некоторые, чтобы не тратить времени даром, полировали фары. Другие просто нежились на утреннем солнышке. Похоже, не многие понимали, что им здесь предстоит мариноваться довольно долго.

На дальнем конце рампы я заметил Джонатана, с которым мы не виделись уже несколько недель. Тем не менее я знал, что он выдержал испытательный срок временным помощником и теперь назначен в постоянный экипаж к Питеру Лоуренсу. Заметив нас с Джорджем, Джонатан подошел.

— Изумительно, правда? — сказал он. — Стоило мне устроиться в Схему, и я уже бастую.

— Так ты, значит, полноденьщик? — спросил я.

— Вообще-то нет, но Питер — да.

— Ага, я так и думал.

— Поэтому я как бы плыву по течению, все такое. Нас, наверное, всех скоро по домам распустят, да?

— Это еще почему?

— Ну так здесь же ничего полезного все равно не сделаешь.

— Не сделаешь, — согласился я. — Но если ты не проводишь все восемь часов на территории, тебе не полагаются забастовочные.

— Чего? — воскликнул Джордж, явно обеспокоившись.

— Вот ёлки, — сказал Джонатан. — А я и не знал, что есть правило для забастовок.

— Правила есть для всего, — сказал я. — Помню, мне про это Билл Харпер рассказывал, когда я только сам начал. Не то чтобы его когда-то применяли, конечно.

— До сегодняшнего дня, — сказал Джордж.

— Да, — согласился я. — До сегодняшнего дня.

Осознав, что ему предстоит ошиваться тут весь день, Джордж сильно помрачнел.

— Восемь часов! — сказал он. — Спорить готов, экстремисты в восторге!

Я посмотрел на часы: время дотикало до восьми сорока пяти. В любое другое утро мы бы уже катили по дороге в какой-нибудь «Веселый парк», или «Ватный город», или куда там еще мог завести нас долг. Сегодня же мы никуда не катили, и до половины пятого, вдруг показалось, — целая вечность.

В конторе начальства я через окно видел Хорсфолла, Коллиса и Микса — все они сидели за столом, опустив головы. Им сейчас тоже несладко, и, вне всякого сомнения, они очень стараются не выглядеть так, будто на этой, ранней стадии развития событий кого-то к чему-то принуждают. Кроме того, у меня уже давно сложилось мнение, что начальство больше интересует присматривать друг за другом, нежели отвечать требованиям самой Схемы, как наглядно показал случай с Гослингом. Они предположительно решили не вмешиваться и позволить полноденьшикам и вольногулам разобраться между собой. Джойс, как я заметил, нигде не было видно.

— Может, дротики покидаем? — предложил Джонатан.

Джордж покачал головой:

— Я уже заглядывал в игровую. Там очередь даже на то, чтоб на доску взглянуть.

— Может, тогда в столовку?

— Нет, спасибо, — ответил я. — Для меня там слишком шумно.

— Ой, да ладно, — сказал Джордж. — Ты ж не будешь тут весь день торчать.

— Но я там сто лет уже не бывал, — возразил я. — Как не дома.

— Тем паче стоит зайти.

Дальнейших возражений он не потерпел, и мы втроем прошагали через вертушку и вверх по задней лестнице. Еще на подходах к столовой я слышал лязг только что вымытых столовых приборов, которые швыряет в пластиковые корзины обслуживающий персонал. Тарелки для немедленного использования мычи, сушили и складывали тоже очень шумно.

— Почему они не могу научиться делать это тихо? — пробормотал я.

— Ой, хватит стенать, — сказал Джордж, распахивая еще одни двустворчатые двери и заводя нас внутрь.

Похоже, половину всей рабочей силы посетила точно такая же мысль, что и нас. Почти за каждым столиком кучковались люди — беседо-

вали, пили чай или наслаждались неспешным поздним завтраком. Однако сразу бросалось в глаза, что полноденьщики и вольногулы ничего общего друг с другом иметь не желают. Они сидели за разными столиками и старательно делали вид, что противников не существует вообще. Единственный контакт, возможный между ними, — просьба передать солонку или соус с соседнего столика, — сопровождался ледяной вежливостью до самого окончания транзакции.

Мы с Джорджем отправили Джонатана к стойке за чаем, а сами нашли свободный столик и уселись. Через проход от нас располагались Рон Кёртин, Дерек Мосс и Дэйв Катберт. Все — полноденьщики, они восседали за небольшой овальной табличкой, на которой жирно значилось: ЗАБАСТОВОЧНЫЙ КОМИТЕТ. Перед Дереком лежал список фамилий, и он проглядывал его, время от времени шариковой ручкой ставя тут и там галочки. Когда мы садились, он мне кивнул, затем вернулся к списку. Через минуту пришел Джонатан.

— На вид все очень серьезно, — сказал он, несколько понизив голос. — Как ты думаешь, это список бастующих полноденьщиков?

— Возможно, — ответил я. — С другой стороны,

это может быть список небастующих вольногулов.

— Что бы там ни было, разницы никакой, — заметил Джордж. — Мы все в одной лодке.

Он положил себе в чай три ложки сахара и принялся безутешно его помешивать. Я тем временем размышлял, не сходить ли мне к стойке и не взять ли себе завтрак или отложить поход часа на два и назвать его обедом. По правде говоря, аппетита не было вообще, поскольку работу я и не начинал, а потому в конце концов я решил подождать.

Мы допили чай и взяли себе по второму, когда перед столиком забастовочного комитета предстал Брайан Тови. Раньше он сидел в дальнем углу столовой и пылко о чем-то беседовал с группой вольногулов-единомышленников, как вдруг мы увидели: он встает с места и целеустремленно шагает через весь зал. И вот он уже стоит и смотрит сверху вниз на Дерека, Рона и Дэйва.

— Не возражаете, если я поинтересуюсь? — спросил он. — Но кто именно дал вам полномочия проводить эту забастовку?

— Это было решение большинства, — ответил Дерек.

— Стало быть, вы голосовали, так?

— Поднимали руки, да.

— Когда?

— Вчера вечером, когда ваша братия разошлась по домам.

— А кроме того, мы опросили нескольких уважаемых людей, — добавил Дэйв. — Вроде Джона Форда и Лена Уокера. Они оба полностью одобрили эту забастовку.

— Понятно, — сказал Брайан. — И это, стало быть, оправдывает то, что мы тут застряли на весь день, так?

— Конечно, оправдывает, — сказал Дэйв. — Это необходимо для вящего блага всей Схемы.

Чистая убежденность этого ответа, похоже, как-то озадачила Брайана, и он на миг погрузился в молчание. Не иначе, слова подбирал.

Но тут всю столовую окутало еще более общее безмолвие. Одна из створок входных дверей слегка приоткрылась, и в проеме показалась голова. Она принадлежала Рэю Коппину. Мы все посмотрели на него, а он одарил нас изнуренной улыбкой и снова спрятался.

12

Ничего длиннее первого дня забастовки я в жизни не помню. К одиннадцати утра время тянулось так медленно, что во мне поселилось убеждение: стрелки часов остановились вообще. И лишь когда большая перескочила на одну минуту вперед, я осознал, что ошибся.

Потребив каждый по четыре кружки чая, Джордж, Джонатан и я сидели и слушали окружавший нас гомон голосов, занятых нескончаемыми дебатами. Никогда не слышал я столько людей, единодушно соглашавшихся друг с другом, одновременно не соглашаясь со своими коллегами за соседними столиками. Просто чудо, что дело не дошло до потасовки, поскольку в столовой не хватило бы места для двух противостоящих сил. Вместо этого установился прочный нейтралитет, при котором все только ворчали, насколько ограниченна и неразумна позиция противной стороны по сравнению с ними, просвещенными. Что там говорить: я слышал все доводы уже сотни раз и мне вовсе не хотелось выслушивать их опять. Поэтому в конце концов

я решил, что с меня хватит, и спустился во двор, оставив Джорджа и Джонатана в очереди на дротики.

Проходя мимо вахты, я заметил, что дверь приоткрыта, а потому слегка толкнул ее и увидел, что под доской с ключами сидит Артур и читает газету.

— А, это ты, — сказал он, подняв голову. — Я закрыт.

— Я знаю, — ответил я. — Но я просто хотел спросить, нельзя ли мне одолжить ключи от моего фургона всего на несколько минут?

— Зачем?

— Ну, я просто думал загнать фургон на мойку. Блеск как бы навести.

— Боюсь, что нельзя, — сказал Артур. — У нас забастовка… Или ты не слыхал?

— Да, но это ж ненадолго. А потом я быстренько их верну.

— Послушай, — сказал он. — Если я выдам тебе ключи, мне придется выдавать их всем, кто придет с каким-нибудь своим капризом. Я же тебе только что сказал: я закрыт. Именно поэтому и окошечко закрыто. Если хочешь помыть фургон, придется тебе взять ведро и тряпку и мыть его вручную.

— А где мне их взять?

— Попробуй уборщиков.

— О, точно. Спасибо, Артур. Простите за беспокойство.

Он хрюкнул и захлопнул за мной дверь. Однако я дошел до чуланчика уборщиков и убедился: там все закрыто и за матовым стеклом никто не шевелится. Тут я понял, что уборщики, скорее всего, тоже бастуют, как и все остальные. Артур, вероятно, меня сюда направил, просто чтобы избавиться. И тем не менее мысль о том, что я должен помыть фургон, прочно въелась мне в голову, поэтому я принялся нарезать круги по всему депо в поисках ведра и тряпки. Когда поиски оказались тщетными, я пересек двор и зашел в механическую мастерскую. Уж они-то, думал я, наверняка подтирают чем-то разлитое масло.

Я вошел через ту дверь, которой мы пользовались последние недели, когда забирали Джорджевы тортики, однако внутри не пахло ни Робом Маршалом, ни кем другим. Там царило молчание. Пройдя чуть дальше, я миновал пустой кабинет Кена Скэнлона и вошел уже в настоящую мастерскую. Окна там не предусмотрены, и вся она освещалась длинными флуоресцентными трубками, свисавшими с потолка на латунных

цепочках. В здании никого не было, но резко остановился я не от этого. Передо мной раскинулось зрелище: воздетый на гидравлическую рампу, стоял полуразобранный «УниФур». Его колеса, панели, крыша и кабина сняты, на месте остались только шасси и двигатель да на своих стебельках торчали голые фары. Вокруг были раскиданы детали, а также отвертки, гаечные и разводные ключи. Работу, видимо, бросили, едва началась забастовка. К шасси «крокодилом» была накрепко прицеплена переносная лампа, и она жестко освещала поверженное транспортное средство. От его вида в таком недосостоянии что-то во мне шевельнулось — какая-то странная печаль, будто сейчас я потеряю нечто драгоценное навсегда. Несколько мгновений я постоял, впитывая глазами эту душераздирающую картину. А потом вышел из мастерской и вернулся на солнышко.

День был теплый, и многие уже вышли из столовой во двор. Они разминали ноги, прогуливаясь группками по двое и трое. Я так и не нашел ведро и тряпку, а возросшее количество персонала вынудило меня думать, что от мысли вымыть фургон придется отказаться вообще. В конце концов, работа посреди таких разногласий не принесет мне ничего хорошего, особенно если

учесть важность событий, разворачивающихся вокруг. Тот факт, что я не отношусь ни к вольногулам, ни к полноденьщикам, здесь иррелевантен. Это первая забастовка во всей истории Схемы, и я осознал, что лучше просто плыть по течению, нравится мне это или нет.

А экстремисты, как я вскоре выяснил, придерживались совершенно другого мнения. Я предполагал, что они будут полностью поддерживать акции полноденьщиков, и потому сильно удивился, услышав, что их фракция захватила и оккупировала игровую комнату. Целью своей они выдвинули, однако, не играть ни в дротики, ни в карты, ни в снукер, а протестовать против забастовки вообще. Новость мне сообщил Дэйв Уэлан.

— Забаррикадировались внутри, — сказал он. — Дрянские обломщики. Теперь нам вообще нечем заняться.

Судя по всему, оккупацией руководил Ричард Харпер, чьи последователи верили, будто национальное общественное мнение обратится против нас. Более того, они убежденно возражали против того, что люди наслаждаются праздными развлечениями в такое критическое время. Забастовочный Комитет попросил Билла сделать

попытку и урезонить брата, но пока все усилия оставались тщетны.

Ранние вольногулы тем временем высказывали свое отношение к забастовке как-то очень двусмысленно. По самой природе своей они, разумеется, склонялись к тому, чтобы радоваться возможности побездельничать несколько часов, поскольку целыми днями и так именно этим занимались. Хотя для водителя проводить время в каком-нибудь укромном тупичке в нескольких милях от депо — это одно. И совершенно другое — весь день торчать на территории депо. Поэтому едва пробило и миновало три часа, вольногулам начало становиться все больше и больше не по себе. Обычно в это время они уже строили планы, как бы подловить какого-нибудь ничего не подозревающего начальника в надежде получить на путевку заветную подпись. Сегодня же, напротив, другого выхода у них не оставалось — только ждать половины пятого.

Последние десять минут тянулись дольше всего. Вопрос о законных десяти минутах даже не вставал, поскольку при забастовке они были неприменимы. Кроме того, фургоны весь день никуда не ездили, а значит, не нужно было и ключи сдавать. Но даже так не заметить иро-

нии момента было невозможно, и я обратил внимание, как не одна голова покачивалась с печальным смирением. В двадцать минут пятого те, кто весь день просидели в столовой, спустились и влились в толпу, стекавшуюся к воротам. В четыре двадцать девять из игровой комнаты показались экстремисты и тщательно заперли за собой дверь, чтобы продолжить оккупацию на следующее утро. И наконец, ровно в половине пятого мы все покинули территорию депо — с радостными кличами. Наконец-то можно было идти домой.

Следующее большое событие произошло пару дней спустя, когда к забастовке решили присоединиться дамы из столовой. Им уже, видимо, хватило подавать чай ордам неблагодарных мужчин, которые ничего больше не делали, а только рассиживали за столиками и чесали языками. Что там говорить, подобное действие поставило полноденьщиков в весьма затруднительное положение, поскольку на такой оборот они вовсе не подписывались. И вправду, люди слышали, как некоторые пытались разубедить столовских дам, вне сомнения, рассчитывая сохранить бесперебойный поток субсидируемых съестных припасов и напитков. Успеха они, однако, не

добились, и в концу первой недели кухонные жалюзи опустились окончательно. К счастью, Забастовочному Комитету удалось реквизировать чайный бак с кипятильником, поэтому на некоторое время угроза крайних лишений была сведена к минимуму.

А в следующий понедельник депо удостоилось визита Несбитта. Он появился, когда мы с Джонатаном сидели на краю рампы и наблюдали за импровизированным футбольным матчем, развернувшимся посреди двора. По мере того, как забастовка выдыхалась, такие матчи стали частыми событиями и неизменно устраивались между командой, состоявшей из вольногулов, с одной стороны, и команды полноденьщиков с другой. Счет был ноль-ноль, когда Джонатан пихнул меня локтем в бок и показал на фигуру в черном, которая медленно обходила двор по периметру.

— Ёшкин дрын, — сказал я. — Жара такая, что свариться можно, а он все равно с полной выкладкой.

Несбитттем временем остановился и озирал футболистов; кроме нас, его никто, похоже, не заметил.

— Интересно, чего ему надо, — сказал Джо-

натан.

— Может, просто вынюхивает, — предположил я. — Надо же чем-нибудь заняться, пока придумает, как бы еще напакостить вольногулам.

— Чтобы такого поймать, самому им нужно быть.

— Ты о чем это?

— Когда Несбитт сам водил, он был худшим вольногулом из всех.

— Это кто тебе сказал?

— Один парняга, я с ним в депо «Раджуэй» познакомился. Он знал человека, который работал с Несбиттом еще в начале Схемы. Неделями подряд полного дня не отрабатывал, по общим отзывам. Путевку ему регулярно подписывали. Начальство явно обрадовалось, когда он подал на повышение. Это значило, что они его на свою сторону переманили.

— И что это был за парняга?

— О, я не знаю, как его звать. Но он уверял, что история подлинная.

Из середины двора донесся рев. Полноденыцики только что забили себе гол, и вольногулы бегали кругами, поздравляя друг друга так, будто играли в финале на кубок. Когда игра возобновилась, Несбитт двинулся дальше.

Мы так и не выяснили подлинной причины его появления в «Долгом плесе». Да и Джонатанову историю проверить я не смог и в конце концов отмахнулся от нее, как от беспочвенного слуха. Но не понимал я тогда другого: то была лишь первая ласточка в потоке диких бредней, ставших разменной валютой забастовщиков. Многие байки вертелись вокруг Гослинга: его непрекращающееся отсутствие лишь подливало воду на мельницу домыслов. Одни утверждали, что его поставили кидать уголь в топку кочегарки какого-то далекого депо. Другие — что ему дали задание сортировать использованные путевки, отделяя те, на которых есть подписи, от тех, на которых их нет. И на выполнение этой задачи у него уйдет несколько лет. Обе эти истории были полной гилью, разумеется, это я точно знал, но в сложившихся обстоятельствах считал, что, возможно, мудрее не говорить вообще ничего и никому.

Однако ходил и еще один слух, обладавший под собой, похоже, хоть какой-то основой. Начали поговаривать об этом где-то на третью неделю забастовки, и я слышал его больше чем из одного источника. Все выглядело так, будто некая группа энтузиастов пришла к руководству и вызвалась

водить «УниФуры», пока не разрешатся споры между двумя лагерями. Все это будет происходить строго на добровольной основе, работу оплачивать никто не станет, и энтузиасты готовы начать немедленно. Если верить слуху, их предложение сейчас находится «на рассмотрении».

Тут следует отметить, что, хотя забастовка приняла национальный характер, на экономическую жизнь страны она не повлияла никак или же повлияла очень незначительно. Не возникло никакого дефицита, ничего не нарушилось, наоборот — большинство автомобилистов радовались, что дороги больше не забиты процессиями медлительных «УниФуров». Целью кампании было всего лишь привлечь внимание к возникшей внутри Схемы проблеме, однако предложение энтузиастов грозило подвергнуть ее всяческим нежелательным проверкам. В конце концов, если кто-то готов водить «УниФуры» бесплатно, к чему платить жалованье тем, кто к этому не готов?

В результате слух сопровождало нарастающее беспокойство. До меня он впервые дошел, когда я совершил один из своих, теперь уже редких, визитов в столовую, где за последнее время многое изменилось. В предшествовавшие

дни Забастовочный Комитет обвинили в том, что он монополизировал кипятильник и отдает предпочтение полноденьщикам в ущерб вольногулам. Более того, члены Комитета доказали свою полную несостоятельность тем, что сначала у них закончился сахар, затем — молоко и, наконец, сам чай. В этот момент вперед выступил Джордж и предложил свои услуги в качестве временного снабженца — к вящему облегчению отягощенного проблемами Комитета, который это предложение моментально принял. Джордж выступал в новой роли всего второй день, и я решил сходить и посмотреть, как он справляется. Столовая уже просто превратилась в тигель идеологического брожения, и едва войдя, я сразу услышал историю про энтузиастов-добровольцев. После чего отыскал свободный столик и сел.

— Итак, насколько вам известно, — произнес чей-то голос поблизости, — по моему мнению, всю добровольную работу вообще следует запретить.

Это ораторствовал Джон Форд, чья репутация полноденьщика была известна всей Схеме. Как обычно, он вел беседу в манере, более подобающей партийному съезду, адресуя свои замечания не только трем собеседникам, сидевшим с ним

за столиком, но и всем окружающим, кто мог его слышать. Этим он мне напоминал школьного учителя, самодовольно полагающего, что ему внимает весь класс. Поверхностный обзор столовой показал, что в действительности никто не обращает ни малейшего внимания на то, что Джон имеет сказать, за исключением его непосредственных собеседников и меня. Однако ему было довольно знать, что слова его не тратятся впустую, и осознав, что я тоже впитываю сказанное, он одарил меня благодарным кивком.

— Неоплачиваемой работе не место в современной экономике, — продолжал он. — Поскольку, если люди работают за так, можно с уверенностью гарантировать, что кто-то где-то остается без работы!

— Так что, стало быть, произойдет, если руководство примет предложение энтузиастов? — спросил Крис Дарлинг, сидевший напротив.

— Тогда нам придется блокировать ворота, — объявил Джон таким тоном, будто подобное решение самоочевидно. — Тогда никакие фургоны никуда не поедут.

Три недели забастовки, видимо, никак не пригасили Джонова пыла, и в тот момент я понял: обе стороны — по-прежнему в тех же глубоких

окопах, что и раньше. Сколько еще, интересно, продержится это противостояние? Единственным человеком, кому настоящая ситуация оказывалась выгодна, по-видимому, оставался Джордж — его снабженческие маневры шли полным ходом. Однако я поговорил с ним несколько минут спустя, и оказалось, что у него свои проблемы.

— На меня вышел Сандро, — объяснил он, наливая мне вторую кружку чая. — Хотел узнать, когда мы вернемся к работе, чтобы он опять смог заниматься тортиками Трэйс.

— И что ты ему сказал?

— Что понятия не имею, когда завершится забастовка, а он сообщил, что вынужден отложить свои планы расширения. Может, ему даже придется уволить Гослинга.

— Ох, этого нам совсем не хочется, — сказал я. — Гослингу гораздо лучше оставаться там, где он есть, подальше от общих глаз.

— Я знаю, — вздохнул Джордж. — И Трэйс меня поедом ест все это время, конечно.

Он серьезно озадачился, но я не видел никакого выхода из сложившегося тупика. Пробормотав несколько банальностей насчет того, что все, «возможно, в конечном итоге утрясется», я снова направился вниз, во двор. Я зачем-то решил

пройти главным коридором и, когда шел мимо доски объявлений, заметил, что на нее вывесили новые маршрутные графики. Это наводило на мысль, что руководство вовсе не рассчитывало на неопределенную длительность забастовки и каждый день продолжало руководить Схемой. При ближайшем рассмотрении я обрадовался: новые графики включали рейсы в «Кружевной рай». Интересно, подумал я, как справляются с воздействием забастовки Гарольд, Мартин, Эрик и Джим? По-прежнему проводят свои дни за картами на дальнем конце рампы? И целыми тарелками поглощают сэндвичи Мартина? Или погрязли в бесконечных дебатах о тонкостях полноденьщизма?

Со своей стороны, я вынужден был признать: я уже наелся забастовкой по самое не хочу и больше всего на свете меня тянуло к работе. О как жаждал я тех славных деньков, когда мы могли раскатывать по Кольцевой, насытившись чаем с пончиками, обмениваясь приветствиями с друзьями-коллегами и заезжая в депо с такими гордыми именами, как «Веселый парк», «Ватный город» или «Раджуэй»! Может, конечно, и есть жизнь получше, нежели по восемь часов в день крутить баранку «УниФура», но в данный кон-

кретный момент придумать, какая она, я не мог.

Дверь диспетчерской распахнулась, и оттуда выскочил Боб Литтл, на вид весьма взбудораженный.

— Знаешь, что не так с этой страной? — вопросил он, завидев меня. — Взаимодействие, вот что. Никто ни с кем не взаимодействует — все только всем всё усложняют.

— Никогда об этом не задумывался, — сказал я.

— Так попомни мои слова, это правда, — сказал Боб. — Только взгляни, как затянулся этот спор. С ним можно было бы покончить, ко всеобщему удовлетворению, недели назад, если бы только люди друг с другом взаимодействовали. А вместо этого у нас лбами сшиблись тупоголовые полноденьщики и вольногулы; начальство твердит, что никакого отношения к ним не имеет; а руководство затаило дыхание и надеется, что все само закончится. И теперь еще сверху, как стервятники на стропилах, уселись энтузиасты. Ты слыхал, что про нас говорит общественность?

— Нет.

— Она говорит, что нам неизвестно, что такое настоящая работа. Называет нас сачками и нытиками. Нас!!! Дьявольщина какая-то! Я еще помню времена, когда Схема была флагманом

всего индустриального общества, а теперь она запросто может пойти на дно и следа за собой не оставить!

Облегчив таким образом душу, Боб немного притих и сообщил мне, что единственное решение — загнать представителей обеих партий в одну комнату и заставить со всем разобраться раз и навсегда. Он уже поговорил по телефону с Джоном Джоунзом в «Веселом парке», и Джон согласился обзвонить несколько депо и собрать подходящих кандидатов.

— Леса Прентиса — определенно, — заявил Боб. — И мне кажется, Джон Форд тоже сможет представить уравновешенную точку зрения.

Он отбарабанил список фамилий — несколько я узнал — и предложил для встречи формат «круглого стола». Обрадовавшись возможности хоть чем-нибудь заняться, я незамедлительно предложил свое содействие в реализации этой идеи.

— А где ты собираешься проводить эту встречу? — спросил я.

— Ну, «Веселый парк» будет естественнее всего, — ответил он. — Только там все больше склоняются к увольнительным, поэтому, вероятно, кое-кто сочтет это нечестным. На самом деле, я переговорил с Рэем Коппином насчет того, чтобы

использовать Зал Приемов у нас, и он одобрил.

Следует признать — меня инициатива Боба впечатлила. Он не только придумал саму встречу, но и приложил немало усилий, чтобы ее организовать. Но даже так было ясно: в одночасье ничего не произойдет, поскольку многим делегатам придется ехать из дальних уголков Схемы. День-другой понадобится, чтобы собрать всех в одном месте. А тем временем Зал Приемов следует подготовить, и Боб попросил меня с этим делом не откладывать. Комната располагалась в дальнем конце главного коридора, рядом с двустворчатыми дверями. Ее отводили заезжим титулованным особам, а это, в сущности, означало, что на полу там ковровое покрытие, а не линолеум. Окон не предусматривалось, однако в тех местах, где они должны быть, висели тяжелые бархатные шторы. В углу громоздилась пирамида стульев с кожаными сиденьями и стоял большой круглый стол. В небольшом тамбуре я отыскал пылесос и хорошенько почистил ковер, затем выдвинул стол и стулья на середину. Омытая светом электрической люстры, комната теперь выглядела идеальным местом для встречи на высшем уровне.

Пока я всем этим занимался, мне время от вре-

мени наносили визиты любопытные. Похоже, слух о предстоящем саммите пошел широко, и теперь все хотели помочь советом и мнением.

— Ты передай от меня Лесу Прентису, — сказал один водитель, — что ранние увольнительные — не предмет для переговоров.

— Тебе пепельницы понадобятся, — предупредил другой. — И побольше.

После примерно десятого подобного вторжения личностей, относившихся ко мне либо как к мальчику на побегушках, либо как к лакею-добровольцу, я закрыл Зал Приемов и запер дверь. Что-то подсказывало мне, что избранным представителям светит бурное время, и я надеялся, что сыграл полезную роль в придаче этому месту атмосферы святилища. Когда мы встретились с Бобом Литтлом, он сообщил, что встреча назначена на половину одиннадцатого в следующий понедельник.

В выходные чудесная погода, до сей поры сопутствовавшая забастовке, наконец сломалась, и в понедельник утром заморосил легкий дождик. В результате все прибывающие делегаты были обряжены в дождевики, и, наблюдая за их прибытием, я не мог не отметить, как похожи они друг на друга. Леса Прентиса и Джона Форда

я знал в лицо, но, говоря по правде, отличить их от прочих коллег было трудновато. Все — типичные работники Схемы, и невозможно было представить, что придерживаются они настолько диаметрально противоположных взглядов.

Вольногулы прибыли с заранее подготовленной Вступительной Речью, в которой предлагали в будущем при составлении графиков учитывать ранние увольнительные с гарантированным окончанием рабочего дня в три часа хотя бы раз в неделю. Полноденьщики посмеялись над таким предложением: их назначенный оратором делегат назвал его «иллюзорным».

Звали этого человека Энди Пауэлл, и на предварительной встрече с мокрыми избирателями он произнес речь из-под зонтика. Сторонники этой партии собрались поблизости от автомойки, но, поскольку делегат говорил в уже ставший привычным мегафон, слова его разносились по всему двору отчетливо.

— Иногда, — громыхал он, — мне кажется, что наши друзья вольногулы обитают в какой-то стране грез. Никогда в жизни не работали они полный день и более того — они и не собираются этого делать!

Обвинение вызвало волну резких выкриков

из публики, и, получив такую поддержку, он продолжал в том же духе еще несколько минут. К концу своего выступления он

Magnus Mills

уже исчерпал весь арсенал оскорблений, насмешек и инсинуаций. Ранние вольногулы кипели от негодования. Вскоре после они выпустили Дополнительное Заявление, описывавшее его тезисы как «смехотворные» и «бесполезные».

Вот в такой вот бескомпромиссной атмосфере четырнадцать избранных ровно в десять тридцать прошли в Зал Приемов.

— Славное начало, — заметил Джонатан, когда за ними закрылась дверь.

Весь главный коридор забили наблюдатели, жаждавшие первыми услышать об исходе саммита. Но время шло, и многие переместились в столовую, в конце концов оставив в коридоре только меня, Джонатана и Боба Литтла в компании нескольких упертых любопытствующих. Из комнаты не доносилось ни звука — ожидаемого гвалта, судя по всему, удалось избежать. Примерно в час дверь приоткрылась дюйма на два и подозвали Боба.

— Дело движется? — осведомился я по его возвращении.

— Пока нет, — ответил он. — Они просят прислать пива и сэндвичей.

— Хороший знак, — сказал я. — По крайней мере, у них организуется застолье.

— Да, с ящиком пива мы их упредили, — сказал Боб. — Как ты считаешь, Джордж сможет предоставить сэндвичи?

— Схожу узнаю. — Джонатан вылетел в двустворчатые двери и понесся вверх по лестнице в столовую. Вернулся он моментально. — Нет, не сможет. Говорит, что очень занят.

— Ну и что мы тогда будем делать? — спросил Боб.

— Не беспокойся, — сказал я. — У меня есть на примете человек как раз для такой работы.

13

Прибытие Мартина сорок минут спустя напоминало долгожданную атаку кавалерии с горизонта. К этому времени делегаты дважды повторили свое требование пропитания и, по словам Боба, уже являли признаки всевозрастающего раздражения. Когда, наконец, он смог их заверить, что сэндвичи готовятся, они в ожидании как-то успокоились. Мартин приехал вооруженный большой корзиной, набитой необходимыми ингредиентами, а также тарелками, ножами и хлебной доской. Разместился он в комнате по соседству, но не слишком близко к столовой (чтобы не расстраивать Джорджа), и сэндвичи вскоре потекли плотным и быстрым потоком.

— Сыр и латук для первой перемены блюд, — объявил он. — Затем яйцо с кресс-салатом, если им понадобится вторая.

Каждая тарелка подавалась с бутылкой пива и лично вносилась в Зал Приемов Бобом и Джонатаном, который к этому времени уже стал активным помощником Мартина. Я заметил, что

одновременно с Мартином появился ряд довольно-таки бесполезных иждивенцев. Они вились вокруг его стола в очевидной надежде, что их тоже накормят, посему Боб по возвращении вынужден был недвусмысленно прогнать их прочь.

— Дрянские бакланы, — заметил он. — Ни стыда ни совести у некоторых.

Несмотря на ворчание, Боб явно был доволен тем действием, которое сказало на делегатов угощение, а поэтому убедил Мартина нарезать запас сэндвичей для послеобеденного резерва. Их накрыли белыми салфетками и поместили под надежную охрану до особого распоряжения.

Если кто-то и надеялся, что согласие будет достигнуто быстро, их ждало крупное разочарование. Может, конечно, люди за закрытыми дверями и расслабились от угощения, но в совокупности все они были орешками твердыми, и споры, следовательно, тянулись всю вторую половину дня. Многие забастовщики в половине пятого отправились по домам, зная, что судьба их теперь — в других руках. Осталось только самое ядро твердолобых вольногулов, полноденьщиков и экстремистов, которые поддерживали друг другу хмурую компанию до самого вечера, когда снабженцы начали прибирать свои запасы.

Мартин только закончил паковать все обратно в корзину, когда ему нанес визит Джордж.

— Я принес тебе чашку чаю, — сказал он. — Полагаю, никто раньше об этом не догадался, правильно?

Этого оказалось довольно, чтобы погасить возможную вражду между этой парочкой, и уже через десять минут они делились друг с другом опытом, как лучше намазывать масло на хлеб. А саммит тем временем продолжался. В шесть попросили еще сэндвичей, а также дополнительное пиво. Внося их в зал, Боб не забыл проинформировать делегатов, что в буфете уже ничего не осталось. По его замыслу, это должно было несколько подстегнуть делегатов, но усилия пропали втуне. И только вскоре после десяти часов двери открылись и в проеме возник изможденный Джон Форд, за которым показались Энди Пауэлл и остальные двенадцать. Они сгрудились в конце коридора, а Джон и Энди выступили вперед, чтобы произнести речь.

— Это был трудный день, — начал Джон. — Но благодаря усилиям Боба и всех вас, нам удалось прийти к согласию. Обе стороны полагают, что пролонгацией забастовки ничего не будет достигнуто, а следовательно, по тщательном

рассмотрении мы подготовили Совместное Заявление, которое и зачитает сейчас мой коллега.

Повисла пауза. Энди Пауэлл медленно развернул листок бумаги, который сжимал в левой руке. Один или два зрителя зашаркали в предвкушении ногами. Остальные прокашлялись за Энди. После чего он воздел заявление перед собой и громко прочел:

— Мы пришли к единодушному мнению, что должен соблюдаться принцип полного рабочего дня, однако ранние увольнительные могут выписываться в тех случаях и только тогда, когда этого требуют обстоятельства.

Последовала еще одна пауза.

— И это все? — спросил кто-то.

— Ну да, — подтвердил Энди. — Это все.

— А как же законные десять минут?

— Десять минут от восьми часов остаются в силе.

Это вызвало общий вопль восхищения, я четырнадцать делегатов принялись продолжительно пожимать друг другу руки, хлопать друг друга по спинам и взаимно друг друга поздравлять.

— Иными словами, — пробормотал Джордж, — мы вернулись туда же, откуда начали.

Возвращение к работе стало мероприятием

достойным. Утром в среду, после целого дня «консультаций и соглашений» весь персонал прибыл на работу так, будто никакой забастовки и не было. Затем, в половине восьмого из ворот выехала колонна «УниФуров» во главе с фургоном, украшенным вымпелами. Складские рабочие обоих убеждений выстроились на рампе и наблюдали за ее выездом, ликуя и воодушевленно маша ей на прощанье. Таким образом они давали понять, что конфликт поистине и окончательно исчерпан.

Но даже так появление «УниФуров» на дорогах и улицах не произвело того эффекта, на который большинство из нас рассчитывало. Предполагалось, что конец раздоров будет с радостью воспринят широкими массами. И поэтому нас с Джорджем удивило количество странных взглядов, которые люди бросали на нас, едва мы выехали на Кольцевую. Мы просто потеряли счет тем, кто смотрел на нас и с презрением качал головой, словно говоря: «Позор так бастовать, да и только!»

Тем временем наши собратья-автомобилисты, похоже, стали нетерпимее к «УниФурам» на дорогах, нежели это бывало в прошлом, и некоторые поистине чинили нам препятствия. Поначалу я думал, что им просто жалко уступать нам до-

рожное пространство, остававшееся незанятым, пока мы пребывали в праздности, что само по себе выглядело довольно справедливо. Но когда нас подрезали в пятый раз подряд, я понял, что подобные действия подхлестывает чистая злоба.

— Что это со всеми такое? — спросил Джордж, когда одна машина обогнала нас, а затем притормозила, чтобы свернуть влево.

— Похоже, мы утратили популярность, — ответил я.

— Но мы только что выстрадали трехнедельную забастовку во имя сохранности Схемы! — возмутился он.

— Общественность на это смотрит иначе.

К счастью, общий объем нашей деятельности гарантировал, что вскоре «УниФуры» вновь станут королями транспортных магистралей. К середине дня третировать на дорогах нас почти перестали и мы снова влились в ткань повседневной жизни. Тем не менее в новом направлении мы свернули с Кольцевой с большим облегчением. В действие теперь вступили новые маршруты, и наш последний график включал в себя рейс в «Кружевной рай». Уже распогодилось, и мы весело катили дальше, я показывал Джорджу различные достопримечательности, замеченные

мною во время контрольных поездок.

Но хотя Джордж и обращал внимание на удобные придорожные парковки и кафе, вскоре стало ясно, что больше его занимает грядущая встреча с Мартином. Ему очень хотелось посмотреть, как тот работает на своей, так сказать, территории, — на Джорджа огромное впечатление произвели сэндвичи Мартина. У меня сложилось ощущение, что методы коллеги интересовали его больше, чем ингредиенты, но и так мне было приятно разделять с ним предвкушение встречи, когда мы подъезжали к воротам депо «Кружевной рай». Внутри было спокойнее, чем обычно, и на первый взгляд введение новых графиков никак не повлияло на внутренний распорядок жизни. И тут я заметил, что на рампе стоит и разговаривает с Гарольдом, Мартином Эриком начальник — в новой, ловко подогнанной форме. Мы въехали во двор и нас там встретил Стив Мур — его только что назначили и выглядел он весьма довольным жизнью.

— Ты помалкивал, — заметил я, вылезая из кабины.

— А чего болтать? — ответил он. — Не хотелось, чтоб завидовали, а?

— Ты тут постоянно?

— Угу, — ответил он. — Первый начальник, назначенный в «Кружевной рай».

Я посмотрел на его серебряную кокарду, блестевшую на солнце, и понял, что для Гарольда и всех остальных жизнь никогда уже не будет прежней. Дверь конторы, простоявшая так долго запертой, теперь была распахнута настежь, словно приглашая Стива начать службу. А это означало — по меньшей мере, пока, — что пришел конец неспешным посиделкам за картами, иногда тянувшимся целыми часами. Карточный столик уже скромно сложили и задвинули с глаз долой, а трое складских рабочих развлекались, подметая пол. Затем Гарольд оседлал вильчатый погрузчик и подъехал разгружать нас.

— Весь день бегаем как заведенные, — сказал он. — Каждые двадцать минут фургон подъезжает.

— Ну, по крайней мере, вы теперь обозначены на карте, — ответил я. — И как вам пока Стив Мур?

— Сказать по правде, слишком усердный. Все время ходит и все проверяет.

— Ох боже мой.

— Да чего там, — отозвался Гарольд. — Скоро мы его приручим чаем и сэндвичами.

Сам интриганский характер этого замечания предполагал, что, несмотря на изменение обстоятельств, в «Кружевном раю» все было хорошо. Эрик, как обычно, бродил с широченной ухмылкой на физиономии, и у меня не было сомнений, что в механической мастерской Джим за работой насвистывает. Джордж и Мартин тем временем углубились в беседу на свою излюбленную тему.

— Я предпочитаю диагональный сэндвич, если это возможно, — говорил Мартин. — Хотя прямоугольная нарезка, конечно, лучше для походных закусок.

— Толщина средняя? — интересовался Джордж.

— Когда можно, да.

— А соль — по вкусу?

— Естественно.

Их обмену высказываниями положило конец прибытие во двор еще одного «УниФура», но я видел, что на моих глазах зарождается новая дружба. И в последующие дни я довольно-таки привык к разговорам о хлебных ножах, сырорезках и хрустящести латука, как будто эта парочка стремилась сказать новое революционное слово в деле общественного питания. Собирались они что-нибудь по этому поводу делать или нет

— вопрос другой. Для большинства работников мысль покинуть Схему со всеми ее гарантиями и отправиться в окружающий мир была немыслима. Я едва мог припомнить полдюжины человек, решившихся на такой ход, и в каждом случае через несколько месяцев они возвращались в лоно. Тем не менее эти двое продолжали строить оптимистические планы. На той же неделе Джордж вышел на Сандро и восстановил доставку тортиков. А вскоре пригласил Мартина домой, познакомил с Трэйс, и все они, похоже, были готовы отныне жить счастливо.

Наутро первого июня Боб Литтл подозвал меня к своей стойке и велел не отмечаться на проходной.

— У тебя сегодня особое задание, — сказал он. — Ежегодный весовой тест, им нужно доставить пустой фургон.

— О, нормально.

— Ты знаешь, где находится весовой мостик?

— Ну.

— Стало быть, ладно, — сказал Боб. — Там будет несколько официальных лиц, поэтому лучше прихвати с собой Джорджа.

Тест должен был начаться только в одиннадцать, что дало нам возможность насладиться

неторопливым завтраком, после чего мы забрали ключи от УФ55 и двинулись в путь. Прибыли мы за десять минут до срока.

— Похоже, тут целое событие, — заметил Джордж.

На церемонии присутствовали пятнадцать человек, и я сразу подметил, что делятся они на три группы. Первая состояла из различных руководителей депо, включая Рэя Коппина, который кивнул мне, когда мы подъехали. Руководители эти выглядели примерно одинаково — в схожих помятых костюмах они стояли кучкой и смеялись шуткам друг друга. Чуть в отдалении расположилась вторая группа: начальство, полностью одетое по форме. Там был, разумеется, Несбитт, а рядом стоял высокий худой человек, про которого я решил, что это Скэпенс. Поблизости от них держалось несколько начальников низшего звена, включая Хорсфолла. Этот явно был в таком восторге — как же, принимает участие в столь важном событии и его подпустили близко к Золотым Кокардам, — что мы чуть ли не видели, как он виляет хвостом.

Также присутствовала Джойс. Стояла она не со своими коллегами-начальниками, а в третьей группе — кучке лоснящихся личностей, которых

я в связи со Схемой ни за что бы не заподозрил. Всего их было пятеро, и в руках у каждого был черный блестящий «дипломат». Они не обращали ни малейшего внимания ни на кого за пределами своего круга. Что удивительно — Джойс, похоже, чувствовала себя с ними как ровня, и пока я на нее таращился, мне показалось, что даже выглядит она выше, чем я помнил. Только потом я заметил, что вместо практичных черных туфель на ней — сапоги на высоком каблуке. Она увлеченно беседовала о чем-то с остальными и в какой-то момент сняла фуражку с высокой тульей, и волосы ее рассыпались про плечам. Смотрелась она изумительно, и в тот момент я осознал, что будущее принадлежит таким людям, как она.

Напротив, в человеке, заведовавшем весовым мостиком, все говорило об одном — он-то как раз принадлежит Схеме. Во-первых, у него лет сто ушло на то, чтобы появиться из будочки, после чего он с великой важностью принялся возиться с механизмом, точно собирался взвешивать золотой песок на каком-нибудь восточном базаре, а не рядовой — или даже необычный — «УниФур». По его инструкции я закатил фургон на большую железную плиту, затем мы с Джорджем вышли из кабины и вернулись наблюдать за процедурой

с почтительного расстояния.

Однако возможности разглядеть подробности происходящего не было никакой, поскольку перед шкалой сгрудились более важные зрители, тем самым загородив нам весь обзор.

После долгой задержки Джордж сказал:

— Чего-то они долго. В него монетки совать нужно или что?

— Фиг знает, — ответил я. — Может, он не работает как полагается.

И тут, словно бы в подтверждение, один из начальства подошел и попросил меня откатить фургон задним ходом с весов, а потом закатить его обратно. Я сделал, что просили, и вернулся к Джорджу. Теперь уже мы видели, как все покачивают головами и взволнованно переговариваются вполголоса, а довольный вид был только у людей, которые окружали Джойс. Остальные выглядели чуточку понурыми, и я заметил, что Хорсфолл перестал вилять воображаемым хвостом.

Наконец к нам приблизился Несбитт.

— Ладно, спасибо вам, парни, — сказал он. — Можете ехать на обед. В животах небось урчит уже, а?

— Есть немножко.

— Ну так поезжайте. И наешьтесь до отвала.

Мы забрались в кабину, завели двигатель и скатились с весов. Официальная делегация осталась на месте, провожая нас взглядом.

По пути домой мне в голову пришла мысль.

— Помнишь ручную тележку с поддоном, которую мы с собой уже несколько недель возим?

— Ну? — ответил Джордж.

— Как ты думаешь, она могла повлиять на результат весового теста?

— Вряд ли, — сказал он. — Какой-нибудь тортик Трэйс — это да, а тележка — вряд ли.

***

Я проработал в Схеме пять лет, три месяца и четыре дня. Я это знаю, поскольку через две недели после весового теста получил письмо, где мне об этом сообщалось. Кроме того, мне сообщалось, что, поскольку весовой тест не выдержан, за следующие несколько месяцев Схема Полной Занятости будет свернута.

— Иными словами, пришли кранты, — сказал Джордж, получивший идентичное письмо, только в нем говорилось про два года. — Вообще-то довольно удобно.

— Удобно? — переспросил я. — Как это?

— Получу за два года по сокращению штатов, ага? То что нужно, если хочешь начать свой бизнес.

И потому Джордж, по крайней мере, был счастлив. А также Мартин. Оставались все остальные мы. По общему мнению, люди на самом верху только искали удобный повод, чтобы нас закрыть, поэтому весовой тест как нельзя лучше сыграл свою роль.

Дальше в письме говорилось, что как бы там ни было, но общественное мнение в стране круто изменилось. Общество больше не желает поддерживать Схему, которая ничего не производит, а движимое и недвижимое имущество будет использоваться эффективнее, если его продадут частному сектору. Подписано письмо было так: мисс Дж. Мередит.

Сопротивление, разумеется, было тщетным. В следующие несколько дней произошло несколько массовых митингов, на которых отдельные голоса призывали к незамедлительным производственным действиям. К сожалению, как мы это поняли во время забастовки, никаким экономическим влиянием мы не располагали. А посему любые подобные акции возымели бы крайне

мало действия. Кроме того, вскоре послышались враждебные голоса, утверждавшие, что работникам Схемы и так слишком долго жилось слишком вольготно, и мы наконец должны получить то, что нам причитается. Времена изменились, говорили они, и чем быстрее мы приспособимся, тем лучше для нас.

Когда о происходящем пронюхали энтузиасты, они тут же начали кампанию «Спасем «УниФур»«. Им в конце концов удалось вступить в непосредственный контакт с рабочей силой и провести даже несколько переговоров, но из них ничего не получилось. Затем до энтузиастов дошло, что они, вероятно, смогут покупать ненужные фургоны со скидкой на распродаже, и они вдруг притихли. Пару сотен транспортных средств в должном порядке выбросили на рынок, и модели получше качеством немедля расхватали.

Но все равно их осталась масса. Машины согнали в «Веселый парк», ставший теперь просто слоновьим кладбищем «УниФуров». Они стояли безмолвным строем, ряд за рядом, и за ними присматривал Джон Джоунз, которому как-то удалось сохранить работу в своей караулке. Несколько депо были куплены застройщиками. Но большинство ни на что уже не годились. «Долгий

плес» закрыли в последние дни сентября — к этому времени через трещины в бетоне уже начали прорастать сорняки и молодые деревца.

Что же касается персонала, то все мы получили какие-то деньги. Немного, но хватит, чтобы не стонать. Однако даже с выплатами скорость закрытия нас шокировала. Никто не ожидал, что Схема рухнет в одночасье. Мы действительно думали, что она простоит вечность, а колонны «УниФуров» привезут нас в яркое и перспективное будущее. Вместо этого мы сами промотали все, что могли, — мелкими своими дрязгами, инертностью, своим тупоголовым упрямством. После чего оставалось только беспомощно наблюдать, как все огромное величественное строение демонтируется у нас на глазах. Нас предупреждали, а мы не вняли. И теперь все потеряно. Возвращаются холодные ветра. Так закончилось наше славное лето.

ЗОЛОТАЯ КОКАРДА

Бреслин
Несбитт
Скэпенс
Уилкин

СЕРЕБРЯНАЯ КОКАРДА

Эскью
Аткинсон
Бамфорд
Блэнд
Бут
Чарнок
Коллис
Коуэн
Кроу
Доусон
Гослинг
Хэкетт
Хэррис
Хогг
Хорлик
Хорсфолл
Хоскинс
Хаггийс
Кнэпп
Маккейб
Микс
Мерсер
Мередит
Муди
Осгуд
Подмор
Пик
Седжфилд
Смарт
Спендер
Стриклэнд
Трант
Уоррен
Уоттс